

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

NIZHNY NOVGOROD 1(12)/2017

ВЛАДИМИР
ПОДЛУЗСКИЙ
Сыктывкар

4

СЕРГЕЙ
ТЕЛЕВНОЙ
Моздок

18

ЮРИЙ
ТАТАРЕНКО
Новосибирск

60

ТАТЬЯНА
СТОЯНОВА
Москва

65

СЕРГЕЙ
СТЕПАНОВ
Нижний Новгород

69

РОМАН
СЕНЧИН
Москва

86

ДЕНИС
ЛИПАТОВ
Нижний Новгород

112

ИВАН
КАРПОВ
Липецк

116

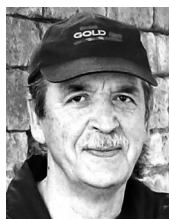
ВЛАДИМИР
КУТЫРЁВ
Нижний Новгород

148

НИКОЛАЙ
ПЕРЕАСЛОВ
Москва

176

СЕРГЕЙ
СУТУЛОВ-
КАТЕРИНИЧ
Ставрополь

204

ВЛАДИМИР
БЕЗДЕНЕЖНЫХ
Нижний Новгород

207

ВЛАДИСЛАВ
ОТРОШЕНКО
Москва

208

ЮРИЙ
НЕМЦОВ
Нижний Новгород

230

НАТАЛИЯ
БЕЛЯЕВА
Уссурийск

235

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

СКАЗ О ЦАРЕВИЧЕ АЛЕКСЕЕ. *Поэма* 4

Проза

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

Я – НЕ ЗАМОРЫШ! *Повесть* 18

Поэзия

Юрий ТАТАРЕНКО

В НЕБО ЛЕСТНИЦА МОЯ 60

Татьяна СТОЯНОВА

Я – ПРИРОДА. ОН БЫЛ – ЧЕЛОВЕКОМ... 65

Сергей СТЕПАНОВ

Я ГОТОВ БЫТЬ С ТОБОЙ 69

Проза

Владимир ВЕЩУНОВ

ЗАПИСКИ ДЕТДОМОВСКОГО ВОСПИТАТЕЛЯ 73

Роман СЕНЧИН

ДА ТЫ ЧЕГО!.. 86

Мария ШАКИРОВА

ПЕРСИКОВАЯ КОСТОЧКА 94

Венедикт ПОНОМАРЕВ

СВОЙСТВО КОНЬЯКА 97

Мария МИКИЙЧУК

ВЫПАВШАЯ ДРИАДА 102

СЛОВО 107

Поэзия

Денис ЛИПАТОВ

ЧТО ГУБКА – ЛЮБЫЕ СТРАНЫ ВПИТАЕТ ДУША ТВОЯ 112

Иван КАРПОВ

...И ЖИЗНЬ, КАК ОБЛАКО, ПЛЫЛА 116

Театр

Егор ЧЕРЛАК

ТРИ ЛЮБВИ ТОМУ НАЗАД. *Пьеса* 120

Публицистика

Владимир КУТЫРЁВ	
ПРОЩАНИЕ С ПРИРОДОЙ	148
Лев ШАПОШНИКОВ	
Василий РОЗАНОВ: У НАС ВСЯ ГЛУПОСТЬ С ИНОСТРАННЫМ АКЦЕНТОМ.	167

Из будущих книг

Николай ПЕРЕЯСЛОВ	
ПОСТМОДЕРНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ <i>Страницы из записных книжек</i>	176

Стихи по кругу

Вячеслав ДЕНИСОВ	199
Людмила ЕДИГАРЬЕВА	202
Александра ПОЛЯНСКАЯ	202
Вячеслав ЛОБАНОВ	203
Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ	204
Илья МАНСКИЙ	205
Пётр ДИКАРЕВ	206
Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ	207

Вехи памяти

Владислав ОТРОШЕНКО	
ПОСЛЕДНЕЕ ОЗАРЕНИЕ ПУШКИНА	208
Анатолий АБРАМОВ	
МЫ НЕ СКАЖЕМ «ПРОЩАЙ!» НИКОГДА	219

Литпроцесс

Юрий НЕМЦОВ	
РЯБОВКА	230
Наталья БЕЛЯЕВА	
БОЛЬ И РАДОСТЬ. Концепция жизни в романе Елены Крюковой «Рай»	235

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

Родился в 1953 году в потомственной учительской семье в селе Рохманово Брянской области. Окончил артиллерийскую сержантскую школу в тогда ещё Горьковской области в Мулине, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западную академию государственной службы и управления, Брянский сельхозинститут. По образованию журналист, менеджер, агроном.

Сорок лет отработал в прессе на Брянщине и Севере. Автор трёх книг стихотворений и романа в стихах «Тарас и Прасковья», за который стал лауреатом Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества».

Член Союза писателей. Живёт в Сыктывкаре.

СКАЗ О ЦАРЕВИЧЕ АЛЕКСЕЕ

Поэма

Почти сто лет Россия без царя
Болтается по морю-океану.
В каком порту ей бросить якоря,
Известно одному лишь Капитану.

* * *

*Мой городок прилюдно одичал,
Моя деревня в шаге от трясины.
И терпит стихотворную печаль
Бумага из Иудиной осины.
Ждут правнуки Бояновой струны
Признания Кремля и академий.
Как будто жизнь и творчество даны
Для оправдания их премий.
Награды хлещут, будто из ведра
На нашу бессловесную словесность.
А где она, поэзия добра,
Что исподволь обожествляет местность.
Талант святой не ищет золотой
На шумный бал зоила и эстета.
Поэт не соглашается с толпой,
Которая не слушает поэта.*

.....
Я с малых лет привык дразнить гусей –
Нормальная для лирика манера.
Спасён был цесаревич Алексей
Под шапкой-невидимкою премьера.
.....

Сей образ так или иначе свят
Для русского народа и Синода.
Шумела, будто Гефсиманский сад,
Россия восемнадцатого года.
Божественно красивая страна,
Где много значат тайные каноны.
Тут вера из горчичного зерна
Произрастает от корней до кроны.
А кто в подвал истории попал
Ипатьевского взорванного дома,
Чьи души отодвинул трибунал
От запредельного аэродрома?
Не буду делать ссылок на послов
И русских обречённых адмиралов.
Достаточно уж сказано тут слов
Вождей цветных и серых кардиналов.
Я вынужден, как многие, твердить
О кровной связи неба и чертога.
Ну не могла держава победить
Без явного помазанника Бога.
Конечно, есть народ, как есть и чернь
Среди низов, да и среди дворянства.
Она, как самый ненасытный червь,
Подтачивает душу государства.
Грядущая эпоха или блажь
Гуляет нервной дрожью по эфиру.
Престол, что вышел якобы в тираж,
Вновь искушает русскую Пальмиру.
Вдруг объявились пришлые цари
Со всякими своими орденами.
Предчувствую уж, что ни говори,
Дыханье зарождающейся драмы.
А на пути абрек и злобный пан,
И враг, которого ещё не знаешь.
И целится из-за сирийских пальм
В родную «сушку» бородатый «даши».

* * *

С годами я не жалею кладбищ,
Довольствуясь премудростями света.
Хотя когда-то мраморная тишь
Заманивала тайнами поэта.
Я кланялся великим именам,
Оплаканным родами и хорами.
Среди крестов сам крестиком, как храм,
Поблёскивал меж тонкими мирами.

Васильевский был как оживший склеп
В полуночи повторной катастрофы.
Везде чернели, как тогдашний хлеб,
Горбушками разломанные строфы.
Всё было выпуклым, как у косух
Блестящие железные заклёпки.
И будто чёртик, жареный петух
Выскакивал из штатовской коробки.

* * *

В кустах кресты виднелись без затей
Над прахом Николая и Матроны.
Ужель в число косыгинских детей
Вписала власть наследника короны.
Такое имя, а вокруг бурьян;
На холмиках оплывших тень сомнений.
Как мог из офабриченных крестьян
Явиться государственный тот гений.
Да много ль токарей* нашли приют
Среди гранита, мрамора и злата.
И в час заветный понеслись на суд
Под ручку ангелов из вертограда.

* * *

Приветливый, родной, по-царски прост –
Слышал в одном селе от поварихи,
Его грибами потчевавшей в пост
В покоях оскоромленной Барвихи.
Ножей и вилок звонких череда,
Без вензелей незнатная посуда.
Там сельская простецкая еда
В изысканные превращалась блюда.
Он лично стряпал под коньяк уху
Из карасей и курицы – конфетка!
С обслугой в волейбол на берегу
Играл, да так, что пригибалась сетка.
Текла ли в нём романовская кровь,
Имевшая особые приметы,
Узнать бы у кремлёвских докторов,
Да кто же мне поведаёт секреты.
Премьера видел в доме на Тверской,
Где тесные кричащие *каморы*.
Войдя, он поприветствовал рукой
Народ, забредший на переговоры.
Был в нём совсем не стольный жест,
А шарм московского провинциала.
Хотя в руке державной жезл
Сжимал он из звенящего металла.

* Николай Ильич Косыгин был токарем высокой квалификации на Ленинградском заводе имени Карла Маркса.

Косыгин, шла молва, ступал один
По звонкому Норильску, как червонцу.
И Комитет, пугаясь до седин,
Молился утухающему солнцу.
Империя стояла за спиной
У нас, и каждый мог в неё лишь верить.
И был ли не богоугодным строй,
Где окормлял народы цесаревич.
Он называл, встречая, работяг
Ребятами – ну чуть не ребяташки.
И за премьера в гоготе общаг
Выстреливались тосты, как из пушки.
Под Брянском так же величал солдат
Царь-батюшка, на фронт их отправляя.
С *телятника* горланили те в лад,
Небритого увидев Николая.
Позавчерашний рекрут, сам крючок,
Так искренне под стопку жал плечами.
Мол, как же мог простенький мужичок
Тягаться с мировыми силачами.
Другое время шлялось во дворе,
Когда все были как бы генералы,
Пред коими в райкомовском каре
Раз в год стояли сытые амбалы.
А в общем, тот же многоликий люд,
Привыкший жить условностями долга,
Любил деньгою окроплённый труд
И по возможности душевной – Бога.

* * *

На кладбище полно святых имён,
Седьмым ниспосланных России небом.
Герой не может быть не окрылён
Вином холодным и горячим хлебом.
Поодаль Ксеньи Петербуржской лик
Сиял над усыпальницей Смоленской.
И Патриарх, как неземной старик,
Пел в здешнем храме с благостью вселенской.
Тут вспоминали немца* тополя,
Что русским был во всех своих девизах.
На романтического короля
Гадали Лалы в разноцветных ризах.

* * *

Конечно, у погостов свой изъян,
Как и своя бессмертная долина.
Тут обитает главная из нянь –
Волшебная рассказчица Арина.

* Поэт Александр Блок, создавший гениальных «Скифов» и «Двенадцать», был потомком обрусевших немцев. Его прах со Смоленского кладбища перенесён на Литераторские Мостки.

Родная Родионовна, шепни
Мне хоть одну заветную быличку.
В кануны полнолуния есть дни,
Когда вступают души в переключку.
Коль хочешь, принесу тебе вина;
Ты с кружкою рассядешься, как сваха.
Хочу спросить – опять моя страна
Надеть готова шапку Мономаха?
Что думает о троне Александр:
В России он по-прежнему в фаворе.
Тут без него скучает Летний сад,
Роняя слёзы розовые в море.
Поэт – он как духовный государь,
Сверкающий звездою патриарха.
Народный освящает календарь
Заветами и бога, и аллаха.
Его непостижимая строка,
Впечатанная в книжные скрижали,
По-своему в народной ДНК
Закручивает генные спирали.
Санкт-Петербург на пушкинский словарь
Так положил имперские *аз-буки*,
Что с кладбища в гробу сбежал Кобзарь
На чудный Днепр, от зависти и скуки*.
Тут жизнь и смерть не для его стила;
На русский лад ковали в век Тараса
Коренникам хохлацким удила,
Подковы и ободья тарантаса.
Ковали Украине тот кожух,
Что был столь лет бронёй и маскхалатом.
Но потащили трое повитух
На выкидыш страну под автоматом.
И бросили собакам диким плод,
Чтоб корчилась болезная держава.
И закричала про московский гнёт
Оставшаяся от хазар орава.
Я не забуду, как советский строй
Кляла приросшая к бандитам баба,
Стоявшая кудрявою горой
За русского базарного бастарда.
Со многими мы славою земной
Делились, под салюты прирастая.
Романовы срубили, будто Ной,
Ковчег Руси от Колы до Китая.
Блистал, как сотня статуй, командор,
В ограду упершись и в шумный берег,
С которого неведомый простор
Руси открыл датчанин Витус Беринг.
Поэт в тот вечер потерял покой
От мыслей нецерковного оттенка,

* Тарас Шевченко по его завещанию перевезён со Смоленского кладбища на берег Днепра в украинском городе Каневе.

Бродя над усыпляющей рекой
По выжившему имени Смоленка.
Листву меняла мыслящая сень
Над лопухом и малахитом бронзы.
А над могилами резная тень
Раскидывала блики, как угрозы.

* * *

Ходили долго слухи по Москве
Про чудное спасенье Алексея.
Чего народ не сочинит в тоске
По сказочной короне Елисея.
Случались самозванцы, что в речах
Поведывали тайные детали.
Шептали о дворцовых калачах,
Которые как будто бы едали.
Вы что хотите, это же ведь Русь;
Единственная, странная до боли.
Я сам лихим пророком становлюсь,
В ней нахлебавшись сызмала юдоли.
Подчас планида царских сыновей
Окутана чудесным ореолом.
Мир вспоминает ласково о ней
Вполголоса задумчивым глаголом.
У каждого найдётся полчаса,
Исчезнувшего в бездне среди туманов.
О сколько раз рыдали небеса,
Что Алексей не царь и не Романов.
Друг с дружкой спорят факты и фольклор –
Где вещее, а где лишь тень лукавства.
Уж по России слышен целый хор
Провидцев, как смутьянов государства.
Народ наш чует жуткие миры,
Что булькают и светят где-то рядом,
Удумывая войны и пиры
Упрямым землепашцам и солдатам.
Всё потому, что понимает толк
И трутнем не купается в сиропе.
Веками будет перед ним клубок
По Азии катиться и Европе.
Чем больше власть похожа на плакат,
Тем ярче люд придумывает сказы.
Жизнь на Руси без солнечных заплат
Погибла б от очередной заразы.
Иль от могущества пустых наук,
Опасных, как набеги печенег.
Ни за один окованный сундук
Не купишь тайн заветного ковчега.
Сравнить я с ним дерзаю царский род,
Донёсший крест тяжёлый до Голгофы.
А дальше русский госпереворот
Сам испугался будущей эпохи.

Я думаю, что было б чересчур
Нам повторять ошибки Иудеи.
Стране до смерти нужен перекур,
Когда народ так падок на идеи.
Его не стоит обоготворять
В такие неразборчивые годы.
Ведь всё равно Русь возвратится вспять
По мудрому движению природы.
Наследника, как власть не путал бес,
Спасли святыней русского эдема.
За Брестский мир царицу и принцесс
Отдали в руки родича Вильгельма.
А хаты, будто мёртвые тела,
Окоченели на ладонях фрица.
По цвинтарю* российского села
Германская змеилась заграница.
Шепталась, чуя мировой позор,
Империя, припудренная прахом.
И до сих пор секретный договор
Доступен лишь Кремлю и олигархам.
Сам Николай оставлен под залог
Того, что блеском ослепляет троны.
Под Малоярославцем был чертог
Последнего властителя короны.
Пред роком не испытывая страх,
Царь Божьей волею не предал трона.
Пал скипетр из-за магии бумаг
За подписью министра и барона.
.....
*Что либералу родина и честь,
И некая гражданская присяга.
Ему число шестьсот шестьдесят шесть
Дает все преимущества и блага.
А стоит ли завидовать тому
Владельцу бриллиантов и цветмета,
Кто прямоком отправится во тьму
Со всяческими почестями света.*
.....
С царём не раз встречался дерзкий вождь,
Сломавший у полупланеты выи.
И золотой вдруг проливался дождь
На молодые наши яровые.
Объединял обоих русский путь:
Как общая идея и харизма.
Но не смогла Россия во всю грудь
Вздохнуть и в бурный век социализма.
И только, может быть, потайный царь
И небесами посланный наследник
Следили, чтоб на золотой алтарь
Натянут не был орденский передник.
Владимир Третий раз на Рождество

* Цвинтарь – сельская церковная площадь.

Туда явился, будто отогреться.
В подсвечниках дымилось торжество,
И верилось в спасенье самодержца.

* * *

Хочу, чтоб сей полуволшебный сказ
Чуть прояснил историю и цели.
С чего, к примеру, буйствует Кавказ,
Батальные разыгрывая сцены.
И отчего угрюмый угро-финн
Сбивается в весёлые союзы.
И почему всё больше украин
Под танцы рассыпаются, как бусы.
Коль не бывает дыма без огня
В Отечестве, на горнем закалённом,
Царей всегда небесная броня
Спасает в здешнем и потустороннем.
А что народ? Почёсывая пуп,
Он приручал гомункула коммуны.
И, кутаясь в прокуренный тулуп,
Мечты припрятывал, как жито, в клуни.
Хотел, чтоб жисть его была сладка,
Как с бражкой медовою кандея.
Не говорите, что у мужика
Есть более высокая идея.
Он вкалывал как будто сам не свой,
В наследство оставляя сыну силу.
И если был он всё же крепостной,
То крепость эта сберегла Россию.
Пытался Брежнев разгадать его,
Не разжевав Косыгина задумки.
И улица рабочая Серго
Крестьянские проглатывала улки.
Ларец реформ заржавленным ключом
Открыть пытались с помощью обмана.
Как будто бы премьер был увлечён
Теорией Евсея Либермана*.
А может, сей Евсей политбюро
Насторожил, как капитала призрак.
Тут надо или ставить на zero,
Иль от реформы оставлять огрызок.

* * *

Философ с ходу наплетёт вам в лад
Про бремя богоносца и лампаду.
Лишь знаю я, что ни один трактат
Крестьянскую не раскумекал правду.

* Евсей Либерман, харьковский учёный, опубликовал в газете «Правда» статью, где внёс в теорию Косыгинских реформ чуждый премьеру принцип рентабельности и прибыли любой ценой. Это, по мнению специалистов, в конце концов повлияло на половинчатость проводимых реформ.

Я всё-таки немного агроном,
Поживший недомолвками общины.
Там каждый дом умён своим умом,
Где собственный и чёрт, и благочинный.
Какого Маркса будет свинопас
Читать под визг и хрюк на перекуре.
Его и в добрый и в недобрый час
Видал, едва вмещающимся в шкуре.
Он радостен и в то же время зол,
Коль нацепил винтовку и шинельку.
И молится в окопах на подзол,
Взрастивший золотую деревеньку.

* * *

Мужик, монетой набивая горб,
Махнул рукой на церковь и на славу.
А царь у подозрительных особ
Выпытывал виденья про державу.
Я думаю, он знал про вариант
Чудесного спасения от черни.
Завод фатально разрушал уклад
К деревне присосавшихся губерний.
Я никакому строю не адепт;
У нас не может быть такого строя,
Чтоб человек был сыт и был одет,
И не буянил возле аналая.
Царя нездешний ускорялся срок
За счёт скрипящих фронтовых обозов.
У Зимнего опять взводил курок
Изрядно полысевший Каракозов.
В каретах разъезжали двойники,
Деля чужую славу и планиду.
И где-то сохранились дневники
Про русскую живую Атлантиду.

* * *

Зачем надменных родичей Борис
Собрал под марш на царственном погосте.
Теперь наука щупает на бис
Отчаянно прославленные кости.
Виновник сам застрелен на мосту
Меж первыми царями и народом.
У нас злодейство видно за версту
Под русским освящённым небосводом.
В Санкт-Петербурге я видал плиту,
Обрызганную гаубичным эхом.
Великий князь там кончил маету
С самим собою, белыми и рейхом.
А впрочем, всё решат и без меня,
Особенно не выбирая средства.
Идёт великосветская грызня
За самое священное наследство.

Не зря второй по счёту патриарх
Не признаёт монаршие останки.
И церковь тут при всех своих дарах
Ждёт Божий суд, а не от янки бланки.
Читатель волен не поверить в сказ;
Ещё одна, мол, наша одиссея.
А что? Быть может, вот она как раз
Подходит для планиды Алексея.

* * *

Я знаю, будет вновь народ велик
И прирастёт смиренным инородцем.
И в каждом русском отразится лик,
Как звёзды отражаются колодцем.
Ещё, как пар, наш отдыхает грунт
И ожидает звёздного посева.
Жаль, русский плуг не очень берегут
Сиятельства из голубого хлева.
Ещё повсюду зреет колгота,
А в голове хмельные тараканы.
И не поймал судьбину, как крота,
Мужик пока в железные капканы.
Уж так устроен пахарь мой Пахом;
Какой бы ни был он широкоплечий.
Но выгода любая от реформ
Несёт ему духовные увечья.

.....
*Да кто же он – великий тот премьер,
Оставивший в народе недомолвки.
И сделавший родной СССР
Ударным, будто в «Правде» заголовки.*
.....

* * *

Косыгина султаны, короли
Своим считали и по этикету
Беседу уважительно вели,
В виду имея целую планету.
Его дипломатический талант
Служил соседям для смягченья нравов.
В Ташкенте Дели и Исламабад
Он примирил, как ядерных удавов.
Не говорю, похож иль не похож;
Имел ли он наследные болезни.
У нас растёт божественная рожь
В любой, казалось бы, забытой бездне.
Великий Сталин вряд ли без причин
Царевицем порою звал наркома.
И на того за чином быстрый чин
Орлом садился под раскаты грома.
Его к той славе Брежнев ревновал
И маршальские рассыпал упрёки,

Любя простолюдный карнавал,
Похожий на рабочие маёвки.
Премьер был мудр, как настоящий царь,
И не носил высокие награды.
За что сам генеральный секретарь
Бровями пошевеливал в парады.
Где прямо, там идёт всё вкось и вкривь;
История и книга не сравнимы.
Когда-нибудь так запылит архив,
Что зачихают умные раввины.

* * *

Летит по Питеру его проспект,
В Москве у бюста золотые вспышки.
Молвой народной царский сын воспет,
Спасённый, может быть, молитвой Гришки,
С которым волей Божьей президент
Имеет корни общие фамилий,
Умеющий исчерпать инцидент
Под залпы полигонов и флотилий.
А танковый азартный биатлон
Взят на вооружение бойцами.
И из Сибири первый батальон
С оркестром встречен брянскими Клинцами*.
Там пропитый до плит аэродром
Стройбатом восстановлен за декаду.
Где было войск хоть покати шаром,
Заточат к бою целую бригаду.
Кто нас поймёт, тот в миг с ума сойдёт,
Оторопев от правды и от байки.
Никто не знает, чей придёт черёд,
Когда замолкнут наши балалайки,
В которых ворог хоть одну струну
Порвёт в разгар безумного веселья.
Разбудит он великую страну,
Уткнувшуюся в ядерные перья.
Сверкнёт Жар-птица, разлетится тьма.
И прояснятся головы и *бошки*.
И выйдет Богородица сама
Из нашей разукрашенной матрёшки.
Взметнётся над Россией синий плат;
Как перед Пасхой, в храмах вспыхнут свечи.
Ни в чём царевич не был виноват,
Заранее намеченный в предтечи.
И по миру раскиданный народ
Господь вернёт под трубный голос МИДа.
Где зеленел цветущей ряской брод,
Всплывёт отеческая Атлантида.

* В мае нынешнего года в пограничный с Украиной город Клинцы Брянской области начали перебрасывать из Екатеринбурга подразделения знаменитой 28 мотопехотной бригады. По мнению наблюдателей, передислокация российских войск организована в противовес усилению НАТО на западных рубежах России.

* * *

Сто лет назад зверь положил свой глаз
На царские неведомые слитки.
Как заблестает золотой запас,
У мира сразу затрясется лытки.
У нас бывали Дмитриии и лже;
Но не было царей второстепенных.
России суть – держава на меже
У древних обитаемых вселенных.
И потому я верю не во зло,
А в истину без тени кривотолков.
И если нас куда-то занесло,
То не из-за прославленных потомков.
Ни Библия, ни Тора, ни Коран
Тут ни при чём, как и другие книги.
На трон взойдя, очередной тиран
Уничтожает память, как вериги.
Усатый вождь, хотя и был таков;
Как и его разнузданные братья.
В империю вливал живую кровь
Романовых, крепя её объятья.
Мы далеко не знаем всех причуд,
Мистически нам вылезавших боком.
Всего не мог учесть тот русский бунт,
Предсказанный губительным пророком.
Давно привыкшая шутить с огнём,
Русь без него, как церковь без лампы.
И потому при случае кулём
Мы валим в кучу беды и таланты.

* * *

Уж сколь веков не сходится никак
Житьё-бытьё с церковным идеалом.
В который раз наш сказочный дурак
Погнался за дурацким капиталом.
Куда с испугу ни возьмёшь билет,
Везде разбой и сладкая отравка.
И не всегда спасает пистолет
От полного бесправия и права.
Обвальню льётся птичье молоко
От хищницы неведомой породы.
А дух витает от мадам Коко
Взамен святого духа и свободы.
Ежу уже понятно, без царя
Головушке лихой придётся тяжко.
А тут ещё такого *крутеля*
Ей задаёт базарная фуражка.
Когда свои мы берегли черты,
Победы ввысь взлетали, как гантели.
Зачем-то нам начертаны листы,
Где чётко проступают параллели.

.....
*А что премьер? Да это же пример,
Когда есть Бог, правительство и ложь.
Для всех недостижимых карьер
Веками долгими гуляют дрожжи.*
.....

* * *

Царевич умер, а страна в разнос
Пошла и разбежалась, будто стадо.
И ранее непобедимый росс
Вдруг побеждён был демоном распада.
Как грустно видеть на кладбищах свет,
Который призрачно колеблет грани.
Тревожит вновь наследника портрет,
Сияющий за русскими горами.
Он как частица Бога, как *бозон*,
Имеющий влияние и массу.
Пока похож лишь на волшебный сон,
Являющийся русичу на Пасху.

Вождю всё больше намекает Дом
Романовых на новый свиток славы.
Который век нас мучает синдром
Неполного величия державы.

* * *

Уж близок новый вещий государь
С наследственной памятью короны.
Вновь будут русский восхвалять янтарь
Седые прибалтийские вороны.
Вернутся кахетинское вино
И кутабы бакинские с кинзою.
И в Киеве закрутится кино,
Пропахшее советскою кирзою.
Курс злата иссык-кульского киргиз
Вновь укрепит на банковских батутах
Москвы и вспомнит, что сказал Чингиз
О презираемых в упор манкуртах.
Осыплется, как лист осенний, бакс.
Завянут европейцы и японцы.
И примет в обращение Дамаск
Бессмертные имперские червонцы.

* * *

Под холмиком с крапивой старики,
Святые хранители премьера.
Мне ворошить былое не с руки,
Коль есть всему божественная мера.
Порою много мраморная гладь
Нам говорит о странных играх света.

Простому человеку не понять
Особенности царского портрета.
Недаром Пушкин воспевал Петра
И подвиги лихие Елисея.
Нагрянула заветная пора
Поведать про спасенье Алексея.
Я думаю, его святая кровь
Подпитывает ангельские святцы.
И чую, самый красный из клубков
Недолго будет по миру кататься.
Не всем нам поздоровится, коль царь
Вернётся в золочёные чертоги.
В любой часовне будут петь тропарь
Во славу выстраданной *перемоги*.
В час добрый русский мой пленяет дух
На дерзновенье чудное поэмы.
Коль без России мир на новый круг
Раскручивать не могут и Вильгельмы.
Всё громче русский слышится язык;
Русь – Свет (по разумению санскрита).
Она, как самый полный патерик,
И самая заветная молитва.

* * *

*Я знаю, чем закончится наш век
Немыслимых страданий и исканий,
Когда последний изгнанный абрек
Укроется сирийскими песками.
В Прибалтике грохочет грай ворон,
Из Штатов рвётся клёкот ястребиный.
Царю грядущему готовят трон
Войска Москвы у древней Палестины.
Но прежде чем вернётся Мономах,
Блеснут иные светочи России.
Уж генеральшу нам предрёк монах
С Романовским Крестом Анастасии*.*

* * *

Возможно, я и раздражил гусей;
Да все они в сравнении химера.
Пусть до поры побудет Алексей
Инкогнито, как говорится, терра.

* Речь о бывшей прокуроре Крыма Наталье Поклонской, награждённой Великой княгиней Марией Владимировной Романовой от имени Императорского дома орденом Святой Великомученицы Анастасии.

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

Родился в 1959 году на хуторе Графском Ставропольского края. Окончил Российскую академию народного хозяйства и гражданской службы при Президенте РФ и Северо-Осетинский государственный университет. С 1993 года – в журналистике. В настоящее время директор – главный редактор газеты «Моздокский вестник» и еженедельника «Время, события, документы».

Публиковался в российских и зарубежных журналах. Член Союза писателей России. Живет в Моздоке.

Я – НЕ ЗАМОРЫШ!

Повесть

При участии Дениса Логинова, моего внука

ГЛАВА I

1. Перед тем, как я возник на свет

Мне 14 лет, зовут Кирилл. Имя дали в честь деда, ничего оригинального... А так-то у меня по жизни кликуха – Заморыш. Обидно, конечно, но я был таким всегда. Даже когда ещё не родился, уже был заморышем.

Поселок, где я появился на свет и живу, называется Лесостепной. От леса здесь в окрестностях – редкие лесополосы, которые каждый год пожары изводят. Ну а степь – прямо за окном, выветривается пыльными бурями. А вдалеке виднеются горы. Вот такая моя малая родина, как сейчас говорят. Нет, конечно, если про наш поселок кино в стиле фэнтези снять, то – да! Кадры будут здоровские. Но это сейчас не по теме. А вообще наши края по телеку называли «неоднозначным регионом». Потому что бывшая «горячая точка» недалеко. От нас в ту сторону летали «вертушки» – вертолеты, значит.

Короче, перед тем, как я возник... Моя будущая мама – тихая, вся в комплексах и семнадцатилетняя – была студенткой сельскохозяйственного техникума. Технарь, значит, по-нашему.

Мой будущий папа только что закончил профтехучилище и работал в местном колхозе трактористом.

В общем, со всех сторон – не фонтан... Ну, понятно, в нашем поселке, который «ни к селу ни к городу», какой может быть «фонтан»?

Не представляю, как мама познакомилась с моим будущим папой при её комплексах? Вообще – фантастика! Она катастрофически боялась подходить к парням. Но познакомили их как раз технари, чтобы приколоться:

– Давай для хохмы сведём Иринку с Костей, – ржали одноклассники. – Интересно, что эти пионеры будут делать?

– Вот Иринка, – показали моему будущему отцу мою будущую маму с грустными серыми глазами. – Она просто мечтает о тебе!..

– А это Костя, он влюбился в тебя с первого взгляда! – представили мою родительницу будущему же моему бате и все хором заржали.

Ну, примерно, так это у них происходило. Нельзя сказать, что моя мама влюбилась в папу. Он просто ей понравился. Папа был высоким парнем, только очень худым. Наверное, на тот момент рост – это было его единственное достоинство. Хотя, нет, не единственное – он ещё хорошо ремонтировал мотоциклы. Я-то понимаю, что это классно, а маме тогда было всё равно. Она просто обрадовалась, что на неё обратил внимание такой высокий парень. Точнее, повёлся на чьи-то приколы. Моя будущая мама конкретно боялась, что к ней больше никто не подойдёт...

– Ничего, что худой. Были бы кости, а мясо нарастёт, – сказала её подруга Галя, которая всё про всех и всегда знала. Она была старше мамы, уже окончила медучилище и работала в местной амбулатории медсестрой.

Честно говоря, мой будущий папа был даже не худой, а просто тощий. И девчонки на него, конечно, тоже не обращали внимание. Но пацаны, у которых были мотоциклы и мопеды, относились к нему нормально. То есть, посмеивались, конечно, над ним. Но папа соображал в технике, и потому его сверстники особо не доставали.

Вот такие у меня намечались предки.

Когда они познакомились, бате было 18 лет. Но в армию его пока не брали из-за дефицита веса – 55 кг при росте 185 см. Хотя тогда гребли всех подряд – была война в Чечне.

Родственники папы настаивали, чтоб он быстрее женился и сделал двух детей. Тогда полный отмаз – в армию не заберут. Так что мои будущие папа с мамой познакомились, можно сказать, в нужное время.

Молодой тракторист подъезжал к техникуму на собранном своими руками мопеде-драндулете, пылевшем синим дымом. Его постоянно преследовал запах солянки и бензина. Мама тогда стеснялась сказать ему об этом «букете», а девчонки из технаря воротили нос:

– Фу, чем воняет?! – над несурзной парочкой откровенно насмеялись. Может, это моих будущих родителей и объединило.

Короче, окончания маминой учебы в техникуме дожидаться не стали – чего в пионерах ходить-то? Во-первых, надо было долго ждать – ещё два года. Во-вторых, это ничего не меняло. Карьеру после техникума мама не могла сделать по умолчанию. Она должна была стать технологом по хранению и переработке зерна. Но к тому времени все колхозы разваливались, зерна собирали крохи. Ушлые председатели сдавали его на спиртзаводы, а не на элеватор. Он, этот элеватор, где могла бы работать мама, закрылся и угрюмо торчал на окраине посёлка, как чернобыльский саркофаг. Так что маме все равно негде было работать и нечего хранить. Значит, одна дорога – замуж.

Короче, женились... Мой дедок – Кирилл, мамин отец, хоть и был вечно в легком подпитии скотник, понимал, что дочке надо справить свадьбу как у людей. Правда, у него были свои планы на замужество

дочки. Дед Кирилл хотел, чтобы на маме женился молодой зоотехник с их фермы Мишка – кривоногий, мохнатый. Маме он точно не нравился. Но дед Кирилл не настаивал на зоотехнике. Пусть будет этот тощий тракторист Костя. Лишь бы дочке было счастье. По поводу свадьбы: «Решил – сразу действуй», сказал дед. Он набрал долгов на целый год и замутил гулянку на полпосёлка:

– Чтоб не хуже, чем у людей! – сказал дед и сделал.

Не знаю, какая получилась свадьба. Говорят, классная. Я, понятно, не видел, потому что должен был по планам появиться на свет только через 9 месяцев. Я и мой брат-близнец, а может, сестра. Как выйдет.

– Главное, чтобы было двое детей, тебе полный отмаз от армии, – резонно сказали батины родичи. – А пока ты, Костя, вес не набирай.

Отцовская родня ходила к бабке-шептунье, которая рассказала, как сделать, чтобы их невестка, то есть моя мама, понесла двойню. Начали считать-вычитать, родословную перебирать – есть ли у кого в роду двойни? Оказалось, что нет. Но стараться надо. Зелье всякое заваривали, травы под перину клали...

Мне 14 лет, и я давно знаю, что дети – хоть двойня, хоть тройня – не в капусте находятся. Ну ладно, это для «категории 16+», как говорится. Короче, народные средства не помогали – я с братом-близнецом не рождался. И с сестрой-двойняшкой не рождался. И даже – один... Вот так. ☹

Папины родичи стали подумывать о смене невестки:

– А что если поженить Костю вон на Вальке? Мать-одиночка и детей двое... Усыновит их и всё путём, всё законно.

О, как придумали! Что ли это были бы мои сводные братья? Или как там их называть? Хотя, я бы тогда не родился... Даже заморышем. Кому бы они были братья? Кстати, сейчас мои «сводные братья» – Амбал и Хлюст рулят в нашей школе. Но о них потом.

2. У деда случился разрыв сердца из-за... телёнка

Повестка из военкомата бате между тем пришла. Я честно скажу: папа в принципе отнесся к этому спокойно – надо, значит, надо... Между прочем, он в детстве мечтал в Суворовское училище поступить, а потом офицером стать. И когда повестку получил, в принципе был готов идти в армию.

Но старики думали иначе. Чтоб не «сиротить» дочку, то есть мою будущую маму, дед Кирилл, который ещё не расплатился с долгами за свадьбу, как у людей, пошёл решать вопрос. А к кому ему идти? Даже с женой не мог посоветоваться. Она, то есть моя будущая бабушка, после очередного запоя деда Кирилла, бросила его и уехала в большой город свою жизнь по-нормальному налаживать.

Вот дед Кирилл, ни с кем не посоветовавшись, пошёл решать вопрос к начальнику своему – заведующему колхозной МТФ Трофимовичу. Это не морской торговый флот, как можно подумать, а молочно-товарная ферма, где коров доят, молоко, значит, добывают.

– Трофимович, у тебя связи, авторитет, – обратился дедок к завфермой. – Выход на военкоматских есть. Зять-то у меня реально больной желудком, но ведь затаскают по комиссиям, загребут в Чечню. А дочка моя как? Только ведь поженились. Ты ж, Трофимович, сам на свадьбе молодым прилюдно обещал: если какие проблемы, то обращайтесь.

– А что ж они не обращаются?

– Ну, сам понимаешь, считай, еще малолетки, – стал отмазывать дедок моих сильно стеснительных будущих родителей.

– Ну уж и малолетки, – хмыкнул Трофимович. – Свадьбу играть – не малолетки, а вопросы решать – малолетки. Так не бывает.

– Ну, Трофимович, уважь. Должником твоим буду...

– Да ты и так мой вечный должник! Постоянно под градусом, комбикорм да молоко на ферме приворовываешь. Что, думаешь, я не знаю? Другой бы на моем месте тебя давно выгнал с работы, а я всё терплю.

– Ну так я ж пашу как трактор, Трофимович! Я же безотказный в работе.

– Ладно, трактор безотказный... Есть у меня завязки в военкомате, попробую, – вздохнул тяжело заведующий МТФ. – Иринку-то свою пришли ко мне. Поможет мне с месячишко учёт молока вести. Как у неё с грамотёшкой?

– С грамотёшкой-то нормально, техникум заканчивает. Только ты, Трофимович, не того... Не балуй, хоть ты и мой начальник, а дочку в обиду не дам. – Дедок сжал мозолистыми руками отполированные вилы. Те, которыми сено раздают скоту и навоз, извиняюсь, в стойлах убирают. С четырьмя острыми зубьями.

– Слушай, ты пришёл вопросы решать или как? Ладно, – смягчил тон завфермой, – будем думать. Раз Трофимович обещал, значит, Трофимович сделает. Выйду на самого военкома!

Короче, связался заведующий МТФ с каким-то военкоматским, чтобы отмазать батю моего от армии. Хотя папа реально тогда болел желудком и был у него дефицит веса, я ж говорил. Но отмазывать всё равно надо было.

Знакомец Трофимовича оказался не военком, а всего лишь толстый прапорщик из этой конторы. Короче, переложил он, этот прапорщик, папину папку с документами куда следует. Точнее, куда не следует, ну и про него, про моего будущего батю, военкоматские как бы забыли. Понятно, что и завфермой, и военкоматский прапорщик помогали скотнику отмазать зятя от армии не задарма.

– Значит, так. Выходишь в ночное дежурство, – дал распоряжение моему деду Трофимович. – Двух тёлочек красно-пёстрой породы выведешь через задние ворота. Там будет ждать тебя машина. Твоё дело погрузить животину и держать язык за зубами. Сам понимаешь, это лично для военкома, у него в степях брат-фермер скотину держит.

Дедок мой Кирилл, вечно выпивший, пошёл ночью на ферму по-трезовому и вывел оттуда двух тёлочек. В условленном месте, за скирдой соломы, ждала «буханка» – это «уазик» типа «скорой помощи». Два ведущих моста – я сейчас разбираюсь. Прёт по полям, по пустырям, как танк!.. Ну, сейчас не об этом. Короче, погрузили двух тёлочек в эту самую «буханку». А моему деду и говорят мохнатые мужики с золотыми зубами:

– Эй, зоотехник, давай еще одну тёлочку... Это между нами, никому не болтай.

Дедок мой был простым скотником, а не зоотехником. Потому он даже загордился, когда его так называли. Зоотехник же на ферме тоже большой начальник! Потому дед и пошёл за третьей тёлочкой – опять же долги за дочкину свадьбу не все отдал.

Мохнатые с золотыми зубами тут же рассчитались за третью «лишнюю» телку. Правда, чуть не доплатили – сказали: «Потом...». Всё вроде прокатило спокойно...

Трофимович списал, понятно, двух телочек как падёж. То есть что они издохли. А что тут такого – скот на колхозных фермах, бывает, дохнет, это люди умирают. И то не все – некоторые дохнут.

Дед мой, скотник Кирилл, – умер. Только успел расплатиться с долгами – и тут же разрыв сердца. После того, как «таблетка» увезла трёх красно-пёстрых телочек мясомолочной породы в голую степь. Там жили в основном чабаны, к которым милиция, тогда она так называлась, в одиночку не совалась. Но она, милиция, в виде помощника участкового, молоденького сержанта, разведала про угон скота всё. (Этот участковый, уже в чине, возникнет ещё в нашей с мамой жизни). Пропажа телок подтвердилась – всё указывало на скотника, который дежурил в ту ночь. Потом к деду на ферму приехала группа захвата с автоматами. А он взял и умер прямо на работе – разрыв сердца. Вот так ☹

Трофимович на похоронах сказал:

– Кирилл – настоящий мужик, хорошо умер, никого не потянул за собой.

Помощник участкового, который там тоже был, спросил:

– А кого он должен был потянуть за собой?

Завфермой прямо на похоронах нагло так засмеялся:

– Догадайся с трёх раз...

Молоденький сержант недогадливый оказался. Но потом по службе у него попёрло – звездочку на погоны получил, участковым назначили и всё такое.

3. Кесарю – кесарево, а кесарёнку... лужа безденежья?

Короче, через год, уже после смерти деда Кирилла, предстояло родиться мне. Как оказалось, одному. В подробности вдаваться не буду – это для категории «16+», а я – «14+» ... Одно скажу: скорее всего, я был самым дохлым, извиняюсь, сперматозоидом. Мама тогда заканчивала технарь, то есть сельхозтехникум, и постигла науку – как хранить зерно. А папа в это время из колхоза ушёл – там вообще не платили. Работал он газонокосильщиком в райцентре в «Зеленстрое». Всё лето и всю осень косил траву вдоль дорог и на газонах – глотал пыль и копоть. Вообще-то это была единственная газонокосилка у них на работе, так что бате повезло. Видать, от придорожной пыли и выхлопных газов, которые глотал отец, я и вышел заморышем.

Мама, вынашивавшая меня, зубрила бесполезную технологию переработки зерна. Видно, сильно перезубрила, потому к учебе у меня стойкая аллергия. Это врожденный рефлекс. Или приобретенный?

Короче, тут всё понятно: если я такой – без тяги к учебе, то виноват в этом, наверное, мамин сельхозтехникум, а заморыш – потому что батя выхлопных газов и пыли наглотался. Я так стал думать давно, ещё когда в первом классе учился, потому что всезнающая медсестра тётя Галя сказала:

– Это мама в техникуме переучилась и отбила охоту к учебе у дитя ещё в утробе, а отец выхлопных газов наглотался, вот и результат.

Кстати, когда я родился, тётя Галя посмотрела на меня и сделала вывод:

– Этот – не жилец...

Я на неё не в обиде. Она ж медичка. А сказала так, потому что я был как вялый огурец – худющий и сморщенный, да ещё синий.

К тому моменту, как мне появиться на свет (уже затравленному маминой зубрежкой и нанюханному папиным бензином), мама моя лежала в больнице на сохранении плода. Плод – это значит я.

Не помню, как я барахтался в утробе матери, но... запутался в собственной пуповине. Про это я услышал лет в пять, когда между собой разговаривали соседские тётки. Я тогда смотрел на свой пупок и не представлял, как можно в нем запутаться. Оказалось, пупок – это не пуповина. Ну плавал я, плавал в маминой утробе, как космонавт в невесомости, и запутался. Пуповина, которая вовсе не пупок, обвилась вокруг моей шеи.

Представить это трудно, а выпутаться вообще невозможно. Короче, пришлось извлекать меня на свет божий другим путем. Это называется – кесарево сечение. Ну, подробностей не будет. Это вообще для категории «18+», а мне, напомним, только 14 лет. Вот так я появился на свет.

Назвали меня Кириллом – в честь деда, понятно. Молоко у мамы от переживаний пропало. Это я почему знаю? Да старшие рассуждали обо мне: он чахленький такой, потому что молока детского не видел. Искусственник ☹

Я как родился чахлым заморышем, так и живу. С первого класса на уроках физкультуры, когда все выстраивались в одну шеренгу, я был последним. Ну или предпоследним. Мы с рыжим Дениской были одного роста и каждый раз менялись, чтобы не было обидно. У него кликуха была и есть – Рыжий. Ему больше повезло. А я – Заморыш ☹ Но это, может, не потому что искусственник, отравленный зубрежкой и придорожными выхлопами, а потому что такая генетика. Так, кажется, выражается биологичка Наталья Анатольевна – моя классная руководительница. У бати дефицит веса – и у меня тоже. Реально именно из-за этого отца в армию не взяли, а не потому что он косил от службы.

Кстати, про отцовские гены. Он же у меня высокий, потому и маме понравился. А я до класса пятого был самым маленьким в классе, даже Рыжий меня обогнал. Но потом батины гены проснулись, и я так пошёл в рост, что к девятому классу стал самым длинным в классе. Но вот кликуха Заморыш осталась. Конечно, лучше бы – Длинный, но...

А когда я ещё только родился, досужие тётки, мамины подружки, которые вовсе и не подружки, говорили обо мне:

– Он кесаренок, да ещё искусственник. Ну что ты хочешь? – как бы успокаивали они мою маму.

– Кесарята – они гиперактивные и слабовольные. Потому что трудностей изначально не испытали, – поясняла маме незамужняя тётка Галя, которая медсестра.

Я, когда начал чуть-чуть соображать, задумался сначала про гиперактивность. Знал, что такое гипермаркет. Хотя потом оказалось, что это не гипермаркет, а просто магазин. Ну какой гипермаркет может быть у нас на окраине посёлка Лесостепного?! Однако назывался он – «Гипермаркет»!

Короче, «гипермаркет» и «гиперактивный» для меня было одно и то же. Поэтому я маму настырно тянул в гипермаркет. Гиперактивно так тащил – за киндер-сюрпризами и всякими чипсами. А она как всегда:

– Кирюша, у мамы нет денег, – смотрела она на меня грустными глазами.

– А где они? – резонно спрашивал я.

– Спроси у своего папы слабовольного, который алименты не платит, – это не мама так отвечала. Это её сердитая незамужняя подружка Галя. А мама объясняла:

– Ну просто безденежье, сынок.

Безденежье мне казалось почему-то какой-то большой лужей в стиле фэнтези. Её, лужу, нельзя перейти и нельзя опрокинуть, чтобы вылить... Короче, про гипермаркет и про безденежье я рано усвоил.

А про слабую волю, мою и папину, я тогда ничего не понимал. Потом мне казалось, что моя воля – это такой косматый и оборванный мужик, который тянет лямку, но не сильно упирается. Ну, как бурлаки на Волге. Вот так представлялась мне воля. Тогда я ещё и про бурлаков не знал – просто видел картину. Они, эти бурлаки, похожи на бомжей, если честно. Вот и воля у меня наподобие бомжа, потому и слабая.

Про папину волю, какая она из себя, не могу ничего сказать. Но в отличие от тёти Гали, думаю, что воля у него всё-таки сильная. Потому что он сам хоть худой, но жилистый. И работать мог сутками, если ремонтировал кому-то мотоцикл.

Вот такая у отца была сила воли. А у меня – смахивала на вялого бомжа. Не знаю, у всех ли кесарят такая воля?..

Теперь понятно, как мне, кесарёнку – слабовольному и гиперактивному, – сложно в этой жизни. Да ещё с вечным маминым безденежьем.

4. Я потерял неродившегося брата, мама с папой расстались ☹

К тому времени, когда я только начал чуть соображать, что слабая воля в виде бомжа меня никуда особо не тянула, папа с мамой расстались. Может, у них прошла любовь... Так бывает: и у взрослых, и у моих ровесников. А может, мама с папой много слушали всезнающих родственников и незамужних подруг, которые талдычили каждый своё.

– Она тебе не пара, – говорили отцу про мою маму. – Какая-то не расторопная, забитая, и песня у нее дебильная...

Мама уходила в край огорода и пела сквозь слезы «дебильную» песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься...

Почему пела про речку, не знаю. У нас только канал имени какого-то революционера. Вот... А про отца доброжелатели с другой стороны жужжали:

– Он тебе не пара! Неудачник, тряпка, слабак.

Примерно так говорили им друг о друге, и даже хлеще болтали. Там вообще было непечатное. Но я не буду здесь всё писать – это ж мои мама и папа! Я их люблю и уважаю, хотя им об этом не говорю.

А тут ещё облом! После меня, как планировалось, должен был родиться второй брат (или на крайний случай – сестра). А они не рождались, время поджимало, и папу могли забрать в армию – а там Чечня... Чего они, эти непонятные родственники, боялись? У папы всё равно определили дефицит веса. К тому же он сам был не против отслужить. А родня хотела второго ребенка. И случилось! Мама уже собиралась родить мне брата. В это время она ездила в вечно набитом и трясущем-

ся автобусе на бухгалтерские курсы в райцентр. Ещё мой дед Кирилл, когда был живой, все говорил ей:

– Дочка, иди на курсы бухгалтеров. Будешь учетчиком на ферме. Лафа им в конторе сидеть!

Дедушка, как я рассказывал, к тому времени уже умер, а мама возьми и послушай его. И ездила в райцентр на бухкурсы в вечно переполненном автобусе.

– К техникумовскому диплому ещё и бухгалтерские курсы, это уже кое-что, – объясняла мама своё решение и осторожно помышляла об институте.

Так вот, ехала она в трясущемся автобусе и мечтала о высшем образовании. Но на этот раз не просто трясло автобус. В него врезался какой-то придурок на самосвале и завалил его в кювет. Маму там чуть не задавили. Но обошлось без жертв. Хотя как – без жертв? Маму увезли в больницу и сразу положили на сохранение. Это у нас семейное, что ли? Она со мной лежала на сохранении. Меня сохранила, правда, я запутался в пуповине. (Я уже рассказывал об этом.) И с братом моим мама попала на сохранение после аварии. Но не сохранила ☹ А то ведь был бы реально брат.

Может, поэтому, что не сохранили мне брата, а отцу второго сына, родители мои и расстались. Они и до этого расходились, потому что со всех сторон, как я уже говорил, говорили им друг про друга всякие пакости. Они, молодые и неопытные, слушали эту нудню. Вот и расстались. А потом один раз встретились прямо на улице, обнялись. Мама плакала, отец еле сдерживался. Я, мелкий, рядом стоял, а батя слёзы вытирает маме её зелёным длинным сарафаном. Я рядом стою и тоже реву. А они думали: куда идти? С одной стороны им мозги выносят, с другой – нервы выматывают. И жилья своего нет...

Я не знаю подробностей, только не дали им, маме с папой, вместе жить. Наверное, судьба такая, как говорят старики. Я часто задумываюсь, почему случается всё так, а не иначе? Может, от воли зависит, которая, например, у меня наподобие бомжа-бурлака. Или реально судьба такая?

Она, судьба, мне кажется суровой теткой в сером балахоне, как в фильмах фэнтези. Руки скрестила, губы поджала и смотрит сверху. Потом извлекает свой когтистый перст (перст судьбы, значит) и указывает, куда надо идти. А на самом деле – туда и не надо. Потому что от этих указаний всё время возникают какие-то проблемы. У нас с мамой – тоже.

Я обо всех проблемах рассказывать не буду, потому что мама всегда говорит:

– Кому нужны чужие трудности, – она даже слово «проблема» старалась не произносить. Но они, эти проблемы, все равно возникали.

Короче, судьба с когтистым перстом делала житуху моих родителей несладкой. Вот они и разбежались. Папа подался на Урал, в Пермский край. Почему туда? Один мужик в Лесостепной приезжал, он шахтёром в тех краях работал – в Соликамске. Говорил, там хорошие бабки платят. Кстати, этот мужик, как потом оказалось, дед моего лучшего друга, рыжего Дениски. Я о нём ещё расскажу. А папа до шахты не доехал, в Перми остановился. У шахтёров должно быть железное здоровье, а у отца желудок больной. Потому зацепился он в Перми. Большой город – большие возможности, от кого-то я слышал.

А вот тётя Галя всезнающая говорила, что в тех краях половина людей – менты, половина – зеки. Или бывшие менты и бывшие зэки. Отец ни к одним, ни к другим не относился, потому его постоянно кидали... У бати были и есть золотые руки, и этими руками он кому-то квартиры под евро-

ремонт отделявал, кому-то дачи с деревянными балясинами строил, кому-то иномарки ремонтировал. Короче, крутился. Но денег у отца скопить не получалось, потому финансами он помочь мне не мог. И даже не всегда ему удавалось звонить на Новый год и мой день рождения. То телефон украли у отца, то баланс не пополненный. Но я не верю, что он слабак и неудачник и что забыл про меня. Просто так гадина-судьба распоряжается.

Маме все говорили, особенно незамужняя всезнающая подружка Галя:

– Подавай на алименты!

А она всегда отвечала:

– Пусть Костя станет на ноги, он и без алиментов будет сыну помогать. – Но убеждала мама в этом скорее саму себя. – Он же отец моего ребенка – не чужой человек. Как я его буду наказывать?..

– Ну и дура! – это про мою маму.

А я считаю, что мама не дура. Просто у неё сердце мягкое. И это, думаю, хорошо для женщины.

У меня вот сердце тоже мягкое, но для пацана, считаю, это плохо. И воля, наподобие бомжа, слабая. Тут есть объяснение – потому что я кесаренок. И учиться мне неохота, и лень посуду помыть, и зарядку не хочется сделать... Безнадега.

А вот если сохранился бы у меня младший брат и если бы мама (сильно мягкосердечная) с папой (не очень удачливым) не расстались, тогда бы другое дело! Но...

ГЛАВА II

1. На стадионе вместо Звёздной Звезды – бараны и зоотехник

Короче, мама с мягким сердцем – это хорошо. Она и батю жалеет, и меня. Но пацану в наше время с мягким сердцем – никак нельзя. Особенно, если оно мягкое, как подушка, от которой трудно отрываться. И с волей слабой – тоже нельзя, однако приходилось.

Но вот после майских праздников решил я: с большим трудом в 6 утра оторвал от мягкой подушки свою всклокоченную голову и, не умываясь, побежал на стадион. На 9 мая парад смотрел по телеку. Сила! Хорошо бы в военный институт поступить и стать офицером. Но там физподготовка, математика, физика... Поэтому надо бежать на стадион – качаться, закаляться. Пока физподготовка, а физика с математикой потом как-нибудь.

Вот и стадион. Он, правда, вытопан козами и овцами. Бывают козлы, но реже. Я ж рассказывал, что мы живем в поселке, который – «ни к селу ни к городу». Тут перемешались ветхие фабричные трёхэтажки с частным сектором. А у частных хозяйство, скот – мелко-рогатый и крупно-рогатый.

Хотя, если честно, меня на стадион погнала все-таки не воля, а вот что. Случайно узнал: там по утрам занимается она!

Кто она и какая из себя? О-о-о! Волосы выющиеся, синие глаза, весёлая, заводная. Короче – красивая, и зовут её Лена. Ну, Звёздная Звезда! Для удобства буду звать её Ленка. Потому что если Лена, это

какие-то телячьи нежности, не по-пацански. Ленка – моя одноклассница. Отец у неё – местный воротила. Зовут его Артём Артёмович или Завмаг. У него – тот самый гипермаркет. Точнее, просто поселковый магазин, который называется «Гипермаркет».

Кстати, я не сказал, что в это время – в 6 утра – мамы уже дома не было. Она ушла на подработку в офис к Завмагу – мыть полы. Вообще, по жизни она инженер. Институт, как и мечтала, закончила. Днём мать работает в райцентровской конторе – в производственно-техническом отделе (ПТО). Чертит там всякие схемы, сочиняет техзадания и пишет техусловия. А по утрам и по вечерам моет полы в офисе у Завмага. Ей надо ещё успеть вернуться домой, привести себя в порядок и к 9 часам – в свой ПТО.

А я в это время бежал трусцой по стадиону – ноги еле переставлял. Ленки почему-то не было видно. Но вот бывший колхозный зоотехник, небритый мужик из частного сектора, выгнал своих коз и баранов пастись возле стадиона. Те норовили попасть на футбольное поле.

– Ты что животину мою пугаешь! – строго сказал он мне, когда я пробегал мимо стада.

Зоотехник мне немного знаком, зовут, кажется, дядька Мишка. Это тот, которого когда-то мой дед Кирилл хотел в женихи маме. Но не сложилось... «В этой жизни» мама у него покупает иногда козье молоко, когда я болею. Целебное, говорят, но, скажу по чесноку, на вкус гадкое. Я ответил мохнатому мужику на его предьяву:

– Здравсьте... Я не распугиваю... – Мне показалось, что я это сказал заискивающе. Аж самому противно стало.

А он:

– Ты мне зубы не заговаривай! Мать с утра тряпкой машет, а ты дурью маешься.

Откуда он, козёл, знает, что моя мама полы моет? Обидно мне стало за мать-поломойку. На втором круге я ему крикнул:

– Моя мама – инженер ПТО!

– ПТУ-ПТУ... Тебе только в ПТУ. – Он мне вслед ещё сказал что-то про цвет моих соплей. Ну, не буду повторять – противно и обидно. У меня часто бывает насморк. Про ПТУ – он, может, и прав. Это профтехучилище, где на каменщиков, трактористов и слесарей учат.

Мама грозитя мне часто:

– Не будешь хорошо в школе учиться – пойдешь в ПТУ на слесаря.

Слесарь в принципе – это хорошо. Я технику люблю. Что меня пугать?.. Хотя вот если бы офицером стать, это – да!

А за «соплю» я решил отомстить этому предводителю баранов. Обидно ведь... Но обиднее вот что: она – Звёздная Звезда Ленка – так и не появилась на стадионе. Ведь волю и сердце я для неё тренирую, для Ленки. Чтоб её покорить! Ленка мне очень нравится, аж до помутнения. Ну, она всем нравится. Понятно: стройная, красивая, синие глаза, вьющиеся волосы. Просто супер! Почему бы и не нравиться всем?

Звёздная Звезда к тому же отличница. Завмаг, её пахан, даже репетитора по английскому ей нанимает. А другие учителя и без того с ней возятся. Завмаг же незаменимый человек для школы. Мероприятия спонсирует, учителям подарки нехилые делает...

За Ленкой ухлёстывают все пацаны школы. Ну, так мне кажется. По крайней мере старшеклассники. Она даже на переменах отпочковывается от своих и тусуется с одиннадцатиклассниками. Там Ленка в кругу пацанов, кажется, покуривает. Ну, не буду наговаривать. А то получается – я стукач.

Кстати, про курево девчат завела речь на родительском собрании ещё весной – под конец третьей четверти – тётя Галя. У нас в классе её племянница Маришка учится:

– И сама курит, и наших девочек подбивает! – возмущалась бездетная мамина подруга по поводу Ленки.

– Ну, это не трагедия, – сказала наша классная Наталья Анатольевна. – Такая форма самоутверждения. С её внешними данными это, конечно, излишество. Сигареты просто баловство – не более чем желание быстрее повзрослеть, привлечь внимание старших ребят.

Так тогда наша классная Ленку оправдывала.

А я бежал себе и думал про Звёздную Звезду. Расстроенный, что на стадионе её нет, я с досады шуганул животных, которые лезли на стадион. Те – врассыпную. А дядька Мишка за это палкой в меня запустил. Конечно, не докинул))) Ха-ха!.. Я перемахнул через низенький ржавый заборчик и побежал к дому. Вот такая первая зарядка у меня получилась. Но все-таки взбодрился...

Мне показалось, что и сердце у меня как бы тверже стало, и воля железнее. Я Ленке это всё равно продемонстрирую. Как? Подумаю. Пацану с мягким сердцем и слабой волей – нельзя. Девчата сразу крест поставят. Известно.

2. «Меню подростка» и прогорклые орехи для ума

Я, честно скажу, пытался и раньше в школе характер проявлять, потому что стал осторожно мечтать стать офицером. А военным характер твердый надо иметь! Но классная не поняла моих намерений. На родительском собрании выдала моей матери:

– Ваш Кирилл стал неуправляемым! Упрямый, грубый, раздражительный, – высказывала она. – Надо что-то делать!

– Да все они такие, – вступалась за меня мать рыжего Дениски, который, в общем-то, тоже балбес. – Переходный возраст, трудные подростки.

Она работает воспитательницей в детском доме и, наверное, знала, что говорила.

– Вы знаете, не надо обобщать, – строго повела голову в сторону Денискиной матери классная. – Я педагог со стажем, всякое было. Я понимаю, субъективные трудности, физиология и всё такое... Кирилл такой худой, дерганный, всклоченный, и потом... прыщами своими озабочен.

Хорошо хоть она не сказала, что я заморыш.

– Кстати, ваш Денис тоже не подарок, – перешла классная на Дениса. – Возможно, родителям надо подумать о сбалансированном питании. Подойдете после собрания, я вам дам соответствующую информацию. Обратите внимание, что у нас район йододефицитный. Это отражается на умственных способностях. Элементарно орехи грецкие детям своим давайте...

Мать тогда спешила после родительского собрания в долбаный замаговский офис – полы мыть. Сунула листок в сумочку и только поздно вечером вспомнила о нём. Это была ксерокопия «Меню подростка». Там завтрак, обед полноценный, ужин легкий и два перекуса: яйца, фрукты, орехи, сок, молоко, мясо, рыба, овощи, творог, кефир, снова мясо... Ну ни фиги себе! У меня аж слюнки потекли.

А мать сидела над этим драным листом и беззвучно плакала...

– Ма, не плачь, – сказал я и больше ничего не мог выдавить из себя.

– Ты уроки сделал, мучитель? – спросила она сквозь слёзы.

Я не хотел окончательно расстраивать мать и конечно же соврал:

– Да сделал, сделал. Нам мало задали...

Мама вдруг тихо, глядя мимо листка с «Меню подростка», запела старомодную, кажется, времен моего деда Кирилла песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься...

А у меня на уме почему-то закрутилось неуместное:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики....

Дурацкая, но прикольная песенка мешала думать: что мне предпринять, как раздобыть этот паразитский сыр, мясо, рыбу? Может, и правда, поумнею после орехов и сыра, начну хорошо учиться? Тут я ещё озадачился: а что сама мать ест в обед на работе? Чай, бутерброд с маргарином? Ну, у неё в отделе такие фифы сидят – все на понтах. Там с маргарином лучше и не показывайся – презирают...

Пока я думал про сыр-мыр, у мамы зазвонил телефон. Через приоткрытую дверь из её комнаты я слышал мамино:

– Какие орехи? Ты что, Галина! Неудобно... – Потом, спустя время: – Ну, пусть прибегает... Может, её Кирилл встретит? Не надо? Ну хорошо.

Я не понял, о чём речь, только догадался, что к нам кто-то прибежит. И мне не надо никого идти встречать. Ну уже хорошо.

В нашу дверь постучались – звонок давно не работал. Это оказалась моя одноклассница Маришка – племянница всезнающей тёти Гали.

– Вот орехи, против йододефицита, – с порога сообщила Маринка, зыркнула в мою сторону и убежала.

Я вскрыл гремучий пакет, и мне тут же захотелось избавиться от своего йододефицита, повисить интеллект и зарядить железом мою не очень железную волю.

Мама позвонила тёте Гале, опять виновато извинялась и говорила спасибо. Я в это время колот орехи при помощи двери – закладывал их между косяком и дверью – хрясь! Готово!

– Ты что ж творишь, бестолочь, – прикрикнула на меня мать. – Дверь и так расшаталась, а ты... Лучше б взял отвёртку да подтянул петли.

– Мам, ну потом эти петли подтяну, – отмахнулся я.

Погрыз ядрышки, они мне показали горьковатыми. Мама тоже попробовала – орехи оказались старыми. Я съязвил:

– На тебе, боже, что мне негоже!

– Дареному коню в зубы не заглядывают, – ответила мне в тон мама. – Надо свои иметь.

Она высыпала содержимое на газету. Там оказалось даже несколько проклюнувшихся орехов.

– Наверное, где-то в сырости орехи держали, – разочарованно сказала мама. – А давай их посадим, Кир?

– Да поздно уже... Спать охота.

– Как возле телевизора тупо до полуночи сидеть, так спастись не охота, – с укоризной сказала мать и сама начала отбирать орехи, которые, на её взгляд, можно было посадить.

Я напрягся и психанул – фигней среди ночи занимается матушка.

– Мам, ну давай завтра, что ли?..

Мать не ответила. Мне с великой неохотой пришлось присоединиться к её дурацкой затее. Я смотрел на мать – она казалась мне одержимой! Мы с ней в ночи под фонарем набрали песка в соседнем дворе. Насыпали в ящик из-под рассады, натыкали орехов туда, присыпали и поставили на подоконник.

– Представь, Кир, если все орехи взойдут, это будет целая роща! – и добавила торжественно: – Роща Кирилла!

Название мне понравилось ☺ Мы оба очень устали. Я рухнул на кровать и только успел представить эту рощу – на пустыре за нашим домом, – сразу провалился в сон. А там, надо же, мы с Ленкой прохаживаемся. Ну и Маринка тоже виднеется в конце аллеи – это же она принесла орехи. Фигня, конечно, мне представлялась, лирика какая-то кисельная. Я даже во сне это осознавал. И в том же сне я понимал: вот посадили мы с мамой орехи, почти до часу ночи не спали – значит, сила воли во мне укрепилась.

Хотя, конечно, она, сила воли, не шибко-то могла закалиться от одной посадки орехов. Потому я и хотел бегать на стадионе. Долго готовился, а тут решил! И первой была злополучная пробежка с разгоном баранов... Ну, я рассказал об этом уже.

3. Физику прогулял – напоролся на Амбала:

надо добыть сигареты

Короче, после пробежки и разгона баранов пришёл я в школу. Конечно, опоздал, блин.

– Можно? – просунул голову в дверь.

– Этот в своем амплуа... – не оборачиваясь в мою сторону, сказала классная. Я просочился вдоль стены за свою парту. Естественно, моя парта – последняя.

Ленка проводила меня снисходительным взглядом и усмешкой. Или мне показалось? Ну хорошо, хоть взглянула.

На перемене девчонки смеялись и ехидненько так смотрели в мою сторону.

– ...А я вижу, он там своими макаронинами размахивает...

– Чем-чем?

– Макаронинами... Посмотри, у него руки-ноги как макароныны, – громко рассказывает Ленка. – Макаронинами и так, и этак – за козами гоняется...

– За какими козами?

– Да там у нас один скотовод коз и баранов пасет возле стадиона.

– Ну и компашка! Ха-ха-ха!..

– Я увидела эту козлоферму и, естественно, не побежала на стадион. Стою за кустами, смотрю и ухохатываюсь. А он там – макаронинами скотину распугивает... Ха-ха-ха...

Короче, это Ленка про меня так прикольно рассказывала. Все ржали. Я бы тоже ржал, если бы не знал, что это про меня.

– Девочки, он же просто гадкий утенок, – вмешалась тихоня Маришка, середнячка и мышка. У неё и кликуха такая – Мышка. Это, кстати, племянница тёти Гали, которая нам орехи дала.

– Ой, мышка, ты все ещё сказки про гадкого утенка читаешь?!

– Как раз ей по возрасту...

– А ты почитай, там ещё есть сказка про мышку-норушку...

Маришка умолкла, я – отдалился от Ленкиной стайки. Злился не на Ленку, а на Маришку – чего это она, мышка-норушка, вздумала меня защищать! Обойдусь без её помощи...

Однако про макаронины и коз, хотя вроде бы правда и со стороны смешно, но обидно. Ещё этот дядька Мишка со своим мелко-рогатым скотом, блин... Следующий урок какой? А... физика. Забыл про неё, да и учебника нет у меня. Кто-то стибздил или я сам посеял. Короче, в отместку за макаронины и коз я решил... прогулять следующий урок.

За школьной котельной кучковались старшекласники, прогуливали уроки целой толпой.

– Эй, глист, иди сюда! – подозвал меня Амбал из одиннадцатого класса.

Подхожу.

– Курить хочешь?

– Ну да, – признался честно.

Я вообще-то уже покуриваю, иногда приходится окурки собирать.

– Тогда давай закурим. Сегодня курим твои, – сказал Амбал.

– У меня нету...

– Это твои проблемы, – лениво сквозь зубы процедил Амбал.

Я молчал, весь сжался. Но страха показывать не хотел.

– Значит так, заморыш, иди и раздобудь курева.

– А где я его возьму? – спросил, не обращая внимания на обидное погонялово. Заморыш – это как будто не про меня.

– Ты что-то попутал, – также медленно процедил Амбал. – Я говорю: раздобудь курева... А где – это твои проблемы.

Амбал – это, кстати, сын Вали, матери-одиночки, на которой хотели женить моего отца. Мелькнула мысль сказать Амбалу, что мы почти братья, но потом мне аж самому противно стало. Я понял, что сегодня не мой день. С утра – «макаронины», сейчас – «глист», «заморыш»... Лучше б на физике остался, слушал бы про закон Джоуля, как его там, Ленца. Или что мы сейчас проходим? Но делать нечего, стал соображать, как смыться из этой компании.

– Ну, я пошел...

– Куда?

– Сигареты добывать...

– Если смоешься, тебе трындец, – процедил Амбал.

– Давай, я с ним, – вызвался из компании Хлюст. Это младший брат Амбала. – Посмотрю, как он будет добывать курево.

– Ну смотри, смотрящий, – дал добро Амбал брату.

Я пытался соображать, как быть? Где брать сигареты? И вообще, как сделать так, чтобы Амбал отвязался?

– Время пошло, – процедил Амбал.

– Ты что загрузил? Бабок нет, что ли? – Это смотрящий за мной Хлюст подал о себе знать.

– Ну нет, конечно... Откуда у меня деньги? – огрызнулся я зло.

Хлюст хоть и старше меня года на два, но даже я, заморыш, с ним справлюсь. Тот смеялся, скалил прокуренные зубы. Врезать ему про меж глаз, что ли? Я посмотрел на него со злостью. Мысленно отследил полет моего кулака – прямо в челюсть! Но... не решился. Хлюст же брат Амбала...

– Ладно, ты не кипешуй, – примиряюще сказал Хлюст. – Могу подсказать, где взять сигареты.

– Где?

– Сейчас в «Гипермаркете» будут товар разгружать, подойди, попросись помочь. Там грузчик Сергей. Он мужик с понятиями, хотя и бухарик.

– Не, я в «Гипермаркет» не могу...

– Что, слабо?

– Там у них в офисе матушка моя подрабатывает. Продавщицы увидят, донесут ей...

– Не увидят, мы со двора зайдем. Я знаю, в какое время машины с товаром приезжают.

Мы, как и обещал Хлюст, зашли в «Гипермаркет» со двора. Дядька Сергей сидел, откинувшись, на каких-то ящиках, курил.

– Кажется, бухой, – говорит Хлюст. – Если бухой, это хорошо. Он не любит работать, когда вмажет.

– Дядь Сергей, я тебе помощника привел.

Грузчик смотрит на меня оценивающе:

– Ты что такого чахлого мне притащил? Он же батон колбасы не поднимет.

Хлюст одобрительно засмеялся вместе с дядькой Сергеем:

– А ему колбасы не надо, ему пачку сигарет, – в тон продолжил Хлюст.

Разговор про колбасу был лишним. Мне и так жрать хотелось, а сейчас аж голова закружилась и затошнило.

Но тут грузчик яростно заводил бровями, замахал ластами:

– Брысь отсюда, Завмаг идет...

Хлюст метнулся за ящики, а я не успел.

– Что здесь делает этот заморыш? – спросил у грузчика хозяин магазина, он же – отец Ленки Артём Артёмович. – Э-э-э... Стоп, ты кто? Из Ленкиного класса, что ли? – обратился тот ко мне.

– Да он, это самое... – хотел внести ясность грузчик Сергей.

– Помолчи, а? Опять с утра набухался? Я тебе обещал выгнать с работы?

– Обещал, – согласился грузчик. – Но я этого заморыша сюда не звал.

– С тобой разберусь завтра. Штраф обеспечен. Иди машину разгружай.

Грузчик поспешил смыться с глаз долой, а я остался.

4. Завмаг дал 100 рэ – я вместо сигарет купил... сосиски

Зажатый между ящиками, я скукожился под взглядом хозяина магазина. Тучный Завмаг навис надо мной реально, как туча!

Потом он отстранился, как-то склонил голову, рассматривая меня.

– Так ты с моей Ленкой учишься, – присмотрелся: – Костин сын, что ли?

– Ну да, сын я его... С дочкой вашей в одном классе...

– Как он там, батя твой? Мы тоже с ним одноклассники.

– Отец нормально, – соврал я. У бати, кажется, было что-то опять ненормально. Потому что он уже несколько месяцев молчал. То хоть иногда звонил или в «Одноклассниках» писал, сейчас совсем умолк.

– Он классный спец, на все руки мастер, – сказал Артём Артёмович. – Мне «мерина» ремонтировал, никто не брался, а он ремонтировал. Без диагностики.

Мне было приятно, что тучный Завмаг так уважительно говорил об отце. «Мерин» – это, между прочим, «мерседес», а не какой-нибудь «жигулёнок». А то все говорят о нём – об отце моём: неудачник, размазня. Мама, правда, всегда уходила от таких разговоров. Наверное, всё-таки она его, моего батю, любила. Я так думаю. Ну или жалела...

– У тебя что, проблемы? – спросил тучный Завмаг.

– Нет.

А Завмаг как будто не расслышал:

– С Амбалом, что ли?

– Нет никаких проблем...

– Ты мне тут не втирай мозги. Раз Хлюст привёл тебя, значит, от Амбала.

Я промолчал, понял, что Завмаг меня раскусил.

– Цена вопроса? – спросил он.

Я сначала не врубился, о чём это он.

– Что Амбал с тебя хочет?

– С меня – ничего...

– Ну да. Рассказывай мне. Наверное, дань собирает сигаретами или за «лирикой» послал? Честно говори!

Ни фиги себе, Завмаг всё знает, даже про таблетки «лирика».

– Честно? За сигаретами, – признался я.

– Ну это ещё куда ни шло... На, держи. – Он сунул мне в карман сто-рублевку и легонько подтолкнул к выходу: – Дуй в школу!

Я рванул от Завмага прочь, даже спасибо забыл сказать.

Проблема, кажется, решена: куплю сигареты в ларьке за углом и отдам Амбалу.

Но в школу мне идти не хотелось. Скинул эсэмэску рыжему Дениске: «Забери мой портфель».

В ларьке хотел купить сигарет для Амбала. Тетка оказалась злая:

– Тебе нет 18 лет!

– Я не себе...

– А кому?

– Отцу...

– Бреешь! Что, менты подослали проверить, продаю ли малолеткам сигареты? Меня не проведешь!

Я угас и завис над витриной... Вспомнил «меню подростка», которое наша классная передала матери: «сыр-мыр», «мясы-колбасы». Сильно хотелось жрать...

– Тогда сосиски дайте... Самых дешевых, для кошки.

– Знаем, для какой кошки, – хмыкнула продавщица.

На 100 рэ получилось прилично. Вскочил из ларька, за угол, и давай терзать сосиски в целлофане. Эта клеёнка не шибко поддавалась, но я справился. Наелся от пуза! Больше половины ещё осталась. Мысль пришла про мамины бутерброды с маргарином.

Вскочил в маршрутку, которая до конторы ПТО ходит. Сидел, тряся на заднем сидении. Вдруг сообразил: расплачиваться нечем: «Ё-моё!». При выходе я попытался прошмыгнуть мимо водителя, не заплатив.

– Э-э-э!.. Ты куда, прохвост? – водитель захлопнул дверь перед носом. – А платить кто будет?

– Дома деньги забыл, – пролепетал я и вдруг, сам неожиданно для себя, распаиваю пакет с сосисками: – Вот только это есть.

– Ты что, придурок, офигел? – маршруточник от сосисок опешил. – Ты за кого меня держишь? Оборзела пацанва...

– Я за него заплачу, – сказала какая-то тетка, которой тоже надо было выходить из маршрутки. – Может, он детдомовский, – и сунула водителю десятку.

Дверь распахнулась.

– Ты и вправду детдомовский? – спросила тётка, знакомая на лицо – из нашего посёлка.

– Нет, – огрызнулся я и, не говоря «спасибо», рванул прочь.

Детдомовским обозвала... Ну, сегодня вообще меня с ног до головы облажали: то макаронина, то заморыш, то глист. Теперь – детдомовский.

Короче, заскочил в мамкину контору. Офис называется. Как раз обед. Все разбрелись. Одна очень взрослая тётка пирожок с чаем наяривала. Мама за своим столом – просто чай. Без ничего.

– Мам, привет!

– О... сынок? Ты что здесь? Почему не в школе? Что случилось?

– Да ничего не случилось. Учительница заболела, – соврал я как обычно.

– А зачем пришёл?

– Мам, на! – протянул пакет с сосисками, – вот тебе принёс...

– Это что?

– Сосиски, – почему-то прошептал я.

Маманя моя сразу не врубилась.

– Нет, это что? Откуда?

– Сынок на обед маме принёс, – вмешивается толстая тётка, её коллега.

Мама вдруг заплакала:

– Ты что меня позоришь!

– Мам, я хотел как лучше...

– О, такими сосисками я котят кормлю, – вставила свои пять копеек очень взрослая тётка.

Мама совсем психанула и выскочила из кабинета. Я – за ней. Но сосиски не забыл.

...Потом я видел: очень взрослая тетка с пирожками из окна за нами наблюдала. А мы с мамой в беседке во дворе конторы сидели. Я ей честно всё рассказал по Завмага, про сосиски, даже про «мерина», который батя ремонтировал. Про Амбала – не стал, зачем мать ещё больше расстраивать?

Потом мы ели сосиски, мама улыбалась. Гладила меня по голове:

– Кормилец мой! Моя надежда!..

Мне было неудобняк, я высвободился из-под её руки:

– Ну ладно, мам, что я, маленький?

Действительно, я не маленький, и реально мне пора становиться кормильцем. Надо с Завмагом поговорить, может, он что-то предложит. Вот если бы вместо грузчика дядьки Сергея! Я, допустим, заморыш, макаронина и всё такое. Но на самом деле я хоть худой, но жилистый. Как батя! Я смогу!

В это время я старался не думать об Амбале. Но мысли о нём всё равно одолевали: как я с ним буду рассчитывать, как сигареты ему подгоню? Да, всё-таки придётся к Завмагу идти, просить какую-нибудь работу. Вот если бы отец Артёму Артемовичу позвонил, попросил бы за меня... Или хотя бы просто мне позвонил. Если б я работал, у меня бы сила воли укрепились, характер твёрже стал – бойцовским был бы. Ну и деньги имелись бы...

5. На лестнице без перил, как...

после первого моего пьянства

На следующий день я должен был встать рано. Надо бегать, тренироваться, силу воли закалять и всё такое... Как мучительно я вставал! Потому что с вечера долго не мог заснуть. Мама вечером передвигала на подоконнике ящик с посаженными орехами, что-то там подсыпала типа удобрений. Я уже остыл к идее про «рощу Кирилла» или хотя бы аллею. Орехи почему-то не проросли, а мама всё с ними возилась. Потом начала греметь посудой. Опять, наверное, ненавистный суп с макаронами собралась варить.

Ленку кудрявую вспомнил – Звёздную Звезду. Точнее, я её никогда не забывал. Но сейчас про макаронины вспомнил, как она обозвала мои конечности. Ну ладно, посмотрим ещё. Я встал, пошёл на кухню. Это меня гнал пищевой рефлекс – даже на макароны.

– Мам, ты что тут изобретаешь?

– Да уж изобретаю, – она вздрогнула от неожиданности и поспешила свернуть листок с ксерокопией «Меню подростка». А на тарелке красовалось что-то аппетитное, похожее на пиццу. В основе – «кошачьи» сосиски, которые мы не доели.

– Дай попробовать, – не выдержал я и тут же разозлился на себя: что-то много думаю о жратве.

– На ночь есть вредно, – с улыбкой предупредила мама.

– И не есть тоже вредно, – попытался сострить я, оправдывая свою прожорливость. – Вкусно!

Уплёл практически всю доморощенную пиццу и ушёл спать. Долго думал об отце: а что он там ест? Наверно, все всухомятку да пивом запивает. У него же так и остался дефицит веса. Желудок больной, а он всё всухомятку. И ещё это пиво, блин!..

Честно скажу, я и сам уже пробовал выпивать. Пацаны пиво предложили, я не отказался. Да и неудобняк – что я, совсем лох? Конечно, прикольно, весело становится, уроки – пофиг, Ленкино пренебрежение – пофиг, всё – пофиг! Мама, когда учуяла запах пива, устроила скандал!

– Ты что творишь, паразит! У тебя наследственность знаешь, какая?

– Она у меня нормальная, – пытался я успокоить мать. – Да я даже ничего не почувствовал. Ни в одном глазу...

– Сейчас ты у меня почувствуешь! – она начала колотить меня кулаками по спине, я быстро увернулся. Мама заплакала:

– Ты понимаешь, что можешь стать алкашом? Понимаешь, что жизнь исковеркаешь и себе, и мне? Тебе мало примера отца и деда?

– Они не алкаши, – попробовал я вступить за них.

– А ты – станешь, ты еще ребёнок! Ты ещё... – Мама упала в бессилии на диван и зарыдала навзрыд. Ну вот такие воспоминания о моем первом «пьянстве».

Я и сам понимал, что это может плохо кончиться. У бати-то проблемы из-за этого. Вот если бы он не пил, если бы мы жили все вместе – отец, мать, я... Нормально бы питались. Мама вон из ничего может готовить всякую вкуснятину. Да и пива отец тогда точно столько бы не пил. Вместе жить лучше. А что, бывает, сначала родители расходятся, а потом сходятся...

На сытый желудок приснился мне отец. Как будто мы у него на даче, которую он собственноручно строил из бруса. Какая-то деревенька под

Пермью, кажется, Мошни. Ну, правда, это не дача, а простой кусок земли и домик, но с мансардой. Я эту дачу видел на фотке, которую отец выставил в «Одноклассниках». Реально лестница, конечно, внутри помещения. Но мне она снилась почему-то снаружи и без перил. Вела лестница на балкончик. Во сне же отец на токарном станке вытачивал деревянные балясины для лестничных перил. Батя ж у меня мастер на все руки. Лестница крутая, я по ней взбираюсь, а отец говорит:

– Подожди, Кирилл, я установлю перила, а то свалишься.

– Не свалюсь, пап! Я хоть и худой, но жилистый, как ты. И ловкий! – Так и сказал ему во сне: «ловкий». Даже как-то неудобно стало, что хвастаюсь. В жизни, понятно, я вовсе не ловкий, а неуклюжий. Но во сне сноровисто взбирался по лестнице к кудрявой Ленке. Она вроде как бы на балконе, вся из себя такая... Я обернулся, глянул вниз, а там отец с мамой обнялись и оба улыбаются. А рядом как бы я стою – маленький. Откуда я взялся? Я же на лестнице без перил... А Ленка смотрела на всех нас свысока – во сне, понятно.

Тут зазвенел будильник и как бы спугнул всех – отца, маму, Ленку. Они улетучились, а я снова провалился в сон. За эти десять минут мне снова успела присниться та же лестница. Она вела на тот же балкон, но там уже стояла Маришка. Я даже во сне осознал, что больше её не называю мышкой. Она паниковала, умоляла:

– Кир, осторожно, прошу тебя...

– Да все нормально! – успокаивал я, а самому – страшновато.

Маришка вцепилась в дверной косяк, прижимаясь к стене, протягивала мне руку.

– Ещё немножко, держись, Кир!

А меня какая-то неведомая сила тянула к краю лестницы. Я вовсе не хотел красоваться перед Маришкой. С другой стороны, жаль, Ленка не видела меня, хотя бы во сне. Голова кружилась, как от пива. Вдруг какой-то звук взорвал пространство сна, я сорвался с лестницы и...

Это надрывался противный будильник. Мама уже ушла на подработку – полы мыть. Я всё-таки решил бежать на стадион. «Посмотрим, у кого макаронины», – подумал я решительно, разочарованный поведением Ленки как во сне, так и в жизни. Вперёд, на стадион, закаляться! Хотя там, на стадионе, скорее всего, этот зоотехник дядька Мишка с баранами, а Ленки нет... Ну и фиг с ним, если он со своей отарой, я побегаю по пустырю за домами. А что? Кросс по пересеченной местности – нормально.

Я побежал трусцой, огибая лужи, пытался думать: к чему этот сон с лестницей без перил? Если бы сегодня нормальный сон мне приснился – с подсказкой, где взять деньги, другое дело. А то всякая непонятная лабуда снилась: лестница без перил, Ленка на пьедестале, Маришка руку помощи протягивает... Хотя опять же мама с батей вместе приснились. Это, по ходу, нормально.

6. На мойку не воткнулся, ещё и грузчика из-за меня уволили. Блин!..

Короче, побежал я трусцой. Напротив «Гипермаркета» шипела и фыркала, как ужаленная, автомойка. Даже в такую рань здесь уже пара машин – проезжие, судя по номерам. Местные стараются сами мыть свои колымаги. Я подумал: может, на мойку податься? Решил сразу зайти и спросить.

В кабинке администратора сидела... та тётка, которая в маршрутке заплатила за меня. Упс... Она, кажется, матушка Амбала и Хлюста. Этого ещё не хватало. Я хотел было повернуть назад – на стадион.

Но тётка меня заметила:

– О, старый знакомец... Ты чего?

– Это самое, – замялся я. – А хозяина как найти?

– Придумал... В такую рань его здесь не бывает. Только вечером появляется – деньги забирает. А тебе он зачем?

– Вообще, хотел на работу...

– Ты? Тебе-то лет сколько?

– Четырнадцать...

– О... Шибко малой ещё, дитё, считай, – измерила меня тётка взглядом. – Нам тут самим нечего делать. Вот скоро погода установится, грязь сойдет, машин меньше станет, нас половину разгонят, – с досадой сказала она. – Наверное, с меня и начнут. Вон, видишь, девки – молодые да здоровые... А сидят без дела.

Я глянул в сторону девок, гнездившихся на длинной скамье возле мойки в ожидании машин. Все такие фигуристые, заразы, но некрасивые и курящие.

– Так ты всё-таки детдомовский или нет?

– Нет, у меня родители есть.

– Я так и поняла... Детдомовские только попрошайничают возле магазина или мойки. А в школу что не идёшь?

– У нас первого урока нет, – соврал я и понял, что в школу сегодня действительно не пойду. Но надо домой вернуться, переодеться и взять портфель, чтобы мама не заподозрила. – Ладно, я вечером зайду...

– Так ты его, хозяина-то, можешь в «Гипермаркете» найти. Завмага знаешь?

Упс...

– А что, это его мойка?

– Ну да, скупает всё вокруг потихоньку...

Это меняло дело. Я решил пойти в «Гипермаркет» к Завмагу. Он же одноклассник батин, хорошо о нём отзывался. Вчера сто рэ дал, чтоб я отмазался от Амбала. А я сосисок купил. Плохо, что он Ленкин отец. Не по кайфу как-то... Воспоминания про Амбала совсем на меня нагнали тоску. Я нырнул через приоткрытые задние ворота в складские помещения «Гипермаркета». Грузчик дядька Сергей медленно перегружал с поддона на тележку коробки.

– Здрасьте, дядь Сергей, давайте я вам помогу! – Не дожидаясь ответа от мрачного грузчика, я схватился за коробку.

Фу, блин, и здесь макароны. Плохая примета, а что делать...

– Ну-ну... – одобрил мой пыл дядька Сергей. Сам распрямился, руки в боки, и оценивающе смотрел на мою работу. Я старался изо всех сил – хоть и чахлый кесаренок я, но гиперактивный. Именно так закаляется воля, мысленно подбадривал я себя. С макаронами справился быстро. Дядька Сергей потащил тележку в торговый зал. Я, уставший, присел на какие-то коробки, прикрыл глаза – голова кружилась.

– Ты, вижу, можешь упираться. – Я с трудом поднял веки, надо мной тучей навис Завмаг. – Но кто тебе разрешил заходить на склад?

– Я вас искал, – мне пришлось невольно встать. – Ну и заодно решил помочь дядь Сергею.

– Ему уже никто не поможет...

Я молчал и понимал, что у грузчика, моего «работодателя», будут проблемы.

– Вы его из-за меня выгоните? – выдавил я из себя. – Не надо, пусть работает...

– Ну, защитничек нашёлся. Ты свои проблемы не можешь решить, а ещё за кого-то хочешь вписаться. Он мужик взрослый, пусть сам за себя отвечает.

Завмаг изучил меня тяжелым взглядом. Я даже невольно втянул голову в плечи.

– Ты что, думаешь, он заценит, что за него, взрослого мужика, вписался малолетка?

– Нет, наверно, – неуверенно ответил я.

– То-то же... А ты вообще почему не в школе? Что, опять первого урока нет?

– С чего вы взяли?

– Так ты ж моему бабью с автомойки лапшу на уши с утра навешал. – Я не успел подумать о предательстве тетки-администраторши, как Завмаг ещё огорошил: – А ты с Амбалом решил проблему?

Артёмович, хоть он и говорил, что мой отец нормальный мужик и его одноклассник, мне совсем разонравился. Нафиг я на склад пришёл? Надо быстрее отсюда валить...

– Так почему не в школе? Как тебя... Кирюха?

– Кирилл, – с некоторым вызовом ответил я.

– О как! Кирилл Константинович, значит, – передразнил меня Завмаг. – Только давай, рассказывай по чесноку.

– Если по чесноку... – замялся я, готовый выложить Завмагу все свои проблемы: и про безденежье, и про невыученные уроки, и про Амбала, и даже про равнодушную его дочку Ленку. – Если по чесноку, то это мои проблемы, – угрюмо сказал я, помня мамину притказку «Кому нужны чужие трудности».

– Ты не изображай из себя крутыша, – хмыкнул Завмаг. – Знаю я твои проблемы – и про Амбала, и про Ленку мою. Но это разве проблемы... – И сразу без паузы: – Костя, отец-то твой как?

– Нормально... постоянно звонит мне, деньги высылает, приглашает на каникулы приехать на Урал. – Я это так торопливо и убедительно выпалил, что аж сам поверил.

– Не трынди старшим, – лениво сказал Завмаг. – Номер телефона его дай мне.

– Зачем?

– Хочу рассказать ему, какой ты раздолбай...

– Я не раздолбай, – огрызнулся я и хотел было, уклоняясь от тучного Завмага, выскочить между ящиками и сквозануть со склада.

– Да не дергайся ты, – успокоил меня Завмаг. – Хочу станцию техобслуживания вместо мойки открывать. Костя, батя твой, нормально рубит в машинах...

– Он сюда, в этот колхоз, не вернётся, – вступился я за отца.

– Ты-то откуда знаешь? Думаешь, там он мёд, да еще ложкой, хлебает? Рассказывай мне басни. Мы везде чужаки, как только из поселка выедешь. Везде туземцы, хоть белокрысы, хоть рыжие, хоть чёрные...

Наверное, Завмаг был прав. Я дал ему телефон отца и уже представил, как батя мой, худой, но жилистый, орудует каким-то хитроумным ключом во внутренностях завмаговского «мерседеса», а все мужики вокруг столпились и говорят:

– Ну Костя дает! Мы, блин, неделю мудохались, а он за час «фашиста» починил.

Честно говоря, я давно отцу не звонил, на телефоне нет денег. И он не звонит. Наверное, тоже нет денег.

Блин, опять про эти бабки... Что-то у меня утро какое-то неудачное. И на мойку не воткнулся, и Завмаг на складе поймал, и дядьку Сергея из-за меня выгоняют с работы ☹

7. Завмаг сообщил: мой отец... в реанимации

– Да, с Костей, с отцом твоим, мы в школе дружили, – задумчиво сказал Завмаг. – Ну как дружили?... Толстяк и тощак – так нас обзывали. Я, сам понимаешь, толстяк, Костя, значит, тощак. Обидно... Доставалось нам в классе. И ты знаешь, от кого больше всего?

– Нет, не знаю, – пожал я плечами. – Откуда мне знать.

– Батя твой, значит, не рассказывал. Ну да, когда бы он тебе мог рассказать... От Сергея, грузчика моего. Здоровый как бык был. Обидно, да?

– И теперь вы его выгоняете за это? – Я испытывал непонятные чувства: с одной стороны грузчика, считай, из-за меня уволили, с другой, как оказалось, он батю моего в школе доставал.

– Да нет, не из-за этого уволил. Пьёт он. А с пьяного какой спрос? Как уволил, так и приму. Для Сергея встряска нужна, тогда он бросает пить. Это уже не первый раз.

– А за что он на вас с отцом наезжал?

– А за что на тебя Амбал наезжает? Закон жизни, Кирилл Константинович. У сильного всегда бессильный виноват – как в басне Крылова.

– Неправильный закон, звериный, – с обидой за отца, за себя, ну и за Завмага, который был в школе толстяком, сказал я.

– Этот закон не отменить, нравится он или не нравится. Но жизнь в конце концов всех расставляет по местам. – Он обвёл каким-то киношным жестом свои владения. – Вот так! Ну, батю твоего мы вытащим. Он – мастер золотые руки.

– Да! Золотые руки! – с гордостью сказал я.

– Вот сейчас прямо мы и позвоним ему. Есть, Кирилл, ещё один закон жизни, хороший: решил – сразу действуй. Давай номер батиного телефона.

Артем Артёмович извлек из кармана такой крутой сенсорный телефон – целую лопату! У меня аж дух захватило. Я невольно нырнул к себе в карман и ощупал свою кнопочную древнюю «Нокию», похожую на обмылок. Не стал вытаскивать, чтобы уточнить номер телефона отца. Надиктовал на память.

Завмаг позвонил моему батю:

– У нас с Уралом два часа разница, самое время, – сказал мне Артем Артёмович. – Алё... алё... Это кто? Фу ты, чёрт... Не туда попал! Ты что за телефон подсунул? – буркнул Завмаг.

Я вытащил всё же свой обмылок, убедился: номер надиктовал правильно.

– Это отца телефон, отвечаю, – я повторил снова батин номер.

– Алё... Это телефон Кости?

На том конце, кажется, ответили «да».

– А мне нужен он сам... Как его услышать? – в трубку что-то долго говорили, я, естественно, не слышал, но лицо хмурого завмага становилось просто мрачным.

– А Костин телефон у вас как оказался? – и через паузу: – Вы жена его новая? – Завмаг озадачился. – Где он сейчас находится? В реанимации? А что с ним случилось?

– Кто в реанимации? – схватил я Завмага за рукав, но уже сам понимал, что с отцом что-то произошло.

– Батя твой в реанимации... В аварию влетел. Так что Кирилл, держись...

Я выскочил из склада и помчался, куда глаза глядят. Потом понял, что бегу домой. В голове пульсировало: «Что же делать?.. Что же делать?..»

Мама была уже дома и готовилась на работу.

– Мам, папа в аварию попал! В реанимации лежит... – выпалил я.

Мать оцепенела.

– Как попал в аварию? Ты откуда знаешь?

Я сбивчиво рассказал, что ему звонил Завмаг, а с его телефона ответил кто-то другой (я не стал говорить, что то была батина новая жена).

– Что же делать, что делать?.. – На лице мамы была растерянность.

– Надо ехать, – выпалил я.

– Куда, к кому? Сынок, это, считай, на край света! Да и семья у него другая... А у меня – работа...

– Причём тут другая семья, мама? – я вроде даже прикрикнул на неё. – Я его семья!

– Так! Успокойся, Кирилл, – мать, кажется, приходила в себя. – Это тебе не на рынок в райцентр съездить – сел на маршрутку и через полчаса на месте. Три тысячи километров – к лешему на кулички! Где денег взять на поездку? И кто поедет? Я?.. Ты?..

Мама задала слишком много вопросов и все – сразу. У меня не было на них ответов, кроме одного: кто поедет? Конечно, я! У меня и паспорт есть, билет спокойно можно купить на поезд... Только вот на какие шиши?

Мать, между тем, торопилась на работу, а мне надо было в школу. Хотя какая школа? Я даже не знаю, какие сегодня уроки. Да и Амбал там с Хлюстом... Блин, что делать?

– Быстрее шевелись, Кирилл! В школу опоздаешь! – Мать это сказала по инерции, догадываясь, что в школу я не пойду. – Вечером что-то придумаем. Попробую с работы дозвониться до больницы.

Я не могу ждать вечера, надо действовать сейчас. Ехать зайцем на поезде? Нереально. На первой же станции менты выпепят. Автостопом? В принципе, можно... Но всё равно хоть каких-то денег на дорогу надо наскрести. Грабануть банк? Смешно... Попросить у Завмага? Ну, он может дать на упаковку сосисок для кисок – типа спонсор. А на дорогу?.. Короче, полный трындец ☹

Нет, конечно, если бы всё представить, как в кино в стиле фэнтези, то – да, захватывающее путешествие могло бы случиться. А в реале?

ГЛАВА III

1. В поисках денег: мои «авгиевы конюшни» – реальные

С этими мыслями я вышел на улицу. Мимо меня со стадиона в сторону частного сектора зоотехник дядька Мишка гнал на пустырь своё небольшое стадо: овцы, козы. Наш дом – семейное общежитие, где мы живём с мамой, находится рядом с частниками.

И тут пришла мысль: а что если зоотехнику предложить свою помощь по хозяйству? Раздумывать было некогда. Я вспомнил слова Зав-

мага: решил – действуй! И я решил действовать. Мы поравнялись с зоотехником. Он заметно прихрамывал и опирался на корявую палку.

– Здрасьте, дядь Миш. А что с вашей ногой? – Мне показалось, что я это сказал заискивающе, мне стало противно, и я ощутил себя бесхарактерным заморышем.

Зоотехник, не ответив на моё «здрасьте», удивленно посмотрел на меня:

– Ну подвернул я ногу, а тебе-то что?

– Дядь Миш, а вам по хозяйству помощь нужна? – выпалил я, подавляя в себе всякие дрянные чувства и напрягая свою «стеснительную» волю. Своим вопросом я зоотехника явно озадачил.

– А с чего это ты вдруг захотел мне помогать по хозяйству?

– Ну вы же ногу вывихнули, а я бы мог что-то делать. Мне деньги очень нужны, – честно и прямо сказал я.

– Всем они нужны, – дядька Мишка что-то соображал, на его небритой и хмурой физиономии этот процесс явно отображался. Он не стал спрашивать, как все взрослые, про школу: почему, мол, пропускаешь? Сказал, как бы обрадовавшись и с вызовом:

– А есть у меня для тебя работа! Ты вообще вилы в руках держал когда-нибудь? А то вы, общежитские, как городские – к колхозному труду не приучены. Вы все в телевизор да компьютер пялитесь, работать не хотите...

– Конечно, держал! У меня дед Кирилл скотником на колхозной ферме работал, – я вспомнил деда, которого давно нет в живых и которого я при жизни не знал. Понятно, что он не мог научить меня работать вилами. Но для зоотехника это был аргумент.

– Дед Кирилл? Ну да, помню такого! Пахал, как трактор, но и бухал... – Дядька Мишка, давший такую характеристику моему покойному деду, присмотрелся ко мне повнимательнее, как будто хотел увидеть дедовские гены. – Короче, так... Надо будет убрать навоз из сарая. За зиму накопился... А то я, видишь, ногу подвихнул, не могу пока сам.

– Хорошо, – согласился я с радостью, не рискнув при этом спросить: сколько заработаю. Для начала надо получить работу. Дядька Мишка доковылял до своего дома с тыльной стороны, я – следом. Мы загнали животных в загон. Энтузиазм мой исчез, когда зоотехник завел меня в низенький сарай, где он содержал овец и коз.

– Короче, надо все почистить и навоз вывезти в конец огорода, – сказал дядька Мишка. – Вот тачка, вот вилы.

– Ну, блин, авгиевы конюшни, – невольно вырвалось у меня, как только представил, сколько навоза надо перевезти.

По конюшни я припомнил из мультика о подвигах Геракла. Интересно, а в тех древнегреческих конюшнях такой же позорный запах был? Зоотехник не дал мне додумать:

– Ты, пацан, меньше базарь. Хочешь заработать – давай, вкалывай, нет – свободен.

Я воткнул вилы в спрессованный слой навоза. М-да... Полный отстой. Мама говорит, что труд ещё ни одного ребенка не испортил. Но дерьмо нюхать, ну блин... Нагрузил одноколёсную тачку. Повёз в конец огорода. Меня кидало из стороны в сторону, еле удержал этот агрегат, чтобы не опрокинуть.

За мной равнодушно наблюдал огромный лохматый пес, сидевший на цепи у калитки. Мне, честно сказать, боязно было проходить мимо этой псины.

– Да ты не мохай, он в тебе своего признал, – успокоил меня дядька Мишка. – Да и вообще, он детей не трогает.

Я внутренне запротестовал против того, что меня за дитя признает даже пес. Однако продолжил возить навоз – управлять тачкой приловчился, да и принялся.

Зоотехник расположился рядом под навесом. Вынимал щипцами из старых досок гвозди и ровнял их на маленькой наковальне. Конечно, лучше бы я это делал. Но...

– Что, мамка-то твоя еще в ПТУ работает? – спросил зоотехник.

– В ПТО – производственно-технический отдел, – с нескрываемой обидой за мать сказал я.

– Ну, в ПТО... Какая разница, – хмыкнул скотовод. – Скоро их будут сокращать. Мне один знакомый говорил. Он какого-то начальника из райсовета возит, или как там теперь – из администрации. Развелись их, всяких шишек и шишечек, в компьютерах сидят, работать не работают.

Мне не хотелось с этим скотоводом спорить, у меня от усталости реально подкашивались коленки. Но что этот скотовод имеет против моей матери?

– Мать не сократят, она незаменимый специалист, – устало сказал я. – На ней висят и техусловия, и информационное обеспечение...

– Незаменимых нет, есть не замененные, – сказал дядька Мишка что-то заумное. – Я вот тоже на колхозной ферме работал зоотехником незаменимым. А потом этот сраный Трофимович разорил хозяйство, всех коров под нож пустили, а меня – на четыре стороны. А я, между прочим, сельхозтехникум на отлично закончил. Начинал работать на ферме с твоим дедом. Он – скотником, я – зоотехником...

– Ну да, вы говорили. Дед как трактор пахал.

– А то! Нормальный был мужик, трудяга. Точно, пахал как трактор, не то что ты... – Он оценивающе окинул меня взглядом. – Правда, на стакане сидел... А Трофимович долбаный загнал деда твоего в гроб.

Я, конечно, помнил по рассказам старших про деда Кирилла, про мамину свадьбу, про долги, про угнанных тёлочек с колхозной МТФ.

– А ты говоришь – незаменимые... – Зоотехник снова взялся за молоток и продолжил ровнять кривые гвозди.

Усталость меня валила с ног, не хотелось ни говорить, ни слушать. Я снова ощутил себя заморышем. Может, это от йододефицита? Я вспомнил про «Меню подростка» и с тоской подумал, что даже когда-нибудь не смогу стать офицером.

2. Амбал грозился посадить меня на счетчик

Внезапно дядька Мишка остановил свое нехитрое занятие, взял в горсть кривых гвоздей и важно изрек:

– Уволят, не уволят мамку твою – это как судьба сложится... Вот возьми гвоздь. На сучок попадёт и пошёл вкривь и вкось. – Он продемонстрировал мне толстый кривой гвоздь. С каким он важным видом это сделал!

– При чём тут судьба? Мать – незаменимый специалист, – повторял я своё.

– А вдруг какой-нибудь криворукий плотник молотком по шляпке сдуру не так ударит? Вот судьба и наперекосяк...

Когда дядька Мишка заговорил про судьбу, она мне вновь представилась старой каргой с когтистым указующим перстом, а не кривым гвоздем. Это у бывшего зоотехника судьба – гвоздь под молотком. А моя, блин, как карга когтистая. Вот негодяйка, на навозную кучу меня закинула. Ух, как работать неохота, но надо! На какие же шиши до бати добираться аж на Урал? Тут из детства возникла лужа безденежья – не переплыть. Но преодолевать надо – силу воли закалять, характер ковать!

Я устал по-чёрному, руки онемели, ноги не хотели двигаться, ныла спина – реально ощущал себя заморышем. Куда делась моя врожденная гиперактивность? В душе у меня зашевелилась ненависть к зоотехнику. Вроде мужик он нормальный, с дедом моим работал, хвалил его, мол, пахал как трактор. За это я простил скотоводу вчерашнее – и что палку в меня запустил, и что обозвал соплей. Но усталость возбуждала злость на дядьку Мишку. Чертов эксплуататор детского труда!

– Всё! Больше не могу, – выдохнул я чуть ли не со всхлипом.

– А надо через не могу. В жизни всё делается через не могу, если чего-то хочешь добиться, – назидательно сказал скотовод. – Ладно, давай перекусим.

Он расстелил на ящике газету, налил в кружку козьего молока и отрезал ломоть хлеба. Я вспомнил из детства, что козье молоко горькое, но целебное. Ладно, может, один хлеб буду есть.

– Иди руки помой. Возле колодца умывальник, – сказал дядька Мишка.

Я с брезгливостью отдраивал свои руки, принохивался к ним... Позорно, если будет навозом от меня вонять. Вновь и вновь намыливал ладони – вдруг Ленку встречу, а от меня вонизм идёт!

Эти мысли, впрочем, аппетита мне не убавили. Я жадно набросился на еду, козье молоко мне показалось не таким уж горьким. Хотя я первый раз плотнул – сосредоточился на вкусовых ощущениях.

– Что, горькое? – улыбнулся дядька Мишка, кажется, первый раз.

– Ну, есть немного...

– Оно как лекарство. Всё, что человека лечит, горькое, – философствовал дядька Мишка. Я молча уплетал нехитрую снедь, уже не принохиваясь к своим рукам.

После перекуса работать вообще не хотелось. Моя воля в виде бомжа-бурлака совсем скукожилась и забилась в дальний угол души. А где же ещё воля живет? Именно там...

Дядька Мишка, не обращая внимания на мою волю, подгонял:

– Давай, шевелись! За сегодня надо закончить всё. Где, по-твоему, животное будет ночевать?!

– А что, ваши козы темноты боятся? – попытался я сострить.

– Не умничай! – цыкнул на меня скотовод. – Сам напросился работать. Хоть будешь знать, как рубль достается.

Я устал как собака, отвечать не хотелось. Повёз очередную тачку навоза в конец огорода.

– Эй, Кирюха, – кто-то окликнул меня. – Подойди к забору.

Сквозь щелястые доски я увидел... Хлюста. Ну, блин...

– Чего тебе?

– Привет от Амбала! – хихикнул Хлюст. – Должок за тобой.

– А тебе-то что?

– Ладно, меньше базарь. Слушай сюда, – Хлюст поманил меня сквозь щель пальцем.

– Ну?

– Когда будешь уходить, откроешь в сарае изнутри засов. Понял? Амбал сказал так. И не дай бог, если ты этого не сделаешь, Амбал посадит на счетчик... А может, ещё на что-то, – хихикнул Хлюст и исчез в зарослях.

– М-да, блин... – подумал я вслух, возвращаясь с пустой тачкой в сарай.

– Что ты там бурчишь, – оторвался дядька Мишка от своих кривых бесконечных гвоздей.

– Да блин, замудохался я, сил нет, – сказал практически правду я.

– Не ной! Надо дело до конца доводить! Пупок не надорвёшь.

Это была ошибка зоотехника – про пупок. Мне показалось, что это намек на пуповину, в которой я запутался в утробе матери и потому появился на этот свет кесаренком. Я оскорбился и окончательно разозлился на дядьку Мишку. Честно, я не хотел открывать на ночь сарай. Но раз так, раз я кесаренок в пуповине – получи, фашист, гранату! Я продолжил с остервенением ковырять навоз. Когда скотовод отвлекся, я потихоньку отодвинул задвижку на дверях. Так что с тыльной стороны можно было без труда проникнуть в сарай. Я, честно говоря, чувствовал угрызения совести – дядька Мишка, хоть и вредный, но дал мне возможность заработать, да и про деда Кирилла хорошо говорил. Но с другой стороны – Амбал!.. Понятно, что он собрался грабануть скотовода – увести барашку, а может, и целое стадо.

В голове роились всякие мысли. Про Амбала, который меня посадит на счетчик, или ещё куда, про то, что, как только обнаружится пропажа, скотовод поймет: открыл изнутри сарай я, и тогда на меня навесят кражу. Ну, блин, влип...

Работу, однако, закончил.

Зоотехник дал неплохие деньги – примерно, на 3 кг кошачьих сосисок.

В принципе, я был доволен. Но мысль про оставленный открытым на ночь сарай не давала покоя. Ну и про отца, который в реанимации, я не мог забыть – деньги-то зарабатываю на дорогу к нему. А тут ещё и про мать какие-то мысли мрачные ворочались в башке: про её судьбу, про то, что в ПТО будут сокращения... Ну везде «кривые гвозди», про которые говорил дядька Мишка.

3. Мать... забрали в ментовку и уволили с работы

В то время, когда я пахал в «авгиевых конюшнях» дядьки Мишки и ощущал себя неисправимым заморышем, у мамы на работе происходило полное скотство! Вот:

– Ирина, тебе шеф передал, чтобы ты написала заявление на полставки, – сказала толстая тетка из маминого отдела, которая вечно жевала лопушистые пирожки.

– Не поняла?

– Ну что не понятного... У нас в отделе сокращают одну единицу.

– А почему я? У меня ребенок несовершеннолетний.

– А у меня два совершеннолетних! Это ещё хуже.

– Хуже чего? – уточнила мама.

– Иметь двух совершеннолетних детей. Вот чего! – с надрывом сказала тётка.

– А я лично не говорю, что дети – это «хуже»! – Мама тут же вспомнила, как попала в аварию и потом не смогла выносить ребёнка – моего брата, значит. Она всегда об этом помнила.

– Если тебе лучше, а мне хуже, вот ты и пиши заявление.

У мамы подкатила к горлу обида, она еле сдерживала слезы, тем более вспомнила о неродившемся сыне. Мать, которая считалась незаменимым специалистом, не стала спорить с лопушистой тёткой, а пошла прямо к шефу.

– Во-первых, я сказал, чтобы твоя коллега написала заявление. Она пенсионерка, – уточнил шеф. – Во-вторых, почему у вас в отделе постоянные склоки? Почему вы вечно недовольны?

– Про склоки – это не ко мне. Я лично работой довольна, но недовольна зарплатой.

– Недовольна зарплатой? Пиши заявление и досвидос! Ищи, где зарплата лучше... – Шеф так и сказал – «досвидос», а с виду ещё такой солидный, при галстуке.

Тут случилось непредвиденное! В кабинет шефа ворвалась лопушистая тетка.

– Ах ты, сука! Побежала жаловаться на меня! – и всей тушей набросилась на маму. Мать едва увернулась от этой массы. Тетка рухнула на ряд стульев, разметав их по кабинету, как спичечные коробки.

– Нет лучше зрелища, чем когда бабы дерутся, – спокойно произнес шеф и нажал «тревожную кнопку». У директора была такая тайная кнопка на случай нападения террористов или бандитов. Заставили всех начальников поставить эту самую «антитеррористическую защищенность».

Мама попыталась помочь лопушистой тетке подняться, обнаружила, что та рассекла при падении бровь. Мать испачкалась кровью и в ужасе отскочила.

– А-а-а!.. Боже мой, у неё рана, надо «скорую помощь»! – Тетка валялась на директорском полу и горько, по-девчачьи, плакала.

Мама снова попробовала помочь подняться своей коллеге, которой в этой жизни хуже, чем ей, потому что она с двумя совершеннолетними детьми.

Дверь директорского кабинета распахнулась, вбежали бравые ребята в полицейской форме, прибывшие по сигналу «тревожной кнопки».

– Что здесь произошло?

– Что, не видите! Обоих забрать! Бабы совсем охренело!..

– Так она сама... Вы же видели! – попыталась оправдаться мама.

Полицейские пытались оторвать от пола рыдающую лопушистую тетку.

– Этой нужна скорая помощь...

В это время в кабинет директора зашёл старший участковый и поздоровался за руку с шефом.

– Ну, у меня чулка на такие дела. Проезжал мимо, смотрю, наши ребята из отдела. Я за ними, а тут, оказывается, мои подопечные. Я свою забираю, ей не нужна скорая помощь.

«Своей» оказалась моя мама.

– Пройдемте, гражданка, – взял под руку маму старший участковый. – В отделе разберёмся...

– Э-э-э... А работать кто будет? – вдруг спохватился директор, но было поздно.

Уже в своем кабинете старший участковый собирался составлять протокол на маму – шелестел бланками, искал ручку. Это теперь был целый майор полиции, который начинал службу помощником участкового у нас в посёлке. Он когда-то раскрыл дело о хищении колхозных тёлочек скотником Кириллом, то есть моим дедом.

– До чего ж ты, Ирина, докатилась? – укорял он маму. – Видишь, тётку-то эту, коллегу твою, скорая помощь забрала. Вся в кровянке, да и на тебе кровь...

– Я не докатилась... Я вам сейчас объясню... Я запачкалась...

– Все в письменном виде. Пиши, как было, – сунул он какой-то бланк маме. Она впала в ступор и только плакала.

– Пиши, ты что, неграмотная? – прикрикнул участковый. – А ещё высшее образование имеешь!

Мама не могла унять слезы. Но не из-за тётки. Просто она вспомнила своего отца – моего деда Кирилла, значит. Она с ненавистью посмотрела на старшего участкового. Тот всё понял, потому что всё помнил...

– Ну, ты, Ирина, не слишком-то расстраивайся, – примиряюще сказал старший участковый. Потом добавил: – Зла не держи за отца своего, за Кирилла-скотника. Не моя вина в том, что он помер. Работа у меня такая. Понимаешь...

Полицейский долго молчал – думал, видимо, о том деле, когда на скотника Кирилла навесили чуть ли не полстада высокопородных тёлочек, которых, понятное дело, не нашли. Он и тогда знал, что это работа Трофимовича – зав МТФ. Да... Но скотник дуба дал – так случается. А Трофимович-то, прохиндей, так в итоге полколхоза и приватизировал... М-да... А его, сержантика, после этого дела повысили по службе – участковым поставили и звездочку младшего лейтенанта кинули. И фигурировал он во всех начальничьих докладах и рапортах как раскрывший крупную кражу.

А мама моя всё думала об отце – то есть о дедушке моём Кирилле. Хоть и простым скотником он был, а понимал, что дочке надо образование дать. Вот бы сейчас радовался, что она, Иринка, получила-таки институтский диплом. Пусть и заочно. Но с другой стороны, если бы она не ездила на эти бухкурсы, если бы в аварию не попала, может, был бы у неё второй сынок. Может, с Костей бы не разошлись. Но такая судьба. У мамы она, судьба, наверное, не когтистая тётка с указующим перстом. Но всё равно не жалуется.

Мамину задумчивость полицейский понял по-своему:

– Успокойся и поезжай домой, а протокол завтра допишем. Сделаем как надо, – бодренько так сказал участковый и засуетился: – Давай, я тебя отвезу, что ты будешь на маршрутке тащиться?

Мама хотела отказаться, но, когда встала, у неё начали подкашиваться ноги. Участковый это увидел:

– Я тебя отвезу, не стесняйся. Это мы без проблем. Что мы, не люди?

Мать тряслась в милицейском «уазике» и думала: «Это батя меня выручил. Уже нет в живых его 15 лет, а вот выручил. Ну надо же, забыла. Как раз завтра ему день рождения. В церковь сходить надо – помянуть отца».

Мама, которая не отличалась особой набожностью, ехала домой и улыбалась про себя: она четко понимала, что её оберегает кто-то свы-

ше. На работе, между тем, спешно оформляли приказ об увольнении сотрудницы-хулиганки «по собственному желанию». Даже юриста стороннего привлекли. «Зачем “пятно” на репутации предприятия? – здраво рассудил тот. – Да и место освобождается без сокращения». Директор с удовлетворением согласился.

4. Водка мамы, сирень Маришки, мои разборки с Амбалом

Милицейский «уазик» подкатил прямо к окнам нашего общежития и с визгом затормозил. Я, вернувшийся от дядьки Мишки-зоотехника, уставший и озабоченный, как раз шарил в холодильнике насчёт чего-нибудь погрызть. Глянул в окно и обомлел: менты! За мной? Так быстро? Ни фига себе! Ещё же ничего не произошло! Из «уазика»... вышла мама. Почему её привезла полиция? Почему она так рано с работы?

Хлопнула входная дверь, мать вошла.

– Ты почему не в школе?

– Я заболел, – сказал я почти правду, потому что чувствовал себя фигово – от усталости и от переживаний. Мать не стала ничего расспрашивать, а ушла в комнату и рухнула на постель, не раздеваясь. Я понял: что-то не так.

– Mam, что случилось? Почему так рано с работы? – в ответ молчание. – Mam, ты чего? – я потихоньку потряс ее за плечо. Она резко встала:

– Ничего... Уже ничего!.. Ни-че-го... ни-че-го... – механически повторяла она. Открыла холодильник, достала полбутылки водки, стоявшей с незапамятных времен, налила себе. Посмотрела сквозь меня. У неё были странные, как бы не видящие глаза – припухшие, заплаканные. Мать залпом выпила водку. Вообще-то, за ней этого не водилось, она не пьющая. Разве что иногда пиво.

– Не бойся, Константинович, мать твоя алкашкой не станет.

Я как раз этого забоялся, у нас в общаге со злоупотреблением у многих проблемы. Да и дед мой, говорят, был сильный любитель выпить. Опять же, батя... Ну, это не наша с мамой тема, надеюсь.

– Mam, ты чего? – по-другому я не мог сформулировать своего удивления.

– Я снимаю стресс... Меня увольняют... Меня в тюрьму сажают, – ответила она притворно пьяно. А может, и правда так быстро развезло. – Всё, оставь меня. – Она ушла в комнату, заперлась там и заплакала навзрыд.

Я остался на кухне и слушал через закрытую дверь ее рыдания. Слушал и переваривал: «...увольняют, в тюрьму сажают...».

Мне было невыносимо жалко маму, и батю было жалко. Я ведь и о нём всё время... он же в больнице, в реанимации. В итоге стало и себя жалко... Комок подкатил к горлу и слёзы сами потекли. Но я не плакал, слёзы – они сами... Нет, я не плакал. Мне уже 14 лет, я практически мужчина. Мягкое сердце пацану никак нельзя иметь. Мужчине плакать позорно.

Я сильно и надолго зажал глаза, стараясь не выпускать слёз. Уткнулся в ладони – пытался прекратить свою слезоточивость. Так и заснул за столом. Это я понял, когда мне стал сниться странный, но знако-

мый сон. Я взбираюсь по лестнице без перил. Внизу – папа, мама и я маленький.

Мать мне:

– Ой, осторожно!..

– Подожди, Кирилка, я сегодня же поставлю перила, – говорил снизу папа.

А на балконе (или на постаменте?) – Ленка. Я знал, что это сон, потому что и во сне думал: «Как это? Маму уволили, папа в реанимации, но в то же время – они вдруг внизу? И опять эта Звездная Звезда!»

Встал, умылся. Прислушался – мама тоже перестала плакать. Я осторожно приоткрыл дверь – она спала. Ну, хорошо, – подумал я.

Противно зазвонил мой сотовый. Я его не любил по многим причинам: на нём почти всегда не было денег, он был допотопным – кнопчным, а не сенсорным, как у всех, на него нельзя было закатать нормальные игры. Этого хватало, чтобы не любить мой телефон. Он и сам это понимал, потому редко звонил. А что ему звонить? Кто с заморышем хочет говорить? Я вот и сейчас удивился. Сначала попытался рассмотреть на маленьком, потрескавшемся экранчике номер. Ни фиги не было видно. Но отвечать надо – слишком настойчиво и противно верещал телефон – не разбудить бы мать.

– Алё, слушаю...

– Привет... Выйди, поговорить надо, – это был голос Маринки. Глянул в окно – никого.

– Ты, что ли, Маринка?

– Выходи, надо что-то важное сказать...

Когда я вышел во двор, из-за кустов сирени, которая только начала цвести, возникла Маринка.

– Привет, Кир...

– Привет... Чего надо?

– Тут такая тема, – начала она взволнованно, шепотом и как бы не на своем языке. – Я нечаянно подслушала... В общем, Амбал со своей кодлой сегодня ночью хочет у дядь Миши барана стащить. Это Ленка им шашлык заказала. На спор, что они для неё...

– У зоотехника, говоришь?

– Ну да...

– И что?

– А то, что они тебя подставят... Я все знаю, ты сегодня работал у дядь Миши и изнутри открыл сарай...

Я не стал расспрашивать Маринку о других подробностях, потому что и сам понимал – они, Амбал и его кодла, меня конкретно подставляют. А Маринка на меня так странно смотрела, у нее, оказывается, красивые глаза, как у моей мамы. Дурочка, влюбилась что ли, в меня? Мне стало как-то неловко, но и приятно... Наверное, не такой я уж и заморыш. Так, ладно, это всё лирика, розовый кисель. Что делать с открытым сараем на скотном дворе?

Маринка сорвала гроздь распускающейся сирени, нервно крутила веточку и всё смотрела на меня, странно так смотрела. Я старался на неё не обращать внимания. Тут что-то надо решать, а она... Вот именно, розовый, даже сиреневый кисель.

– Кир, давай пойдём до дядь Миши и всё скажем. По-честному...

– Что я, лох последний, что ли?

– Причём тут лох! Это Амбал тебя хочет подставить как последнего лоха. – Она была убедительна и даже, кажется, красива – вся, не только её глаза. Хотя какое мне дело до её красот?

Тут из-за угла дома появился рыжий Дениска с моим портфелем.

– Привет, что вы тут, любовь крутите?

– Фу, дурак! – фыркнула Маринка, развернулась и быстро пошла прочь.

– А фигурка у неё нормалёк, – оценил Дениска.

– Дэн, ты что несёшь!

– А что, ревнуешь? – Дениска задорно смеялся. – Да ладно, все знают, что она за тобой бежит.

Я хотел треснуть Дениса своим полупустым портфелем, но он, гад, увернулся.

– Ладно, ладно, успокойся... Амбал про тебя спрашивал, что-то они замышляют.

– Да знаю, что они замышляют. – Я вкратце рассказал Денису ситуацию.

– М-да... – только и сказал он.

– Короче, я иду к Амбалу, там разберёмся...

– С кем? С Амбалом? Ты разберёшься? – Денис глубоко усомнился.

– Посмотрим... Ты не вписывайся, но будь со мной рядом.

Я подумал о маме, которая выпила водки, про отца, который после аварии весь в гипсе. А тут ещё Амбал. Короче, везде засада ☹

5. Как я мутузил Амбала на глазах у Ленки и его коды

Уже совсем стемнело. На меня навалилась усталость, как будто сам Амбал придавил своей тушей. Слишком много за один день событий: «авгиевы конюшни» у дядьки Мишки, мамины непонятки с работой и полицией, появление Маринки с сиренью. Теперь вот рыжий Денис как свидетель моего будущего позора.

Я, дурак, ляпнул про разборки с Амбалом, хотя и сам не знал, как это будет выглядеть. Понятно, что если сойтись с ним один на один, он меня отмутузит по полной программе. Не пойти к Амбалу? Конечно, Денис поймёт правильно. У меня прямо на поверхности души ворочался страх наподобие бородавчатой лягушки. Фу-у-у...

Я напряг свою волю, которая так и оставалась типа бомжа-бурлака в стиле фэнтези. Но у меня сжались кулаки, и где-то внутри встрепенулась мощная птица под названием смелость. Она, моя смелость, была похожа на орла. Ну что я напридумывал? Страх в виде лягушки, смелость – орел... Полная белиберда. А почему орлы лягушек не едят? «Так! Характер бойцовский надо формировать», – внушал я себе.

– Кирюха, ты что, загрузился? – это рыжий меня окликнул. – Давай, не пойдем, ну его нафиг, этого Амбала.

– Я вот тоже думаю... Сегодня так у зоотехника навкалывался, сил нет, – готовил я себе отступление. – Да и мать... Как там она?

– А что с ней?

– Да есть проблемы... – Я не стал Денису говорить про то, что мама выпила водки, про участкового. – Короче, Дэн, подожди меня, портфель отнесу.

Я вошёл в подъезд, поднялся на ступеньки и приоткрыл дверь нашей квартиры. Оттуда слышалась любимая мамина песня:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься...

Мать прервалась:

– Это ты, Кирилл?

– Да мам, я...

– Что ты там гремишь?

– Да у Дениса велосипед сломался, ключи ищу.

У нас на шкафу в прихожке был ящик, где хранился разнокалиберный инструмент: молоток, щипцы, ключи и прочие железки. Я, честно говоря, искал не ключи для велосипеда, а что-нибудь поувесистее, чтобы долбануть Амбалу по мозгам. Разводной ключ взять, что ли? Или молоток? Нет, так можно Амбала и убить. Я окинул глазами кухню. О!.. Скалка, которой мама иногда раскатывала тесто для пирожков и вареников. Вспомнил про её знатные пирожки с капустой, и захотелось хавать. Пошарил по холодильнику – ничего, кроме майонеза. С хлебом пойдет. Густо намазал ломоть, взял скалку. Она удобно легла мне в руку.

Вышел на улицу.

– Будешь? – спросил у Дениса и протянул ему хлеб с майонезом.

– Ешь сам, тебе силы нужны, – он рассуждал правильно.

– Это что? – спросил Дэн про скалку.

– Оружие пролетариата. – Денис понял.

Я знал, где может сейчас находиться Амбал со своей кодлой – в школьной котельной, которая разместилась в полуподвале. Отопительный сезон закончился, но у них откуда-то ключи от котельной.

Подшли. Из котельной доносился ржач. Кажется, и девчачий визг.

Всю дорогу я обдумывал, что скажу Амбалу и что с ним сделаю. Во-первых, скажу, что я ни глист и ни заморыш. Во-вторых, что я ему ничего не должен – ни одной сигареты, ни полспички. В-третьих, звездану скалкой по голове! Не в висок, конечно. Не дай бог убить. А прямо по кумполу, чтоб отрубился!

Мы с рыжим Денисом спустились вниз по ступенькам. Прислушались... Амбал, конечно, был здесь! Там живо обсуждали шашлыки из баранины.

Амбал раскинулся в допотопном кресле в профиль к входу, потому нас не увидел. По кругу – его кодла, человек пять-шесть, среди них детдомовские пацаны. М-да! Я не имел никаких шансов... Мне захотелось сквозануть отсюда, но... встретился глазами с Ленкой! Она – здесь? Ничего себе! Звёздная Звезда причудливо взгромоздилась на широком подоконнике. Над всеми – как всегда, на высоте, на пьедестале...

– Оба-на! Иди-сюда-стой-там! – Это Хлюст увидел меня.

– Пошли отсюда, – шепнул мне Денис, стоявший рядом. Честно говоря, я хотел этого, и даже ждал от рыжего таких слов. Но тут Амбал лениво повернулся в мою сторону:

– Ну, ты, глист, тебя кто сюда звал? Что надо?

– Никто не звал, сам пришёл, нужно поговорить, – выдавил я из себя, перебарывая мандраж. Правой рукой под мышкой нащупал скалку, это чуть успокоило.

– Ты, наверное, хочешь рассказать, что сарай у дядьки Мишки оставил открытым, – Амбал нагло ухмылялся. – Ну ладно, будем считать, что пачку сигарет ты отработал...

Моя решительность окончательно улетучивалась – я забыл домашнюю заготовку: про то, что я ни глист и ни заморыш. Но я все же помнил, что должен звездануть Амбала скалкой по голове. Лишь бы не в висок! По кумполу – и отрубить его...

– Кирюха тоже хочет шашлычка, – подала голос со своего возвышенного подоконника Ленка.

– Хавку надо заслужить. Если Хлюст возьмёт его с собой, может, свою косточку и получит, – сказал Амбал под недружный хохоток своей кодлы.

То, что пацаны смеялись не особо дружно, меня немного успокоило. Не все, видно, здесь так уж безоговорочно поддерживают Амбала. Это был толчок к действию! А ещё – Звёздная Звезда! Я, может, для неё ореховую аллею посадить хочу, а она... Пусть посмотрит, как я сейчас урою Амбала! Конечно, это не по-честному – я со скалкой, а он с голыми руками, сидит, расслабился. «По-честному, не по-честному...» – это было похоже на отговорки.

Я выхватил скалку и слёту врезал Амбалу! Он, скотина, успел отвернуться, и удар прошёлся вскользь. Амбал вскочил, ошарашенный. Я продолжал колотить его скалкой, видно, удары мои не сильно достигали цели – всё по рукам, по плечам. Амбал начал хаотично отмахиваться и кричать:

– Мочи его, глиста! Что стоите, козлы...

– Пусть один на один, один на один! – Рыжий Денис тоже кричал, расставляя руки и как бы удерживая пацанов. Те, впрочем, только расступились, а Ленка с пьедестала визжала, поджав ноги:

– Хватит, хватит!..

Здоровяк Амбал все же сильно зацепил меня своим огромным кулаком. Я отлетел прямо на ящик с песком под противопожарный щит. В ушах звенело, перед глазами плыли радужные круги. Из носа хлынула кровянка. Уже мало что соображая, я швырнул горсть песка в лицо Амбалу, наседавшему на меня.

– А-а-а... Тварь... Глаза мои, – завопил Амбал, закрывшись ладонями.

– Мочи Амбала!.. – кто-то крикнул мне.

У меня не было сил. Скалка валялась поодаль. Я устало пнул Амбала ногой. Он неожиданно скрючился и свалился, продолжая кричать:

– А-а-а!.. Глаза мои!..

6. Спасительница Маришка привела на разборки грузчика, в итоге – боевая ничья

Ошарашенная Звёздная Звезда Ленка, поджавшая ноги на подоконнике, вдруг крикнула:

– Атас, кто-то идёт! – из полуподвального окна она увидела, как промелькнули чьи-то ноги.

Но было поздно. На пороге появился дядька Сергей – бывший грузчик из «Гипермаркета».

– Эй, шелупонь, вы что тут беспредел творите?! – рявкнул он со ступеней.

– Кирюха, рвём когти, – дёрнул меня за рукав Дэн.
– А-а-а... Кто тут? – орал Амбал. – А-а-а, мои глаза... Воды, твари, дайте!..

Уволенный грузчик подрабатывал сторожем в школе и знал, где находится кран с водой.

– Кирюха, валим отсюда, – тащил меня Денис. Я не мог идти: сопатка разбита, глаз заплаыл, внутри всё нестерпимо болело так, что хотелось плакать. Но мужчины не плачут...

– Я тебя, щенок, урою... Я тебя размажу!.. – Это орал Амбал, который кое-как промыл свои глаза. Осознание того, что он сейчас действительно может урыть и размазать, придало мне сил – я вроде даже побежал по ступенькам, поддерживаемый Денисом. Мимо нас шмыгнула Ленка...

Чуть поодаль от школьной котельной за деревьями стояла Маришка – всё ещё с дурацкой веточкой сирени.

– Кир, что с тобой... Ой, ужас! – испугалась она. – Пошли к нам... Теть Галя моя медсестра все-таки...

«Нет, эта девчонка – не мышка-норушка, определенно», – подумал я.

– А ты откуда знала, что мы здесь? – спросил Денис Маришку.

– Что, у меня глаз и ушей нет? – фыркнула она. – Я и дядь Сергея сюда прислала. Он был у теть Гали, у них же отношения...

– Спасительница! – как-то неопределенно сказал Денис. Я в их диалог не вмешивался, сил едва хватало тащить ноги.

– Да, спасительница... Амбал и его кодла могли бы Кира убить! – горячилась Маришка.

– Между прочим, никто и не вписался за Амбала. Все стояли и смотрели, как Кир его звезданул по башке, – отметил довольный Дениска.

– А эта ... королевишна, Ленка, тоже там была, да? – спросила с явным осуждением в голосе Маришка.

– Была, – как-то нехотя ответил Денис.

...Мы зашли к Маришке, которая жила в частном секторе недалеко от школы. Возле колодца я немного отмылся. Маришка и Денис помогали.

На шум у своего колодца вышла из дома тётя Галя:

– Батюшки!.. – всплеснула она руками. – Что случилось?

– С лестницы упал, – промямлил я, перед глазами поплыли круги. Я рухнул без сознания. В другой реальности явственно увидел лестницу – ту самую, которую делал мой отец, и на которую я во сне поднимался.

– Кирилл, смелее! Видишь, я сделал перила! – сказал отец и я шагнул на эту лестницу.

Как потом оказалось, меня уложили у тёти Гали – прямо во дворе под навесом. Позвонили маме, та молниеносно прибежала.

– Надо скорую и полицию вызвать, – сказала тётя Галя.

– Может, полицию не надо? – засомневалась мама, вспомнив свои сегодняшние события на работе и разговор с участковым.

– Как не надо? Её сына искалечили, а она – «не надо»! – возмутилась тётя Галя.

Появившийся тут же дядька Сергей отрезал:

– Ментов – не вызывать. Пацаны сами разберутся.

Все согласились. Скорая помощь приехала достаточно быстро. Молодой фельдшер бегло осмотрел меня, перебрасываясь медицинскими фразами с тётей Галей:

– Гематома, ссадина... Повреждения носа нет, – как-то весело рассказывал о моих «трофеях» фельдшер. – Ничего смертельного. Понятно, пацанские драки. Он худой, но жилистый. До свадьбы заживет.

Мне это понравилось – худой и жилистый, как про батю... Ну, и про свадьбу тоже.

Только уехала скорая помощь, тут же подрулил старший участковый, хотя никто его и не вызывал:

– Ну и семейка! Вроде, тихие-тихие, а две драки за один день учинили, – устало констатировал полицейский.

Тётя Галя, не знавшая о маминых приключениях на работе, вступилась за нас:

– Нормальная семейка! Только неполная...

– Вот и я о том же. Была бы полная, проблем меньше было бы. Безотцовщина...

– А вы лучше следите, чтоб отцы-беглецы алименты платили!

– Это не по адресу. Есть суды, есть судебные приставы, – спокойно разъяснил участковый и обратился ко мне: – Так, сегодня ты рассказать что-либо не в состоянии, – вздохнул он. – Давай завтра. Жду тебя в опорном пункте... С мамашей.

– А протокол составлять будете? – вмешалась тётя Галя.

– Разберёмся...

– Они бы сами разобрались, командир, – вмешался стоявший в стороне дядька Сергей. – Делов-то, пацаны подрались. Тем более – боевая ничья.

Старший участковый вопросительно посмотрел на бывшего грузчика:

– Если есть что-то заявить по существу, завтра в опорный пункт...

– Нет уж, без меня, – дядька Сергей выкинул перед собой ладони, как бы защищаясь.

– Вот и я так думаю, что лучше без тебя, – заключил участковый.

– Серёжа, пойдем, – сказала тётя Галя и увела грузчика в дом.

Мы тоже вышли из двора тёти Гали.

Маришка, провожая нас за калитку, по-серьёзному, не так, как в дурацкой рекламе, сказала:

– Всё будет хорошо!

Дениска, который всё это время не отходил от меня, как бы невпопад ответил:

– Ну, Амбал обломался с шашлыками...

– Да, точно, облом у них, – согласился я и спохватился, как бы мама ничего не стала расспрашивать. Но она, видно, не обратила внимания на несостоявшийся шашлык – не в теме была. А то бы ещё и ей всё объяснять. Хорошо, что не спрашивает, почему я в котельной оказался. Надо что-то придумать правдоподобное.

Дома мать меня осмотрела и успокаивающе сказала:

– Мужчину синяки украшают...

– Мам, мужчину шрамы украшают!

– Ну да... И синяки тоже, – улыбнулась она через силу. – Фингал, конечно, у тебя завтра будет знатный. Как в школу-то пойдешь, что Наталья Анатольевна скажешь?

– Утро вечера мудренее, – сказал я ей и сам удивился свое мудрости. Расспрашивать меня, что я делал в котельной, мама не стала. Ну, вдруг спросит, наплету ей что-нибудь про «зашёл воды попить».

Всё, спать! Я провалился в сон. Невероятно, но мне снова снилось: я поднимаюсь по лестнице, теперь уже с перилами. Внизу мама с папой. И, как мне показалось, Маришка рядом с ними – с дурацкой сиренью в руках. Странно...

– Сын, как перила? – спросил отец.

– Нормальные, – ответил я.

В этот раз на пьедестале Ленку не видел, да и вообще никакого балкона-пьедестала не помню... Куда я взбирался, сам не понял – не в небо же?

7. Я сам начал верить, что Амбала отмочил – трудная победа за мной

Утром в школу не пошёл. Нас же с мамой вызвал участковый. Отправились в опорный пункт полиции, я – в тёмных очках. Там уже сидели: Амбал, Хлюст, кто-то из детдомовских пацанов с воспитательницей – Денискиной матерью и... Ленка. Тут же был её отец.

Участковый сразу отпустил детдомовских:

– Я с вами отдельно проведу профилактическую работу.

– Ой, спасибо, – сказала Денискина мать. – У нас работает кабинет профилактики. Мы вас ждём, товарищ майор!

Денискина мать поспешила вытолкать из кабинета своих детдомовских воспитанников.

– Ну да! В детдоме меня особенно ждут, – сказал с сарказмом участковый и обратился к нам: – Ну, что, хулиганье, скажете?

Никто ничего не хотел говорить, все завидовали детдомовским, которые так просто отделались. Амбал, понимая, что от него ждут первого слова, сказал:

– Да всё нормально, претензий не имеем.

– Претензии я к тебе имею, – сказал полицейский.

Он нас долго отчитывал. Говорил про вредность курения, про коварство «лирики», про... шашлык из ворованной баранины.

Мама, к счастью, не поняла, о чём речь.

Потом в дверь заглянула тётя Валя – администраторша с автомойки, мать Амбала и Хлюста.

– Валентина, я же тебе сказал, сам разберусь, – сурово произнёс Завмаг. – Иди, работай...

– Пусть послушает, раз пришла, – сказал участковый.

– Товарищ майор, – с чувством обратился Завмаг к участковому. – Может, дети подождут за дверями, а мы тут по-взрослому?

– Ну да, дети... – с недоброй улыбкой посмотрел на нас участковый. – Ладно, марш за дверь, – скомандовал он нам.

Мы гурьбой вывалили в коридор. О чём говорили взрослые, не было слышно. Хлюст прильнул ухом к двери.

– Ну что там? – с деланным равнодушием спросил Амбал. Хлюст только прижал палец к губам: – Тс-с....

– Короче, я уже сказал, что претензий не имею, – обратился Амбал ко мне. – А ты, заморыш?

– Тоже не имею, – с удовлетворением ответил я, стараясь глядеть прямо в красные глаза Амбала. Убедившись в наличии приличного сияния и на его физиономии, добавил: – Но я не заморыш...

– Что-то ты раздухарился, – с тихой угрозой произнес Амбал. – Ты вчера поступил не по-пацански, понял?

– Понял, – я краем глаза видел Ленку, это мне придало сил. – Но на «понял» меня не бери.

– Да ты не понтуйся перед Ленкой, – засмеялся Амбал. – Она же знает кто есть кто...

Распахнулась дверь кабинета участкового:

– Быстро заходите, – тётя Валя смешно замахала ластами рук.

– Так! Я тут с вашими родителями поговорил. Мне их жалко по-человечески. И вам не хочется портить жизнь, – участковый медленно обвёл взглядом нашу ватагу. – Но некоторые по-человечески не понимают.

Из-за стола грузно встал Завмаг:

– Вас, сопляков, товарищ майор, можно сказать, от тюрьмы спасает, а вы не понимаете.

Он долго читал нотации: про тяготы жизни (и смотрел на меня), про зловредную «лирику» (и смотрел на Амбала), про то, как трудно родителям добывать хлеб насущный (и смотрел на свою дочку). Потом почему-то перешёл на товарно-денежные отношения, низкую платежеспособность населения, маркетинг. Словечек всяких наговорил – фиг поймёшь. Сказал, что сейчас такое время, когда человек человеку – волк.

– А вы друг другу не должны быть волками погаными. Жизнь и без того на вас таких зверей напустит, что мама не горюй! – И завершил тем, чем начал: – Товарищ майор, вас, считай, из тюрьмы вытащил. Должны понимать это...

– Задача участкового – не сажать в тюрьму, а оберегать от неё! – пафосно сказал майор.

Короче, нас отпустили. Звёздная Звезда стремглав побежала в школу – от отца подальше. Амбала и Хлюста тётя Валя по очереди бес- сильно колотила кулаком по спине: «Мучители... Мучители!..» Они удалились. Моя мама окинула меня любящим взглядом: «Мужчина!» Мне было приятно слышать. Я ещё вспомнил, как мама называла меня «кормилец». Я расцвёл!

– Ирина, вот опять ты поощряешь раздолбайство своего сына, – сказал Завмаг, но потом добавил: – Хотя, конечно, орёл! Пойти против Амбала, хоть и с дубиной?!

– Не с дубиной, а только со скалкой, – уточнил я. У меня душа пела – орёл, в виде смелости, распирал мне крыльями грудную клетку.

– Ирина, – окликнул мою маму майор, выглянув из кабинета. – Зайди, надо порешать ещё одну задачу.

Мама вернулась в кабинет участкового, а Завмаг продолжал:

– Бывало, нас с твоим батей тоже целая кодла метелила. Мы ж с ним одноклассниками были, я говорил: тощий и толстый, – он осекся. – Короче, за одного битого двух небитых дают. Как он там, батя твой?

– Не знаю, не звонил, – признался я. У меня, как всегда, не было на телефоне денег. К тому же, если отец в реанимации, кто ответит?

Завмаг набрал батин номер:

– Здравствуйте... Это номер Константина? Как он там? Кто я ему? Я его родственник, – преувеличил Завмаг, мне это понравилось.

– Выписали из реанимации, говорите? Нужен уход? Понятно...

Как раз вышла мама.

– Ну что он там ещё? – спросил её Завмаг, кивая на кабинет участкового.

– Всё нормально, – улыбнулась мать. – Дедушка Кирилл помог.

– В каком смысле дедушка Кирилл? – удивился я. – Он же давно умер.

– Вот так и помог... Участкового совесть замучила. Признал, что несправедливо на папку моего навесили «хищение в крупных размерах». Вот сердце дедушки твоего и не выдержало такой несправедливости.

– Слышал об этом случае, – сказал Артем Артёмович. – Загнали в гроб мужика, царство ему небесное!..

– В воскресенье, кстати, у дедушки нашего день рождения, – сказала мама. – Надо сходить в церковь, помянуть...

За матерью, я знаю, сильной набожности не замечалось. А тут...

Мама поехала на маршрутке в ПТО увольняться. Я поковылял домой. Не в школу же с такой физиономией?!

– Кир! – Я обернулся: меня догоняла Маришка. – Привет.

– Привет.

– Ну что там? – она кивнула в сторону опорного пункта полиции.

– Нормально. А ты что не в школе?

– Сейчас же большая перемена. Вот, прибежала к тебе, – радостно сказала Маришка. – Там вся школа жужжит про тебя и Амбала. Как ты его отмочил.

– Да ладно...

– Ну, я побежала, – она сорвала веточку вездесущей сирени и помчалась в сторону школы, смешно запрокинув набок голову.

– Дура какая-то, – посмотрел я ей вслед и чего-то заулыбался. Разбитые губы мешали улыбке, но я весело пошагал домой.

Зазвонил телефон. Это был рыжий Дениска.

– Кир, привет!

– Привет, Дэн!

– Ну, ты как?

– Нормалёк!

– Слушай, тут вся школа в шоке! Все перетирают, как ты Амбала мочил.

– Да ладно, Дэн... Ты-то видел, как это было.

– Да круто было! Ты вообще герой. Ну, пока!..

– Пока...

Я, кажется, загордился. Интересно, как там Ленка? Наверное, про макаронины мои уже не рассказывает! Я и сам начал верить, что действительно отмочил Амбала. Может, я буду офицером спецназа!

8. Как мы с Денисом внесли свою лепту

В воскресенье хотелось поспать. Но мама разбудила.

– Константинович, мы же в церковь сегодня.

– Мам, ну это без меня...

– Как без тебя? У дедушки Кирилла ведь день рождения, я ж говорила...

– Да не по кайфу как-то с синяком...

– И мне неудобно, – призналась мама. – А вдвоем – нормально. Очки черные наденешь.

Церковь в нашем поселке Лесостепном, который «ни к селу ни к городу», начали строить лет несколько назад. Я видел ее изда- лека. До купола строительство ещё не дошло. Но службу там уже проводили.

Мама накинула легкий платок и мне показалась такой необычно красивой – прямо мадонна какая-то. Я аж загордился ею.

– Мам, ну ты у меня красавица!..

– Да брось ты... Придумал. Лучше перекрестись, – и сама неумело это сделала. У меня и вовсе не получилось – как-то не по кайфу.

Во дворе на подмостях и весь в лесах стоял каркас купола. Ма- стера еще не все золочёные пластины прикрепили. Сегодня они не работали.

– Красиво... – с благоговением сказала мама.

– Да, классно, – согласился я.

Служба в недостроенной церкви шла в подвале. Сошли по ступе- ням вниз. Там был полумрак и не так, чтобы красиво. Подвал же... Поп (ну или батюшка, как там правильно?) был молодой и здоровый. Говорят, он служил в горячих точках. Народу немного – старушки в основном.

И мы с мамой.

Священник мощным голосом читал молитву. Я вслушивался, но ни- чего не соображал. Глянул на маму – она буквально внимала... Ну лад- но, это для неё, значит, нужно. Да и деда Кирилла, главное, помянуть. Пусть...

Ко мне подошла какая-то старушка и потихоньку тронула за плечо:

– Сними черные очки, – шепотом сказала она, – грех.

– Мне нельзя, у меня травма.

– Вижу, какая травма...

На наш шёпот начали оборачиваться люди. Упс... Среди них я уви- дел классную – биологичку Наталью Анатольевну. Ничего себе! В платке её трудно было узнать. Или мне показалось? Я быстро вы- скользнул из церкви.

Во дворе увидел... рыжего Дениску.

– О, Дэн... Привет. Ты что тут делаешь?

– Да ёлочки поливаю. Дед весной приезжал из Соликамска, привёз, посадил. Елочки с Белой горы, Уральского Афона.

– А что такое Уральский Афон?

– Ну, монастырь там, под Пермью, Белогорский. Святое место...

– Дэн, и ты во всю эту лабуду веришь? Святое место и всё такое?..

– Ну... – Дениска неопределенно пожал плечами, – Я тут ёлочки поливаю. Говорю же, дед мой попросил. – Рыжий, кажется, смутился и обиделся.

– А это где – Соликамск?

– В Пермском крае. Дед там живет, он шахтером был, сейчас на пен- сии. Приезжает к нам каждый год. Вот привёз елочки.

Ну да, отец тоже хотел в Соликамск – шахтером, как Денискин дед. Но по здоровью осел в Перми.

– Так они же, елочки-то, засохнут. У нас такая жарюка.

– Не засохнут. Дед сказал – со святых мест. Просто надо поливать постоянно, – рыжий хмурился и явно не хотел говорить об этом.

Я поспешил замять тему и переключился:

- Так что, ты говоришь, там, в школе?
- Да я тебе ж рассказывал. Все в шоке, что ты Амбала отметелил!..
- Эй, пацаны! – донеслось откуда-то сверху. – Поднимайтесь сюда...

На верхотуре, на недостроенной колокольне стоял мужик с мастерском в руках.

– А... Это дед Геннадий... Он тут все время работает, – пояснил рыжий.

Мы с Денисом поднялись. Я насчитал сорок ступенек – трудно! Забрался, огляделся. У-у-у, кайф! Наш поселок Лесостепной был виден как на ладони. Вон наше общежитие проглядывает сквозь деревья, огороды и сады частных зеленеют, и крыши, крыши... На окраине поселка маленький ремзавод торчит ржавыми трубами – давно не работает. Поля примыкают к поселку – бывшие колхозные, а сейчас арендаторские. Но зеленые... Им, полям, наверное, все равно – колхозные они или арендаторские. Тракторишко какой-то там снует.

У меня аж голова закружилась, как от пива. Вспомнилось «пьянство» своё, надо же, в таком месте. Или, может, потому что утром не поел нормально – поэтому головокружение?

– Ну, пацаны, – обратился к нам дед Геннадий, – вы даже не представляете, какое богоугодное дело сейчас будете делать.

– А что нужно-то? – спросил рыжий.

– Надо мне кирпичи подавать... Видите, они закончились, а я один. А как одному кладку вести?

Если честно, работать не особо хотелось, да и тело у меня всё болело от вчерашних разборок с Амбалом и от «авгиевых конюшен» дядьки Мишки.

– А в воскресенье грех работать, – я вспомнил, что мамина подруга всезнающая тётя Галя говорила ей, что стирать в этот день нельзя.

– Если трудишься во имя господа Бога, то можно и нужно, – сказал дед Геннадий. – Так мы только укрепляем связь с Творцом.

Он говорил как-то возвышенно, витиевато и не очень понятно, даже неудобняк было слушать. Но мне понравилось, что дед Геннадий ничего не сказал про очки и про фингал, который, конечно, трудно было скрыть.

Мы с Денисом начали подавать кирпичи на строительные подмости деду Геннадию.

– Наденьте перчатки, – сказал дед.

– Мы что, белоручки какие-то?..

– Это техника безопасности, – строго сказал дед Геннадий.

– Он настоящий инженер-строитель, – как бы оправдал его Дениска.

– Моя мама тоже инженер, между прочим.

– Да знаю... Ты сто раз уже говорил... Инженер, не миллионер, – гикнул Денис.

Работали, наверное, час-полтора. Руки гудели от напряжения, спину – ломило. Я очень устал. Конечно, вчерашняя пахота у зоотехника, махаловка с Амбалом, а тут ещё сегодня – кирпичи... Да и Денис тоже уже с трудом управлялся.

– Давайте, пацаны, – подбадривал дедок. – Ещё немного. Вот так каждый вносит свою лепту.

– А можно, мы сами хоть по кирпичу положим? – попросил Дениска.

– Конечно, – улыбнулся дед Геннадий. – Мои почетные подсобные рабочие...

Мы с рыжим уложили по несколько кирпичей. Это со стороны кажется, что легко делать кладку стены. А мы по шнуру кирпичи укладывали и то немного накосячили. Дед Геннадий поправил.

– Вот так! Ну, вы свою лепту внесли. Богоугодное дело сделали. Идите, пацаны, теперь я сам справлюсь, – и отпустил нас.

Как раз из церкви выходили люди. Среди них наша классная – биологичка. М-да... Я, оказывается, не ошибся. Мамы почему-то не было...

Мы спустились по гулким ступенькам, смотрели с Дениской снизу вверх, пытались найти в стене будущей колокольни свои кирпичики. Дед Геннадий помахал нам сверху мастерком.

Окончание следует

Юрий ТАТАРЕНКО

Родился в Новосибирске в 1973 году. Работает журналистом. Поэт, автор шести книг стихов. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», в «Литературной газете». Победитель Международного фестиваля поэзии (Симферополь, 2012).

Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

В НЕБО ЛЕСТНИЦА МОЯ

* * *

Ни страна, ни погост, ни развилка,
Ни весенний овраг за домами,
Ни венок, ни стакан, ни бутылка –
Мне ничто не напомнит о маме.

Ни мальчишка, слезающий с вишни,
Ни старушка в цветастой панаме,
Ни пыхтящий под штангой гаишник –
Мне никто не расскажет о маме.

Ни в церквущечке под образами,
Ни в зимовье над берегом Маны,
Ни в рыдающем зрительном зале –
Я нигде не заплачу без мамы.

Никакая нечистая сила,
Ни снега, ни дожди, ни туманы,
Ни вердикт воронья над могилой
Не отнимут ребенка у мамы.

Облака проплывают в обнимку...
Всё отдам, не жалея нимало,
Чтоб на миг оказаться на снимке,
Где берёзы, скамейка – и мама.

После дождя

Август... Золотом тронет виски
У берёзенок простоволосых.
Обопрутся юнцы-стебельки
На грибной лакированный посох.
Равнодушный к таким чудесам,
С первобытным остервененьем
Тренируется в рощах десант
Наносить ножевые раненья.
Сплюнет маршал зачисток, восход, –
Превратятся сверчки в истуканов
И протрёт ветерок небосвод
Плохо выжатой марлей тумана.
Стрекозе поднимать на крыло
Уцелевших во влажной уборке...
Как же белым под шляпки взбрело
Прыгнуть именно в наши ведёрки?

Уроки жизни

Это платье о том, как выжить
После громкого расставанья,
Эта водка о том, как выжать
Из бесцветности ликование,
Эти буквы – инициалы
Терпеливых и твёрдых духом...
Идеалы – на пьедесталы,
Слюни, сопли и слёзы – мухам.
Этот месяц о том, как страшно
В темноте над обрывом звёздным,
Все рассветы – о том, как странно
Облаков кровоточат дёсны,
Эта песня о том, как ноты
Разлетелись по белу свету...
А исчерканные блокноты
На растопку отдам соседу.

Ильин день

Субботный день на привокзальной площади.
Мороженое, выпечка, пиво.
В наушниках гремит костями «Продиджи».
«Москва – Хабаровск» где-то далеко.

Девушка с чемоданом на колёсиках.
Нетрезвый тип с малиной в туеске.
Простите мне, щановны китаёзики,
Что я пишу на русском языке!

«Кому беляш? – Недорого и вкусненько!»
Разинутые рты у кошельков.
Пустое лето. Дивная акустика.
И слёзы на глазах у облаков.

Хорошо забытое старое

Стульность стола измеряется в сломанных ножках.
Стильность стекла – это трещин вживляемых сеть.
Лук не хранится в колготках, чулках и лукошках.
Русью беременна в поле чудес карусель.

В купленной «Ауди» самое ценное – выхлоп
(После того, как с капота отклеен штрихкод).
Если в Кремле появляется плата за выход –
Значит, царю недостаточно платы за вход.

С мятой купюрой утюг разберётся по-свойски.
Пятна мундира скрывают шинель и тулуп.
Если завёлся вдруг обокралиссимус в войске –
Ждите расцвета поэзии в тюрьмах в тылу.

Если цена на серебряный «паркер» взлетела –
Спрос упадёт на обычные карандаши...
Вспомним ли случай, когда заведённое дело
Кончилось дырочкой в правом виске у правши?

Бюджетная Россия

...И вот уже Гамлет родным не опасен:
Он вырос на песнях блатных.
Раздумья в глубоком культурном запасе
И в шопинге – смысл выходных.

Трёхдневной нетрезвостью не козыряют
На кассе у входа в музей...
Пока человеческий облик клячем –
Находимся в стаде друзей.

И саунинг с бухлингом русскую душу
От пушкинга уберегут,
Пустые бутылки бомжи обнаружат
На чёрном речном берегу.

Край неба закатного нежно подоткнут
И к прошлому нервно пришит.
Плачу подходящий, пока не подохну
В своей алкогольной глуши!

Рифмуются: точка со знаком вопроса,
Со знаком вниманья – постель...
Под карканье стаи ворон-альбиносов
Отмучился век скоростей.

Правительственная трасса

Здесь мчатся исключительно по встречной –
Ведь так видней со стразами рессоры!
Рябиновый, медовый, огуречный –
Здесь голубых кровей и светофоры!
Плодов от древа роскоши вкусили:
Любой каприз под роспись – это круто!
И лишь квартиры с видом на Россию
Не строят на Рублёвке почему-то...

За околицей

Облака в закатных блёстках.
Стихли вопли пацанов.
В чистом во поле берёзка –
Как закладка в книге снов.

Одинокая берёзка –
Поля светлая печаль.
За свои пять лет Бориска
Белоствольней не встречал!

В жарких сумерках берёзка
С умным видом шелестит:
«Ласкам не хватает лоска...
Пастухи придут к шести...»

За телегою повозка
Прячется в туман густой.
Деревенская берёзка
Одарила берестой.

Красноглазым перекрёсткам
В дар – железные моря...
Одинокая берёзка –
В небо
Лестница
Моя.

* * *

Остановились часы
Времени нет
Их починить

* * *

Тихая улыбка –
Это
На всю смерть

* * *

Небо ночное – чёрная лужа,
Куда телебашня
Нырять вниз головой.

* * *

Я журналист
Я не зеркало – а витрина
Так брось в меня камень

* * *

Включил телевизор
С экрана несут и несут
Труд моего врага

* * *

Голым купаюсь –
Жуткое зрелище
Для неокрепших медуз

Татьяна СТОЯНОВА

Родилась в 1990 году в Кишиневе. Училась в Московском государственном университете печати. Участница студии литературного творчества «Я и все» под руководством В.Д. Майорова.

Публиковалась в журнале «Наше поколение», альманахе «Я и все», в «Литературной газете». Живет в Москве.

Я – ПРИРОДА. ОН БЫЛ – ЧЕЛОВЕКОМ...

В поезде

Внизу ребёнок кашлял под окном.
 На верхней полке я полудремала.
 И вспомнились слова вдруг перед сном:
 «Тебе меня когда-то станет мало».
 Надсадный кашель воздух сотрясал.
 Холодный ветер из окна сочился,
 Как молоко. Мой плед не грел, стал мал.
 Откинув простыню, малыш раскрылся.
 И мать его всем телом обняла,
 Ругая ветер, поезд, проводницу.
 В ту ночь мне стала жизнь моя мала.
 Всё, что смогла я: не родить – родиться.

Окно

Заря занималась в бокале, на голом стекле.
 Горячие простыни были ладони белей.
 Спал город. Уставший космос во сне стонал.
 Земля изнутри светилась, как чёрный опал.
 А я, просыпаясь, металась и, простыни растерзав,
 Очнулась возле кровати. Без платья, закона, прав.
 И влажное полотенце у ног лежало твоё.
 На нем примостилось бесстыдно моё бельё.
 И пальцы сжимали до боли шершавый ворс.
 Настанет ли день? Ты солнце с собой унёс.
 Я вспрыгнула на подоконник – во весь рост –
 Вглядеться в застывший космос, паденье звёзд.
 Окно, закрипев, осипло: ты, уходя, отворил.
 Не знаю, как отпустила. Мне еле хватило сил.

Матрёшка

Я Матерь. И в чреве моём живут
Небесные переселенцы.
Матрёшкой я высвобожу из пут
Древесных потёмков – младенцев.
Я плачу над теми, кто жив во мне
Сумятицей снов и стенаний:
Как рожь, перезревшая в зной в гумне,
Как песнь в безголосой гортани,
Как стих, заплутавший в лесу-быту,
Кричат нерождённые дети,
Я семенем жизни весной взойду,
И вновь отберу их у смерти.

Сон

Как научиться без тебя дышать
И вырвать из груди воронку?
Вчера привиделось во сне: я мать
Зачатого тобой ребёнка.
Ты улыбаясь, шепчешь: «Будет дочь».
Живот целуешь. Заливаюсь плачем.
Ведь в новый день опять качнется ночь –
Там для тебя я ничего не значу.

Природа

Он сказал мне: «А ты, как веточка,
Приласкалась украдкой к солнцу.
Разломаешь – и не срастется».
А я в каждой своей клеточке
Слышу птичий язык, и шелест
Листьев леса, и рыбий нерест.
А я помню: он был дровосеком
Где-то тысячу лет назад.
И я таяла теплым снегом
На щеках. Его хищный взгляд
Метко целил в разруб, и щепки
Утопали в ручье ледяном.
Он тогда матерился крепко,
И любил похмеляться вином.
Так прошли сотни лет. Была я
Тенью облака, белым снегом,
Серой чайкой и волчьей стаей.
Я – природа. Он был – человеком:
Покорял, приручал, брал силой.
Он не знал, что меня не сломать.
Я веками в себе хранила
Бесконечность. Природу. Мать.

Рыбак

В узлы морские нас стянула страсть:
Сплелись мы духом, телом, языками.
Я наконец-то снова дождалась
Тебя на суше. Всеми берегами
Мне океан тебя пообещал,
И чайки тень твою роняли в скалы.
Ты рыбаком был, видел тот причал,
Где я тебя у волн отвоевала.
Как я ждала, все камни исходив
По маякам, отбив ступни в мозоли.
Тебя принес ко мне ночной прилив,
Туманный фаду, певший о неволе
Прибитых к якорям морских судов,
Застывших над водой рыбачьих вдов,
Всех моряков, плененных парусами.
Мы, привязавшись, распустили тросы.
Ведь океан, как время – безголосо
Всё возвращает. Я была песками,
Волной обласканными, как спина рукой.
И я не буду для сетей грузилом.
Я дождалась тебя. И отпустила.
Рыбак и в шторм находит путь домой.

Не обрежешь

Не обрежешь мне волосы русые:
В них изломан луч и закат сожжен.
Обмелев, водопады кургузые
Заструятся весной. Не Самсон
Мне отец, и тебе не Далила
Жизнь дала. Мы потомки крестьян.
Не пытайся лишить меня силы.
Я вбираю ее, как бурьян
Обедняет цветочные жилы.
Не сплетишь из волос моих плетъ.
Я сумею всегда уцелеть
В схватке с теми, кого любила.

Из цикла «ВОЙНА»

Отмолила

Я рыдала на холодных плитах
У икон.
Выл, как из трахеи выдох,
Медный звон.
Свечи гасли где-то выше
Головы.

Бог меня опять не слышал.
Мы на «вы».
Только Матерь наклонила
К полу лик.
И глаза живили силой:
«Сын велик
Мой, не верь словам, что мал он.
Он спасет.
Столько грешников спасались:
Твой черед.
Выходи, забудь про паперть.
Ночь. Пора.
Стой с людьми живыми насмерть
До утра.
Казни жди у самой плахи,
Не кричи.
Разорви на нем рубаху.
Врут врачи,
Что покинули все силы,
Что убит.
Ты любовью отмолила
Жизнь. Навзрыд».

Из цикла «ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ»

За двоих

Потому что я выросла в вечность, обнимая твою могилу.
Слева от креста – я, справа – чертополох.
Потому что простить тебя вечно на всех алтарях просила.
И мне ни разу (слышишь?) не отозвался Бог.
Потому что могилы все зарастают сухой травой.
Потому что сердце мое затопило водой живой.
Потому что ты никогда не увидишь детей моих.
Я буду жить за двоих.

Сергей СТЕПАНОВ

Родился в 1976 году в поселке Сузун Новосибирской области. Окончил истфак Ставропольского пединститута. Работал журналистом в различных изданиях. Стихи и проза публиковались в журналах "Звезда", "Аврора", "Смена", "Студенческий меридиан" и других.

Живет в Нижнем Новгороде.

Я ГОТОВ БЫТЬ С ТОБОЙ

* * *

Я готов прилететь на попутных ветрах
без оформленных виз, безо всяких обид,
чтобы вспомнить язык твоих стынущих трав,
что людьми бесконечно давно позабыт.

Мне увидеть бы снова распływ голубой
твоих рек – им извилисто выпало течь.
Я готов быть с тобой. Навсегда быть с тобой,
и другие дела не сумеют отвлечь.

И себя укорять я все время готов,
что в своей одинокой норе невпопад
вспоминал я глаза запоздалых цветов,
их доверчивый, их недосказанный взгляд.

Я исправлю свою непростую судьбу,
ты прости, что пришлось временить до поры.
И хоть нет уже сил, я вернусь. Догребу.
Доползу до леска у мухортой горы.

До твоих облаков, что глядят с высоты.
До ручья, что поёт, как пастушья свирель.
До цветов – я увижу опять те цветы,
что так долго молчали о тайне своей.

* * *

«Сидай!» – старик прошамкал, как мирозданье древний.
Последняя лошадка везёт меня в деревню.
Хвостом уныло машет, глаза её гноятся,
а звать лошадку – Маша, и ей давно за двадцать.
А я веду настырно неспешную беседу,
но мне, ей-богу, стыдно, что я послушал деда.

Я уважаю старших, я им пока обуза.
Тяжеловато Маше тащить такие грузы.

Я знаю – это было ужасною стыдобой:
ту пегую кобылу на пенсию давно бы.
А эта Маша пашет – откуда только силы?
Прощай, старушка Маша, за всё тебе спасибо.

* * *

Вернуться – равносильно исцелиться,
вернуться – это высшая награда.
Войду без стука. Скрипну половицей –
и больше ничего уже не надо.

Пусть этот дом не будет чашей полной:
хрущёвка. Сыро. Нет воды горячей...
Но я таким его навек запомнил,
и для меня так много это значит.

Пусть он живёт, довольствуется малым,
пусть я не заслужил его прощенья,
я, как моряк перед девятым валом,
не подготовлен к кораблекрушению.

* * *

Мазанки и птичники, тары-растабары,
крыши черепичные, шумные базары.
Но теперь за мальвами не растёт горошек.
Этот город маленький навсегда заброшен.

Был других покруче он в разном интерьере.
Приговор озвучили: к самой высшей мере!
Всё, увы, в натуре ведь – он не мог остаться:
поднимают уровень малых гидростанций.

Неуместны кипежи, – впарили народу.
Вслед за древним Китежем он уйдёт под воду.
Нет протеста вроде бы, дремлет город старый...

Как нам наша родина ненавистой стала!

* * *

Воскресенье – самый чёрный,
самый долгий день недели,
потому что вновь с печалью
ты своей наедине.
Ты вздыхаешь обречённо,
хоть терпенье на пределе,
наливаешь чашку чая –
и всё это, как во сне.

Дверь заклинило от снега,
завалило двор по пояс,
облака – как оригами,
птичий не слышать галдёж...
Здесь, на станции Онега,
ждешь давно ты скорый поезд –
занесло его снегами,
только ты, как прежде, ждёшь.

И когда лежишь на койке,
когда ждёшь безликих буден,
когда кот глядит с укором –
молока желает зверь, –
не считай на пальцах, сколько
было бед и сколько будет,
верь, что скоро, очень скоро
и к тебе придёт апрель.

* * *

Вот опять чем-то давешним дунуло,
что забыть не смогу никогда я...
Плоский берег, усеянный дюнами,
и луна, как и ты, молодая.

Здесь, где капало лунное олово,
разъедая тревогу, как щёлок,
каруселило глупую голову
ощущенье чего-то большого.

Мы с тобой тогда в лучшее верили
у судьбы на последнем изгибе,
и неважно, что в воздухе веяло –
то ли счастье, а то ли погибель.

* * *

Дворником в доме ёрзал
ветер метлою штор,
и ты шептала звёздам –
только не помню что.

Годы внесли пробелы
в память, в душе – раздрай...
Но тогда сердце пело,
как воробыный май.

Время нас только старит...
Где же тот свет, тот вспых,
где же то счастье в карих,
грешных глазах твоих?

Зря я надеждой тешусь:
не обрести права,
чтобы услышать те же
солнечные слова.

* * *

– Ты вернешься?
– Я лишь на три дня.
То, что мнится, – это лабуда...
Но она не дождалась меня,
да и не дождется никогда.

Был я словно ветром унесён
за границы призрачных держав.
Извини, что это был лишь сон,
извини, я слова не сдержал.

Я по льду скользил – он, как фарфор,
он глазурью абрис твой облил.
Принимал он много разных форм,
но остался призраком любви.

И сегодня вновь в прожилках лёд,
и такой же кучерявый дым,
и январь вновь делает облёт
по владеньям голубым своим.

Я плохой, наверное, рыбак:
я ловил удачу много дней,
но так долго стынет на губах
поцелуй, что снега холодней.

Проза

Владимир ВЕЩУНОВ

Родился в 1945 году в Таджикистане в поселении для ссыльных. Детство провёл в Сибири. На Урале окончил художественное училище и педагогический институт.

Работал дизайнером, художником-оформителем, воспитателем детского дома, учителем в рыбацком посёлке Приморья, редактором Дальневосточного книжного издательства.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ЗАПИСКИ ДЕТДОМОВСКОГО ВОСПИТАТЕЛЯ

Ювелир

В тот день меня отпустили с работы пораньше: к подшефным детдомовцам – разузнать, как они живут, в чём нуждаются?

Сталистое небо к вечеру потеплело, окоём подрумянился, и повеяло по-юношески свежим ветром, словно в осени случилась весна.

Здание интерната для мальчишек походило на обыкновенную четырёхэтажную школу, окружённую вереницей полувековых тополей. В прихожке в одних трусёшках на коленках елозил тряпкой по линолеуму стриженный под «нулёвку» пацанчик.

– Здравствуй! Где заведующая? – спросил я.

– Скоро придут, – неопределённо буркнул он. – Подождите внизу.

Я спустился в полуподвал и пристроился на низкой скамейке под окном. Вдруг дверь стала тихо открываться, и в помещение вкатилось какое-то странное маленькое существо: уродец-карлик, у которого, кроме туловища, ничего не было. Пустые рукава серого, пыльного пиджачка волочились по бетонному полу. Вислоухая шапчонка едва держалась на безголовом туловище. И вместо ног, казалось, были только ступни, которыми карлик проворно перебирал, двигаясь в конец полуподвала. Ничего подобного доселе я не видел! Озноб оторопи стянул кожу на висках.

Вслед за первым уродцем появился второй, и я неожиданно для себя успокоился: второго такого чуда, как первое, быть не может. Что-то тут не то... Я кашлянул – уродцы повернулись, и спереди стало видно, что они вовсе никакие не карлики, а обыкновенные мальцы, видать, первоклашки. Научиться так бесподобно карличать! Изрядно потренировались огольцы! Не так-то просто, скрючившись, в накинutom пиджачке, идти вприсядку, как бы катиться. Эффект потрясающий! Жаль, что только со спины. И надо же додуматься до такого! Да, к интересному народцу попал я.

Пацанята, так чудно изобразившие карликов, выпрямляясь, по-стариковски поохали, покряхтели, хватаясь за бока, и подсели ко мне. Один из них, с юркими глазёнками, похожий на цыганёнка, потрогал малахитовый значок на лацкане моего пиджака:

– А подарите!

Я отстегнул значок, и мальчонка ловко, как монету, подбросил его, поймал прямо в оттопыренный карман пиджачка и выдал чистейшей дробы зубарики.

– А у вас ещё есть? – обиженно скривился второй пацанёнок.

– С собой нет, а дома посмотрю, – пообещал я.

– И мне ещё поищите – я коплю! – потребовал цыганёнок.

– Не забудьте! – напомнил его дружок и отодвинулся от меня, уступая место мешковатому толстяку лет двенадцати, который рядом с мелюзгой казался огромным.

Здоровяк неуклюже повернулся ко мне:

– Вы на этих галух значков не напасётесь. Только на значки и будете работать. Они их всё равно променяют на какую-нибудь чепуху, а то и на басы, окурки... А ну, кыш, пердышня! – он отогнал ещё трёх чумазных первышат, которые с просительным видом остановились поодаль. – Вон их сколько! Всё идут и идут. А ну, кыш! Кому сказано? Дайте с человеком поговорить...

– Раз обещал – надо принести. Как ты думаешь? – спросил я его.

Толстяк согласно мотнул круглой головой:

– Слово – олово! Ну тогда и мне принесите. Хотя я и не курю. – Он самодовольно потянулся и, сцепив руки замком, несколько раз ударил ими об колено: – Сколько?

В детстве я и сам не раз дурачил простачков этим нехитрым фокусом: от удара об колено сцепленных рук получается такой звук, точно в ладонях зажата горсть монет.

– Пусто! – я задорно шлёпнул по рукам фокусника.

Тот смущённо потупился и лодочкой раскрыл ладони – с мелочью!

– Ваши! – сказал он так, будто я разгадал его фокус, и протянул мне деньги.

Я удивлённо похлопал себя и стал рыться в карманах.

– Не ищите! Говорю, ваши, – сердито нахмурился толстяк. – Ровно четырнадцать рублей. Вас облапошить – дважды два. У нас братва – оторви да брось! Всякие есть. С нами остро держаться надо! А вы какой-то невнимательный. Да ещё добренький чересчур. А мне мелочь не нужна. Я деньгами не интересуюсь. Изумруд, гранат, рубин, александрит, сапфир... Камушки – это другое дело! Деньги – некрасивые. А вот эта деньга – одно загляденье! – он подкинул на ладони какую-то тёмно-фиолетовую ягодку, похожую на черничинку. С любовью подул на неё и, изящно взяв двумя пальцами, сосредоточенно стал поворачивать: – Кровавой аметист. Темно здесь – никак свет не поймано: затаились камушек.

Шум в полуподвале всё усиливался: ребятня прибывала, а воспитатели задерживались. Все чем-то были заняты: старшекласники затеяли чехарду; малышня по углам карличала; один класс, теснимый с лавки другим, звал на помощь Ювелира.

Тот уже лизал металлические пластинки батареек от карманного фонарика.

– Кислит! – он облизнулся и примотал голубой изолентой лампочку к батарее.

Запахнув от окна полой коротенького пиджачка самодельный фонарик, на его свет выкатил на ладони аметистовую ягодку, внутри которой, словно алое сердечко, вспыхнул огонёк.

— Молодец! — похвалил я «бриллианщика» и подозрительно посмотрел на него: откуда у пацана аметист?

Тот придурковато осклабился; раскатил ногтями по белым крепким зубам чистейшую гороховую дробь и, несмотря на то, что был толст и грузен, необычайно легко отбил чечётку с виртуозными прихлопами. Закончив номер, откинул голову на плечо и веером распустил пальцы:

— А камушка-то тю-тю! Вот так-то! Не пойман — не вор.

И мой подшефный вперевалку подошёл к лавке, с которой уже начали слетать его однокашники, теснимые другим классом.

Ливер

Детские жизни длиною в несколько взрослых... И всё это — мои ребята. Шефство привело-таки меня к ним. Как же удержать возле света шаткие мальчишеские души. Ведь маленькое сиротское сердце, одичавшее, знобкое, сжимается от боли в казённом прозябании от едва уловимого домашнего запаха, принесённого неосторожным воспитателем.

Явилась как-то рассеянная Тамара Дмитриевна в кухонном фартуке под плащом. Спешила, опаздывала, скинула плащ прямо в подвале, где дневные воспитатели построили классы для передачи вечерним. На заведующую Тину, Тигру, держали равнение мальчишки, а тут все как один заворожённо вперились в фартук — обыкновенный, сатиновый, в незабудочках, с кармашком, с прилипшей картовной шкваркой на залоснении, с материнским запахом... Пол-интерната заварились ночью в тоскующую перелётную птичью станицу...

Я становился домашним воспитателем. Не было желанней места для пацанвы, чем мой холостяцкий склеп, выделенный мне в цоколе интерната. Солдатская койка, медвежий колченогий табурет; одежда на стене под простынькой — будто спал кто на стене; электроплитка на тумбочке, толстой от векового слоя сурика. Казённый угол, гораздо сиротливее светлых интернатских спален, не говоря уже о рабочих комнатах в полировке, цветах и коврах.

«Приют убогого чухонца» — так по-пушкински называл детдомовский народ моё заведение. Ни с чем не сравнима была воспитательная его сила. Настоящий, живой дом с отцовскими и материнскими запахами. В нём можно было послушать весеннее скворчиное пение чёрной, чугунной сковородки с картошкой; добродушное дедовское ворчание лапши в кастрюльке; жалобное посвистывание голодно изогнутого чайного носика с обсосанным желторотым клювом; увидеть приветственные приподнимания чайного «беретика». Как греет сердце всё с домашнего огня! И одурающий дух обдаёт из-под картошки, когда подцепишь её ножом, чтобы до угольев не почернела, чтобы до червонного золотого хруста каждый кубик обжарился. В остром томатном соусе солодка лапшичка с творожисто свернувшимся в кипятке яйцом — очень уж характером схожая с шеф-поваром, Держей, как меня кличут ребяташки. Такой же я рассолодевший, когда понабьются в два яруса чадушки мои, поварята-дегустаторы, и хрустят, и швыркают-хлюпают, и гоняют, го-

няют крутой на брусничном листке чаёк: благо, за речкой Невеличкой в камнях хоронятся кое-где брусничные куртинки.

Дома у меня и штопка ребячья спорится, и письма душевные складываются, и рассказы занимательные.

А новенький, Ливер, так и прописался у «папы Кости». Чуть температурка – он в державинской постели валяется. Настоящий детдомовец до таких телячьих нежностей не докатится, как бы ни манил похожий на отцовский, мужской, крепкий дух. А Ливер-два – слабак, совсем домашний. Хотя дом его родной кончился жутко. И как только не шизанулся пацан? Лишь дёргается иногда, как от тока, заикается малость да вместо «ложка» «вошка» говорит. А в англише сечёт, как дипломат. Только учить начали, а он уже всюю шпарит: ван, ту, фри, фо... маза, фаза, сыста, браза...

Братьев Леверкиных в детдом привела тётка, не старая ещё женщина с сердобольным усталым лицом. Думала, исполнит завет сестрин, поставит племяшей на ноги, но не потянула, не сдюжила. Своих двое, сестринных трое... Муж от такой оравы начал от дома отбиваться: домосед, семьянин завидный, стал на футболах пропадать, за домино время гробить. Так и до рюмки недолго. Зять-то, змей, с рюмкой в один узел завязался. В честь Дня породнённых городов заставил пить с собой сыновей. Какая мать отдаст детей на погубление. Сроду не пившая, сама выпила с иродом сестрица. Спалил чёрный огонь светлую душу. Возликовал над женой муж: допила, дескать! То всё он – пьянчужка и забулдыга. Теперь сама нажралась как свинья. Пей, упейся! И поливал в белой горячке мёртвую уже водкой из бутылки, пока старший, Петька, не сбил его с ног...

Старший сбежал из интерната на другой же день, после ночной тёмной: положенные для новеньких синяки – прописка и профилактика, чтобы бегать неповадно было.

Небегунов, как Сердечник или Козуля, – раз, два, и обчёлся. Всякий уважающий себя детдомовец хоть раз в год, да испытает прелести бродяжьей жизни. Ну а после – воспитательные меры. «Воспитывают» на полном серьёзе: из-за тебя, чушок, в канцелярии у Тигры весь вечер простояли, дорогу мели, очкуры драили, телек не смотрели, в кинуху не ходили... Стервенится, рьянее всех насакивает на бродяжку тот, кого самого вчера лишь привезли с бегов.

Взрослым же кажется, что самосуды – им в помощь, и не очень-то вмешиваются в ребячьи дела.

Мне довелось увидеть Петьку до побоев: костистый, острый, напряженный. Будто испитое, лицо в багровых пятнах. Либо от нервов, либо в пьяной застолице сживал с папашей за компашку. Глаза злые, затравленные. Затаённая, кривенькая ухмылочка: всё равно, мол, убегу. В общем, плюю против ветра – такой вызывающий напряг.

От такой видухи воспитательницы брезгливо морщились. Заметив это, семиклассники сразу же начали тянуть на него, успели до тёмной дать под дых и ткнуть до крови в зубы. А ночью Петьке, пощады не запросившему, досталось без всякой меры. Хотя с виду он не шибко-то был разукрашен: знали побойцки заветные приёмчики, не оставляющие следов на теле. Опыта хватало. К рукоприкладству привыкшие, долго затишья не терпели. И никто никогда из страдалцев не пикнет. Ударился-де – вот и всё объяснение. Разыскивать побойщиков, увещевать – тшета наивная, вызывающая злорадные ухмылки. Этот орех не раскалывается на скорлупки.

Так уж повелось: вроде каждый сам по себе, но стоит кому-нибудь попасть в придуманную зловещую зону гонений, как в гончую свору сбиваются все. И нет вопросов: за что, про что?..

Крепка стадная спайка. В дурном деле она ещё крепче. Даже местные шишкарки позволяли себя наказывать; даже они не смели преждевременно выйти из законной зоны, при кличе которой сжимается в крутой кулак разношёрстная детдомовская братия.

Жизнь детей – зеркало взрослой жизни. Злополучный орех распадётся сам, если распахать поле псовой охоты. А пока оживляют пустыню людей торжествующие кличи: «Ату его, ату!» И причинение боли заменяет боль душевную, без которой не проклянутся к свету росточки доброты – истинной спайки для мира среди людей, для их выживания.

Ливера-старшего раза два возвращали в детдом. Крепко был колочен. Шишкарки силком натравливали на него Ливерят, но те, тихони тихонями, на брата руку не подняли, но и не потянулись к нему: убежал, бросил – порушилось кровное. Петька добегался до пэтэушного возраста, и тётка устроила его на казённую кормёжку и одежду.

Младший, Ливер-три, прижился в добром, поющем и танцующем классе «бабы Вали». В синяках я его видел только по первости да после расправы шишкарка Чёрного. Тогда-то и сорвался. Подловил молодчика одного в туалете и тюкнул ребром ладони по крепкой, как у мужика, шее. Озырнулся тот, осклабился с пониманием: для авторитету дерётся Держа.

Гаденько стало мне: сам до драчуна докатился. Тычками малолетнюю дедовщину не изведёшь, коли взрослый повседневный уклад – та же дедовщина. Как-то мне, слесаришке, бугор велел за водкой сгонять. Послал я его на кудыкину гору. А у самого бугра от счастья дыхание спёрло, когда начальник цеха поручил ему юбилейную здравицу в честь директора произнести. Как дико звучит: подобострастный властитель! И как обычен мир о двух лицах...

Чем меньше праздности, тем больше дела и ума. Тем чётче призрак, блуждающий в поисках своего господина. И я, Константин Державин, хоть чуточку сужу бродячий круг. Не отупляющие сонные ползания с половой тряпкой и бесконечные подметания – абы чем-то занять пацанов, – а сметливое дело: столярное, авиамодельное...

Неужто умные ребячьи руки, собирающие из швейной иголки и тетрадного листка патефон, измельчают до мошенства карманников и домушников, проволочкой отмыкающих любой запор?..

То и дело залетает детдомовское воробьё в колонии. ИТК – исправительно-трудовые. Никакие они не исправительные, а побудительные к вечному эчеству. Являются писанные красавцы оттуда: мороженные глаза, кривой прикус, презрительное цвирканье слюной сквозь фиксы – особый шик! Наколки сплошняком: Сталин – «Не забуду папочку родного!»; солнышко за решёткой – «Без милых нар жизнь – кошмар»; классические грудастые дамочки или русалки; совокупление мух «Sel a vi» и прочая дребедень-пошлятина. Бывалые блатные жорики с головы до пяток: «Ну ктё, чушки, по фене ботает? Бан далеко от вокзала? Ну ктё, быстро? Ну ктё, в натюре?!...»

Что море для моряка, что нары для ээка. Тянет... И нет жизни...

Как скоро обвык, пообтёрся Федя Леверкин, Ливер-два. Щека-стенский хомячок; улыбчивый, с ямочками. Но пообвисли чуть щёчки, складки старческие в скобки губы заключили. Детские ямочки и го-

рестные морщинки – видно, вместе с матерью-горемыкой старел мальчонка, кровинка её.

Дня два не просыхал от слёз Федюшка, за то к обрядовым фонарям ещё засветили бедняжке. До боли нестерпимой, до слёз сжалось сердце моё, когда увидел я Федюшку во второй день его детдомовской жизни. Побитый, опухший от слёз головастик с цыплячьей синюшной шеей, он походил на дряхленького горбунка-уродца.

Едва я совладал с собой – не стал вытряхивать: кто бил новенького? Каждый приложился, все замараны и повязаны. Не хочешь – заставят. Эту жестокость в законе с налёту не сметёшь.

– Кто его? – как бы между прочим, спросил всё ж таки я Сердечника.

– Мы... не мы... – испуганно отшатнулся тот от меня. – Он сам... Сами спросите...

– А чо он, чушок, всё киснет и киснет, – скривился староста моего пятого Красилов, Крашил.

– Ты его, что ли? – не выдержал я такой наглости и тряхнул Крашила за грудки.

– Ну чо-о ты? – отдёргнулся храбрец. – Он са-ам. Все видели! Я, что ли, тебя, Ливер? – приблатнённо скривившись, бросил на новичка косой взгляд Крашил. – Ну ты, в натуре, я, что ли?!..

– Э-эх, парни!.. – отвёл я от плачущего Федю вспетушившегося Крашила.

«Кого обижают?» – хотел упрекнуть пацанов, да смекнул, что защита его обернётся худом для мальчонки: не шибко водится пацанва с подзащитными.

– Ну ладно, ладно!.. – грубовато похлопал я Федюшку по вздрагивающей спине и накрыл его бедную головёнку ладонью.

– Мы с тобой друзья до гроба – за одно или за оба? – отвёл Крашил Федю в сторонку и что-то душевно зашептал ему на ухо.

И у меня на глазах ожил сиротка. Неловко приобнял нечаянного корефана и вихлеватой походочкой отправился с ним в угол, заговорщицки оглядываясь. «Пошви в натуре», «шухнёмся», «на сохранку», «а меня бесит»... – детдомовский, свой в доску.

От такой разительной перемены резануло в моей душе. Не от того, что переметнулся Федюшка. От его измочаленной воли. Надсадился от жизни мальчонка. С надсадой такой на любую кликуху побежит. С чушками жить – по-чушья быть. Так ведь и не жил вовсе. Каких-то два дня...

Очаг мой ему и всем этим воробьям нужен.

И хоть стыдно было мне, здоровому мужику, звать детву в убогое жилище, но открыл я для их необласканных душ свой дом.

* * *

Из-за сугроба, шубой окутавшего голые птичьи косточки куста, я видел, как вели Федю Леверкина. Хотя тротуар был выскоблен до асфальта и после метелицы стояло затишье, мальчишка шёл с трудом, будто проваливаясь в намёты и спотыкаясь о снежные заструги; согнувшись и подавшись вперёд, точно сопротивлялся встречному ветру. Шапка глухо завязана на подбородке, рукав фуфайчки приткнут к рукаву. И я как бы увидел, ощутил два красненьких беспризорных кулачка, уткнувшихся друг в дружку в этой холодной трубе из коротких рукавов. Маленький арестант, конвоируемый по этапу из родного дома, где жила теперь тётка с семьёй. По ней-то я и догадался, что

невидимый, спрятавшийся в одежонку, свой горький человек – Федя Леверкин.

Мучителен был для него родимый дом; сладостно жутка ночь, когда слышал он мягкие шаги умершей мамы своей, далёкую и близкую увидел её, склонившуюся над ним... Она ждала его, заставила во сне сестру свою сходить за Феденькой. И опять осталась ждать, а тётка с дядькой повели его...

Ему вспомнился вдруг плакат в кабинете биологии, на котором был нарисован человек без кожи. И у него от позора и стужи нестерпимо саднило всё тело, и уже стало дико чудиться, что на стенах дома материнского осталась прилипшая к ним его кожа... Без кожи он... Действительно – Ливер... Позорно и страшно! Хотя бы никто не увидел его, такого...

Мало кто победно возвращался после милосердных побывок. Приходили, конечно, и заряженные человеческим душевным теплом, но неуместны были восторги счастливых, сияющих в ожидании очередных обещанных выходных. Крепко страдали, глупенькие, не сумевшие скрыть свою радость, – колотили их завистливые и скучающие пацаны кулаки.

Чаще всего тяжело и надрывно возвращались от доброхотов пацаны. Больше всего боялись они, что кто-нибудь из детдома увидит их позорное возвращение, и старались незамеченными прошмыгнуть к своим.

Поэтому и не показался я печальной процессии, чтобы не добавить боли истерзанной душе. Я не видел Федино лица, а когда тот посмотрел почему-то в мою сторону, вздрогнул. Куда делся улыбочивый, с игривыми ямочками мальчик?! Те же жёсткие складочки в уголках губ, которые портили милую детскость Федюшки, чётко обозначились ужасными вехами короткой детской судьбы. Ни муки на лице, ни печали. Бесконечный взгляд в никуда...

Внезапно моё сердце ёкнуло и замерло в догадке. Деканат. На столе у деканши толстый том. И. Е. Репин, «Далёкое близкое». Раскрываю книгу – и не могу оторвать взгляд от рисунка странного человека. Он в шапочке и халате. Как врач. Только серый. Как больной. Каракозов перед казнью. Человек ещё живой, но уже мёртвый...

Никогда доселе не вспоминался мне этот репинский рисунок. Художество, сердцем созданное, руки незримые имеет. И чутких душ руки те касаются. И от физического прикосновения их впечатлительные люди нередко падают в обморок.

Простенький набросочек. Но, видно, мощное напряжение смерти скрутило толпу на площади с виселицей, распахнувшей петлю для покушавшегося на царя. И молодой художник передал эту энергию в сегодняшний день. С 1866 года даже в жалком типографском оттиске с рисунка кроется дух того момента, явившего толпе лик смерти.

В сумеречной тени таинственной планеты Мозг и пропал вроде тот лик. Прихотлива теневая сторона, скупа на пропажи. Как жизненно важно порой вспомнить что-то. Но блукает человек в немой темени – ни эха, ни отсвета...

Зато не слышный ему звук, не видный свет могут проникнуть в зону безмолвия. И вздрогнет тогда беспричинно человек и может даже вспомнить нечаянное прошлое.

Неблагодарная планета – Мозг. Человек хранит её, а она скупко платит за жильё. На себя работает, ждёт его смерти, дабы с богатством накопленным влететь свободно во Вселенную.

Имеющий ухо да услышит. На то оно и дано, чтобы слышать, а не пребывать в безмолвии. Кто виноват, что глух человек? Надо вслушать-

ся в себя – и немое заговорит. Чуткому – чуткое эхо памяти. И тогда даже самые глубокие свои лабиринты высветит для человека его планета. И мудрость её земная будет выше, и радостнее вселение во Вселенную, где селятся *все*. Ведь для бессмертия человеческого и живёт в нём его планета – Мозг...

«Достойное утешение», – похвалил я себя за открытую истину. К концу земной жизни сколько энергетического разума скапливается в человеке! Неужели Природа так расточительна, что такое чудо, как зрелый мозг, бросает в перегной?.. Наверное, человек в его земном обличье – это лишь среда созревания разумной энергии. Однако смерть ужасает. Если бы не страшились её, то мозг бы не вызревал. Обычно люди, прожившие на Земле положенное, расстаются с ней спокойно. Преждевременная смерть – противоестественна. Особенно ранняя...

И вот лик её проступил на лице ребёнка. Лик Каракозова... Спасать надо Федюшку, стирать этот серый налёт! Есть лечебница, где спаслись от разбойницы Ванька Мокрый, Сморча. Это мой, Державина, угол, мой нынешний дом.

Но тут рык Тигрин раздался, и свершилась вина моя великая. Будто и не было моей философии человеческой. Велела заведующая класс вести в баню. Думал, свожу и Федюшкой займусь. Без призору смертушку оставил. Она живо воспользовалась такой оплошкой, скрутила ребячью душу и свила из неё петлю.

В Жилке то случилось, возле железнодорожных барачков, что рядом с детдомом ютились. Заголосила там бездомная дворняжка. Нашей сторожихи Вулкан и всполошился, чуть ноздри не порвал, вынюхивая место, где смерть начала проказничать. Учужал её тлетворный дух – и намётом, намётом по сугробам. Успел дружище! Капроновое серебристое колечко уже ласкало сиротские плечишки. Вышиб широкой грудью мальчонку из петли – тот слётком в снегу закопошился...

Так и поднял я со снега воробышку и отнёс в своё гнездо.

Ванька Мокрый

Северный жгучий мордотык. По небу ползучие дымы теплоцентрали. Подлые коросты льда от очередной не то весны, не то осени. Свиные пучеглазые машины, прижимающие пешеходов к сухарям снега на чёрствых сопочках.

Столпотворение. Толповерть. Один автобус битком. Другой. Третий пустой почти – но мимо... Сбитый светофор бьётся, бьётся в падушей. Жёлтый, жёлтый, жёлтый... Движущаяся непрерывно стена машин. Синеватая, едуче-першащая гарь. Сквозь неё жёлтый, жёлтый... Зелёный! Брешь в автостене. Бегом! А в глазах уже красно. Красный, красный...

После работы опять эта чадная хмарь. Ломаются автобусы, трамваи, перила на километровой лестнице в сопку, лифт на последний этаж... Усталость металла...

Усталость Рудянска...

И всё же в усталой душе его нашлось местечко для милосердия. На выходные и праздники стали брать рудянцы детдомовцев к себе. Разные то были доброхоты. Жалельщицы сладкослёзные, что не пропускают индийских картин. Надрывницы – и смех и слёзы вперемешку – вечно

с ними что-то происходит, да и сами на выходки горазды. Страданием страдающие, скорбь мировую на узкоплечую детскую душу обрушивающие. Рабочие детные семьи, считающие акт милосердия делом государственным. Какой-нибудь чушок Мрызя – всегда равноправый член такого коллектива.

Милосердное гостевание, благодатное самое, тогда бывает, когда одна жаль-доброта ищет другую. И делятся тогда люди – большие и малые – животворным теплом сердечным. И убавляется сиротство на земле. Но такое святочное случается редко. Усыновляют обычно беспамятных несмышлёнышей, чтобы и отцу-матери верилось в родную кровь.

Жирующие семейки брали из детдома на показуху: «Я такой итальянский гарнитур достала в “Империи мебели” – обалдеть! И сиротку мы с Аркадием взяли на воскресенье, симпатичный такой, глазки вишенками. Лёлька тоже на дачу мальчика возила. Да ты знаешь её: у неё собака Чарли и муж Олег. Сейчас многие берут».

Замотанные заботами – конца и края не видать им, окаянными! – многие рудянцы нет-нет и спохватывались: не до донышка ли в жизненной сутолоке расплескалась доброта из их душ? И для проверки на доброту и терпение принимали чужих ребятишек. Мало кто из таких приходил второй раз. А как хотелось по-человечески согреть человеческую душу. И доброта вроде есть, но придавлена она, живая ещё, тёплая. Камнем студёным – усталостью...

Бородач, похоже, был «освобождённый» шеф. Он день-деньской пропадал в интернате. То шахматную секцию организует, то театральную студию, то подвал сотрясает, прыгая в трусах и боксёрских перчатках, показывая ехидной чухонской публике приёмчики. В общем, от скуки на все руки. «Образец шефской работы» – так гордилась им заведующая Тина. И скоро свела парня с кисельной родственницей своей, худосочной девицей, и устроила им свадьбу.

Знаменательное событие проходило в духе милосердия, отвечающего духу времени.

Вершиной праздничной церемонии стало посещение бракосочетавшейся уже парой детского дома, где образцом шефства являлся жених.

К важному событию в культурной жизни Рудянска прилепилась всякая всячина: фонды, центры, партии, волонтеры, милосердные общества и даже сама прехорошенькая «Мисс Рудянск». Как же всем охота попать в газеты, а то и покрасоваться в телеке. Чуть ли не для программы «Время» наскреблось этого грандиозного шоу.

А уж когда чушата, чисто ангелочки по такому случаю, с цветами окружили молодых, некоторых слеза прошибла. Вот где надо свадьбы проводить! А то под воду лезут, дабы какого-то Гиннеса ублажить.

Потрясенная исторической масштабностью своей свадьбы, молодая чета вошла в милосердный раж и усыновила самого занюханного соплюшонка Мрызю, у которого мамкахватила лишку «синявки» и загнула.

К выбору такой благородной, заслуженной пары большинство присутствующих отнеслось с неодобрением: уж больно нетелегеничен объект милосердия. Неразборчивой чете хотели подsunуть более привлекательного сиротку из тех, которые были нарасхват у милосердов, берущих воспитанников на дом. Однако альтернативно выступил критик и музыковед Волокшин. Разоблачитель рок-музыки, он со страшной силой обрушился на опиум молодёжи, затем высказался о нравст-

венной зыбкости нынешнего представления. К жертвам масс-культуры отнёс молодожёнов, но оправдал их выбор в усыновлении, назвав его единственно реалистическим эпизодом в сегодняшнем спектакле, автором которого не является жизнь.

Вдохновительница торжества, Тина с потаённой усмешкой наблюдала за действием, злорадно предвидя скоропостижный конец случайного союза.

Однако ж пути Господни неисповедимы. Зажила, и ещё как зажила счастливая троица, а потом и четверица, и пятерица – свои дети пошли у пары, с издёвкой сведённой Тиной.

Ухватив добрый берёмок забот семейных, второй, шефский, Бородач уже не потянул.

Но широкое всенародное освещение свадьбы всколыхнуло совесть граждан Рудянска, и началось в детдом паломничество жаждущих причаститься к милосердию.

Три-четыре бездомовных судьбы были обгнездованы. Зато сколько детских душ настрадалось!..

– Тётъ, а тётъ, меня возьмите, а... – сторожил у ворот своё счастье хроменький Сморча.

Все приходящие в детдом милосерды несомненно были добры, но как-то так получалось, что Витька Смошный ни разу не побывал ни у кого дома, в семье. «Опять с опозданием», – тяжело вздыхал он после очередного благотворительного разбора, оправдывая неудачу тем, что он якобы не поспел к нему. Не замешкайся, его бы уж точно взяли погостить.

Вот и таился он в тени ворот, выглядывая аж на дороге добрых тётъ. Их он вычислял по печальным глазам, подковыливал, просился и в напрядённом ожидании сжимался, будто пропадал в пальто и шапке, которые были для него чрезмерно велики.

Бледное личико хромушки, просящие глазёнки – какое женское сердце не защежит от жалости к сиротке! Но от горемычного разило табачищем, а на худенькой ручонке его синела татуировка – заборный матерок.

«Хорош гусь!» – пугливо и брезгливо шарахались добрые тётки от шпанёнка, спешили укрыться от него в директорской либо вовсе чесали мимо детдома, вроде и не собирались сюда.

Таких невостребованных, как Сморча, было много.

– Не берут нас напрокат, Костентин Степаныч, – пожаловался Казаляев. – Не ходовой мы товар.

– Ты, Вася, сам уж дядька, – шутливо успокоил я его.

– Тебе, Козуля, самому братъ пора, – поддержал меня Сердечник.

– Меня возьми, Козуля! – подбежал к Васе Федя Леверкин и встал с ним рядом: чем не папаша и сынок?..

– Ты, Ливер, чушок, тебя уже... – осёкся Ванька Мокрый, не договорив «брали»: уж больно жутко закончилось то бывание Феди в доме родном.

– Кто бы говорил, только не ты, Мокрый! – скривился Муха. – Бритвин маменькин сыночек.

– Я сам расхотел, гадом буду! – Ваня ясно, с печалью посмотрел на меня.

– Сам, Ваня, конечно, сам, – потрепал я пацаний вихор.

На моих пятиклашек спроса почти не было. Возраст у мальчишек ломкий, характеры не сахарные. К ним особый подход нужен. А где их набрать, этих подходов?

По правде говоря, я оберегал своих от «милосердия». И без того хватало мокрых подушек, залитых слёзными снами отказников или познавших коротенькое счастьеце чужого *дома*.

Когда началась «милосердная» заваруха, я ощутил ущербность её. Не все по-человечески готовы к милосердию, не все имеют на это право. Да и детдом не готов к нему. Казённое заведение. Не выдерживает человеческая малость возврата из *домашнего* тепла в приютский холод. Стали надрываться детские души. Участились побеги, много пацанвы залетело в колонию. Коверкались судьбы.

Захваченная милосердной быстринной, решила усыновить Ванюшку Бызова Тамара Дмитриевна. Худая, заострённая какая-то – вот и наградили её меткие «филолухи» прозвищем Бритва.

Дирекция охотно поддержала благородный порыв воспитательницы: весь город задействован, а нам сам бог велел преподать наглядный пример.

Через неделю Тамара Дмитриевна повела Ванюшку обратно. Мокрый он и есть Мокрый. Мочился по ночам. В интернате-то «морячка» будила ночная няня тётя Катя. А Тамаре Дмитриевне терпения не хватило... Ни разу котёнка не держала, ни одного домашнего цветка в горшочке не полила – а тут пацан в доме... «Сплошная морока! – сокрушалась она. – Зря вляпалась в усыновительство. Уж как меня Державин отговаривал, срок – неделю – предсказал... Набила себе шишку, нарыв целый, опухоль. Осудят все. Не рак – не смертельно. Враз вскрыть болячку – зато вольно одной. Пацану, правда, тяжело будет. Хоть и пилила его, и не прижился шишко, да ведь в отказниках ему придётся ходить. Следовало бы оговорить, что с испытательным сроком берётся, тогда и виноватиться бы не пришлось. Всё как-то опрометью, скомкано получилось. Но надо на этот срок валить – не выдержал-де его пацан».

Самыми последними чухонскими словами гвоздил себя Ванька Мокрый: как безмозглый мулёк попался на Бритвин крючок. Пилежом задолбала его «мамочка»: не тем полотенцем лицо вытер; мусорное ведро плотнее закрой, а то мыши расплодятся; не кроши, а то тараканы побегут; телевизор подолгу не смотри – нагорает и облучение от него... А он ещё «плавал» по ночам... Заколебала – ни пукнуть, ни вздохнуть. Да ещё без курёжки – хоть волком вой! И чего ждал, чушок?! Дом захотел, домосед. Надо было давно рвать когти. Теперь пацаны с дерьмом съедят. А то ещё навтыкают как маменькиному сынку. Надо делать ноги, пока не поздно, потом позорухи не пережить. Чует Бритва, что он может слинять – как вора тащит, вцепилась клешнёй, аж рука отсыхает. А ходули у неё – будь здоров! Собачонкой приходится бежать за ней. Ну погоди, Бритвочка, только ослабь граблю. Ну ослабь же, отцепись! Видишь, хоронят кого-то. Гроб длинный. Как раз под твой рост. Рви с мясом душу, труба! Бабахни гранатой-колотушкой, барабан! Взорвись, оркестр! Ваньке Мокрому смываться пора!

Не перебегай дорогу покойнику – сам покойником станешь. Это жуткое суеверие Бызов слушал от матери. И всякий раз в почтительном страхе замирал при виде похорон. Теперь же деваться ему было некуда. От отчаяния чухонская бесшабашность взыграла в нём, и он очертя голову перерезал чей-то последний путь. Бритва-то не осмелится на такое.

Но она осмелилась. Ей было не до дурацких предрассудков. Ударится в бега «сыночек» – вдвойне влетит ей: и за отказ, и за побег.

Он краем глаза засёк, как Бритва бросилась за ним. И ужас от содеянного, и от того, что воспитательница перебежала похороны, превратили её в огромную тень, нависшую над ним. Ему послышалось, что она страшно закричала: «Держи его, держи!» – как орали базарные бабки, когда он взял паршивую помидорку.

Но она не кричала. Когда-то недурно играла в баскет и могла бы в два счёта схватить козявку за шкуру. Однако внезапная счастливая мысль остановила её: вот дурёха! А почему отказ? Она и не думала отказываться. Воспитанник сам во всём виноват. Всё ради него: «Ванюша, Ванюша...» А он, неблагодарный... Сотку из кармана вытащил и сбежал. Как такого ни корми, он всё не туда смотрит... Ну пожурят за побег. Это же не ЧП...

Она облегчённо вздохнула, повернулась и пошла домой под пьяненький похоронный марш.

Визг тормозов пронзил благодушные, нестройные звуки оркестра и скомкал их. Она обернулась: тёмный островок на перекрёстке из десятка прохожих мгновенно вырос. Кто-то попал под машину. «А вдруг Бызов!» – подумалось ей. Но она тотчас же отбросила беспокойную догадку, сулившую ей немало хлопот. У детдомовских сорвиголов отменная реакция – они под колёсами не гибнут.

Очнувшись, он ощутил на себе неимоверную тяжесть тени. Но то была почему-то не тень Бритвы. Рой голосов жужжал над ним. Мельтешение встревоженных лиц казалось ему колыханием свечечных бледных лепестков. Нельзя перебегать дорогу покойнику! Мамка же говорила... Значит, он умер... Руке неудобно, она чем-то прижата. Она жива ещё? Он глянул в её сторону и увидел замахнувшуюся на него «ёлку» огромного колеса. Над ним не тень Бритвы – тень «КамАЗа». Ванька Мокрый – жив!

Он выдернул руку из-под тяжёлой резиновой «ели», поднялся на четвереньки и прошмыгнул между колёс под брюхом машины на живой белый свет.

Куда теперь? К мамке? Четыре года она пластом лежит парализованная. Уже и письма не сама пишет, диктует. Она-то «сыночка» выводила, а чужие рубят «сын»... Куда он к ней? Попроведать? Перевезти бы её в Рудянский, в инвалидский дом, к детдому поближе... С горя в бега дёрнуть? Бритва за отказника его выдаст. Она уже далеко ушла. Дуй, Мокрый, надо опередить её!

Без шапки, пальтишко в земле нараспашку, штаны сползли, запалённый, в куржаке, Ванька Мокрый коршуном налетел на Сморчу, отиравшегося у детдомовских ворот:

– Ну ты, чушок, Бритва налязгала?

– Нет, а чо, сбежала от тебя? – осмелился согреться рискованной шуткой prodrogший первоклассник, и тут же шапка его слетела от крепкой затрещины.

– Запало! Я сам утёк от неё. В тюряге и то свободы больше. А ты всё ждёшь, когда тебя добрая тётяка пригласит? Не-е, в детдоме клёвее! Да ты у добренькой без курёжки загнёшься. Знаешь, как там курить хочется! Дай зобнуть скорей, а то во рту как в конюшне.

– А меня бесит! – капризно скривился Сморча, точно сам вытерпел все муки, пережитые Мокрым.

Когда капризничают малые детки, они гундосят обычно: «Не хочу! Не буду!» Свои выступальщики водятся и среди детдомвы. Даже при известии о походе в цирк они презрительно морщатся и выдают своё на все случаи жизни: «А меня бесит!»

Будто изваженный гостеванием, ради которого он отполировал ворота, выдал капризуху и Сморча. «А я и не хотел» – помимо прочих оттенков слышалось в ней. Тем самым он как бы достойно завершал неудачное своё сторожевание.

Пацаны солидно, по-взрослому запыхали чинариками, приобнялись, как кореша, и пошли к Держе: он должен быть дома – по субботам вечерние не работают.

Теперь у Ваньки Мокрого был железный свидетель, что никакой он не отказник, а сам свалил от Бритвы.

Хотя Ванька и отошёл вроде бы от пережитого – и от побега, и от аварии, – вёл он себя немножко как-то не так. Развязно завалился в мою каморку и всё приобнимал за шею Сморчу, будто терял самое дорогое и вот отыскал. На самом деле так оно и было. Он едва не потерял жизнь. И неосознанно нервничал ещё и словно бы хватался за вновь обрётённое счастье.

Ноги мои торчали из-под койки, сам же я пыхтел и скрёбся под ней. В комнатухе то и дело отсыревали углы, и мне приходилось замазывать их.

– Это мы! – восторженно провозгласил Ванька Мокрый, точно его появление со Сморчей должно было безмерно осчастливить меня.

– Будто с того света явился, – несмотря на радостный возглас Ванюшки, не видя ещё его, отозвался я. Что-то не то сказал. Ну не прижился мальчишка у Тамары – при чём здесь тот свет?.. Однако осмыслить толком свою нелепость я не успел.

– Из-под машины, Костентин Степаныч! – не задумываясь, жизнерадостно выпалил Ванька и осёкся. Как же так?! Он, Ванька Мокрый, никакой не трепач, лишнего не сболтнёт – и свою военную тайну за просто выдал. Для пацанов его авария – ржачка; прикол – для Бритвы; а Держа расстроится...

Всё, что навалилось в последнее время на подростка, окончательно сломило его. Да ещё это дикое признание... Он обессилено опустился на пол и, прислонившись к стене, сел, вытянув нищие ноги в разбитых студёных ботинках.

Жизнь непосильная сморила его. Спасительный тёплый сон пришёл к нему на помощь. На просветлевшем лице детском различил я едва заметную перистую тень – касание смертного крыла.

Словно дитя своё родимое, я бережно поднял на руки Ванюшку и перенёс осторожно на койку.

Сердце же Витьки, зачоченевшее в ожидании *домашнего* тепла, согрел чаем с маслом и повидлом и уложил первышка рядом с дружкой его по несчастью, прикрыв обоих своим холостяцким одеялком.

Роман СЕНЧИН

Родился в 1971 году в Кызыле, Тувинская АССР. Работал монтажником, дворником, грузчиком. По окончании Литературного института вел в нем семинар прозы (2001–2003).

Регулярно публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Урал». Автор ряда романов и сборников рассказов. Роман «Елтышевы» в 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия». В 2015 году роман «Зона затопления» удостоен третьей премии «Большая книга».

Живет в Москве.

ДА ТЫ ЧЕГО!..

Поехать Петрова буквально заставили. Жена, дети, Бурковские.

– У нас вон в Коломенском такие реконструкции постоянно, – говорил он, – зачем тащиться черт знает куда?

– Почему ж черт знает куда, – отвечал с какой-то насмешливой улыбкой Влад Бурковский, давний приятель Петрова, – Рязанская область, Рыбновский район, часа три ехать, не больше.

– Рыбновский район... тарабарщина...

– Всё, собираемся! – потеряла терпение жена Петрова Людмила. – Скисли в этой Москве уже. Хоть глянем, что там за МКАДом.

Петров сдавался постепенно:

– Я рулить не буду.

– На моей поедем все вместе, – обрадовался Влад; у него для загорода была восьмиместная «Тойота»...

Всю пятницу Петровы собирались, нервно и сумбурно как люди, отвыкшие от дальних поездок. Сын, Никита, то и дело спускался в «Дикси» – за водой, за чипсами, за влажными салфетками.

– Мам, купальник братъ? – спрашивала из своей комнаты дочка.

– Какой купальник... – ворчал Петров. – Где там купаться...

Он не принимал участие в суете, сидел за компьютером, читал о том месте, куда завтра утром им предстояло отправиться, о событии, оказавшемся поводом для поездки... «Многие ордынцы утонули в реке Воже», – как раз попало на глаза. Петров хмыкнул:

– А в Воже и покупаемся как раз.

Набрал в интернете «река Вожа», и компьютер высыпал полный экран фотографий с каким-то ручейком.

– О господи, утонули...

Стал сам с собой спорить: за шестьсот лет, конечно, река могла измениться. Может, в то время это был глубокий и широкий поток. И в нем

тонули, тонули, тонули бегущие на восток от русских ратников степняки... Но была ли сама битва и если была, то каких масштабов и кого с кем – вопросы. Мнения историков расходятся...

– Ну так брать или нет?! – крикнула в нетерпении дочка Даша.

Блин, четырнадцатилетняя кобылица, а по каждому пустяку...

– Бери! – рявкнул Петров.

Тут же выскочила из прихожей, где чем-то шуршала уже минут двадцать, жена:

– Зачем купальник-то? Сейчас напихает полный рюкзак...

– В Воже покупается. Мы едем на ре-ку, – подчеркнул Петров это слово, – в которой утонули тысячи ордынских воинов.

– Ужас какой...

– Какой?.. Надо знать, куда собираемся ехать, – насмешливо заметил Петров; жена нахмурилась, что предвещало ее готовность к ссоре, и он заткнулся. Продолжил копаться в сети.

Подростком Петров очень любил историю. Об интернете тогда, в середине восьмидесятых, и не слыхивали, поэтому знания черпались из книг и журналов. Петров тратил большую часть карманных денег на литературу, перечитал всё, что было в небогатых библиотеках их маленького города, и в итоге годам к семнадцати имел более или менее стойкое представление о случившемся на планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры. Был уверен, что после школы поступит на исторический факультет местного пединститута, станет учителем, несущим детям знание о прошлом...

Поступил, стал с интересом ходить на лекции, писать рефераты и доклады. Звездой первого курса сделался.

Но тут навалилось... Сначала Лев Гумилев, следом Виктор Суворов, Бунич, Мурад Аджи, Фоменко с Носовским и еще десятки авторов, перелопачивающих вроде бы давно облагороженную лужайку истории...

Петров поглощал новое сначала с жадным интересом, потом с недоумением и в конце концов запутался, отбросил всю эту историю прочь. Ушел с четвертого курса, попал в армию на полтора года, после нее уехал в Москву и без всякого вузовского диплома стал успешным бизнесменом.

Бизнес, правда, пришлось свернуть в начале нулевых – нескольких партнеров Петрова посадили, еще нескольких разорили, – но кое-какие доходы поступали из прежних вложений тоненькими, как речка Вожа, но бесперебойными ручейками...

История, история... На одном ток-шоу Петров услышал от какого-то старикана-идеолога: «Истории нет – есть интерпретации прошлого». Старикана тут же заклевали, а Петрову эта формулировка понравилась. Действительно, в прошлом разобраться невозможно. Не только в древнем, но и в недавнем. Невозможно прийти к более или менее общему мнению не только по глобальным вопросам, но и по частным.

Раньше, выясняя отношения с женой, Петров старался доказать то-то и то-то, найти причину размолвки, скандала, а в ответ слышал от жены совсем другие аргументы, другие причины. Казалось, она всё переворачивает с ног на голову, а она была уверена, что с ног на голову переворачивает он, Петров... Житейски помудрев, они, вспыхив, просто расходились в разные комнаты, а через час-другой продолжали жить, словно не имеют друг к другу никаких претензий. Так бы и историкам. Но у них есть принципы, поиски истины и пресловутой правды, а главное – желание заработать. Оригинальная версия какого-нибудь известного события, облеченная в несколько увлекательных книжек, вполне может принести приличные деньги. История – это одна из форм бизнеса, короче...

Выезд назначили на восемь утра, но выехали в десятом часу. Выбегались из Москвы долго и трудно. Не то чтобы мешали пробки или плотное движение, просто город был, казалось, бесконечный...

Петров сидел в третьем ряду у левой двери; он был не в духе, по-малкивал, чтоб не портить другим настроение, слушал, как Влад Бурковский, до предела упрощая, а порой и неосознанно фальсифицируя, рассказывает детям, а заодно и взрослым, чему посвящен фестиваль, на который они отправились:

– Битва на Воже – первый шаг к освобождению от монголо-татарского ига. В тысяча триста семьдесят восьмом году хан Мамай послал карательное войско на Русь, слишком вольно она стала себя вести... А навстречу вышла дружина Дмитрия Донского. Русских было в несколько раз меньше, но Дмитрий Донской применил хитрость – напал, пока монголо-татары, – это словосочетание резало слух Петрова как ножом, – не разобрались в боевые порядки после переправы через Вожу. Почти все они были перебиты – пятьдесят тысяч, представьте! – а наших погибло совсем немного... Через два года сам Мамай отправился на Русь, и ему досталось – на Куликовском поле... Мы туда тоже в свое время рванем.

Постепенно по сторонам дороги стали образовываться меж торговых комплексов, фабрик, заборов, складов свободные пространства, появлялись рощицы, поля; Москва явно выдыхалась, не дотягивалась своими щупальцами досюда. А потом пошли указатели – «Островцы», «Заозерье», «Михайловская Слобода», «Дурниха», «Ивановка»... Петров приоткрыл было окно, чтоб подышать свежим воздухом, но в щель ворвалась горячая струя.

– Там пекло уже, – проворчал, – как в парилке.

Жена метнула сердитый взгляд, а Влад неунывающе отозвался:

– Наши предки в доспехах смогли выстоять, а мы в маечках и бейсболках не сумеем, что ли? – И обернулся к детям, сидящим во втором ряду. – М?

– Сосредоточься на дороге, мой Пересвет, – сказала жена Влада Олеся.

– Я всегда сосредоточен.

– Не будь самоуверен...

Влад включил радио. Зазвучала ненавязчивая мелодия. Скорей всего, «Релакс FM». Или нечто подобное.

Петров смотрел в окно. Лесочки, равнины, деревушки, городочки, виадуки... Незаметно задремал. В дреме ничего не видел, кроме разноцветных бликов... Очнулся оттого, что лицо горело – даже сквозь тонировку пробивались горячие лучи. «Скорей бы осень».

В этом году Петров поддался уговорам жены, детей, и они полетели на море – под Барселону – в конце июня. Три недели мелькнули и кончились, и снова Москва. Остаток лета мучились... Надо было дотянуть хотя бы до середины июля, вернуться как раз в эти дни. Пришли в себя за неделю, а там уж подготовка к школе, то, сё...

Родители и у Петрова, и у жены Людмилы, которая тоже не москвичка, умерли, с родней связи порвались. На родину так просто не поедешь, да и что там делать – в Бугуруслане, откуда жена, в Сергаче, откуда Петров?

У них был загородный дом. Правда, слишком уж загородный... Лет десять назад Петров сдуру купил участок в семнадцать соток в деревне Рождествено недалеко от городка Вереи, поставил рядом с избой-заваляхой летний домик. Водопровода в их части деревни не было, ехать было неудобно, дом оказался какой-то неудобный, и бывали там Петровы

семьей считанные разы. Самому Петрову приезжать приходилось чаще, чтоб показать – усадьба не брошена, есть хозяин, пригляд. Но все равно подворовывали – то доску оторвут, то аккуратно стекло из рамы вынут.

«Состарюсь, – думалось иногда Петрову, – и переселюсь сюда. Доживать». В сорок шесть лет он иногда чувствовал себя совсем развалиной. Хотя вроде ничего не делал...

– Та-акс, – голос Влада Бурковского, – где-то здесь должен быть поворот на Глебово... Не этот...

– Включи навигатор, – велела Олеся. – Сейчас будем кружить тут.

– Еще б я навигатором пользовался в родной стране!

С минуту Олеся терпела, а потом начала истерить:

– Ну и чего? Где твой поворот? Вла-ад!..

– Сейчас будет! – взвизгнул он; Петров поежился: «Еще их скандал слушать не хватало».

– Когда?

Поворот действительно оказался «сейчас». Правда, пришлось подождать на трассе, пропуская, по приказу регулировщика, поток машин со стороны Рязани, сворачивающих на узенькую дорогу в сторону Глебова-Городища.

– А ведь они все туда, – пробормотал Влад, – на фестиваль...

Наконец регулировщик махнул жезлом: можно и вам.

Олеся расслабилась, выдохнула:

– Извините, что чуть не завелась. Устала просто. Часа три уже едем?

Влад не ответил, дети притихли, Людмила копалась в смартфоне.

Пришлось подать голос Петрову:

– Где-то так... До места Куликовской битвы, видимо, в сто раз ближе.

– С чего эт? – фыркнул Влад. – Оно в углу Тульской области вообще...

– Есть серьезные причины считать, что битва состоялась под стенами Кремля.

– Так-так, давай-ка без фэнтези. Мы за единый учебник истории. Правда, Олеся?

– Да я тоже, – поспешил сказать Петров. – Но куда от нюансов деться?

– В печь их! Нечего народу мозги засорять. Главное, что мы – победили, и это всё, – Влад, не забывая красоваться, оторвал руки от руля и развел их в стороны, – всё это – наше.

Петров посмотрел в одну сторону, в другую. Вспученная холмами, изрезанная заросшими травой оврагами земля, казалось, глубоко и тяжело спала... Проехали мимо деревеньки под названием Алёшня, и не увидели ни одного жителя. Наверняка они прятались от жары в домах, но Петрову стало тоскливо.

Подмывало поспорить с Владом, нет, даже не поспорить, а противоречить его уверенному тону. Сдержался, не стал.

– Люда, вода есть у нас? – спросил.

– На, пап, – Никита протянул бутылку с «Кока-колой».

– Нет, воду хочу.

Жена нашла воду в одном из пакетов, которыми обложились еще в Москве.

– На, только она теплой стала.

– Ничего.

Когда проезжали деревню Пальные, тоска усилилась до такой степени, что и противоречить расхотелось. Представилась кучка закопченных человечков – пальных, – пришедших на это место, сколотивших

неказистые домики, которые тоже вот-вот сгорят, и людишки пойдут куда-нибудь дальше. Крошечное, вымирающее племя...

– Не хотела бы я жить в селе с таким названием, – сказала Олеся.

– Да, жутковатое, – ответил Влад, – но и героическое.

– В каком смысле?

– Раньше специально устраивали пал, чтоб преградить путь монголо-татарам и другим завоевателям. Тут где-то и речка есть – Пальная, и вообще такие названия часто встречаются на востоке и юге...

– Богатые у тебя познания, – усмехнулся Петров.

– Что ж, готовился к поездке... А вот мы уже и на месте почти!

Это и так было очевидно по скоплению машин и людей. Причем многие машины двигались – одни пытались пробиться дальше по сузившейся от припаркованных справа и слева автомобилей дороге, другие ехали им навстречу. Водители сигналили, кричали, пятились... Люди тоже шли в обе стороны довольно плотными потоками.

– Неужели уже закончилось? – с готовностью забеспокоилась Олеся.

– Сейчас узнаем. Вообще-то по программе до четырех часов мероприятия...

Влад попытался проехать ближе к вероятному месту фестиваля, но вскоре отчаялся – приходилось то и дело сдавать назад, пропуская едущих навстречу, к тому же пешеходы буквально лезли под колеса, – нашел приемлемую щель меж двух стоящих машин и втиснул туда «Тойоту».

– Двери открываем осторожно, – предупредил, – соседей не царапаем.

Вылезли, скорее надели бейсболки. Заражаясь общей суетой, поспешили к виднеющейся вдали церкви, от которой долетали обрывки усиленной колонками мелодии.

– Скажите, а там что-нибудь продолжается? – спросил Влад идущего навстречу пузатого мужика с бородой и в майке Супермена.

– Продолжается... Теплового удара боюсь... Нафиг...

– Продолжается! – бодро объявил Влад. – Вперед! – И почти побежал.

Его дочка Ариша, дети Петрова, а также Олеся и даже Людмила послушно последовали за ним. Сам же Петров, наоборот, сбавил шаг: бодрость другого мужчины, моложе его, выше ростом, задевала.

Шел медленно, с каждым метром всё сильнее раздражаясь, что приходится идти под солнцем так долго. Мысленно поругивал Влада; самому Петрову сейчас казалось – он бы проехал на полкилометра ближе...

Глебово-Городище, по крайней мере та улица, по которой двигался народ, оказалось довольно симпатичным селом. Свежевыкрашенные в зеленый, синий, бордовый, сочно-желтый цвета избы, заборы, ворота, колодцы... К колодцам тянулись длиннющие очереди. Увидев первую же, Петров вспомнил, что воду-то из машины не взяли, и ему сразу захотелось пить.

– Ну ты где? – появилась жена. – Мы тебя потеряли.

– Воду забыли...

– Там купим. Пошли быстрее.

На вершине холма – церковь. Часть белоснежная, недавно отреставрированная, часть – почти руины. Каждый метр тени под стенами занят людьми... Справа от церкви торговые палатки, слева, под крутым склоном, площадка для выступлений. Там как раз представляли доспехи воинов.

– ...А сейчас мы видим шелом с полумаской и круговой кольчужной бармицей, – говорил в микрофон ведущий, сам одетый в костюм какого-то холопа. – Полумаска, конечно, защищала лицо воина, но в то же время затрудняла обзор... Чаше мы можем встретить шелом с наносником...

Люди в доспехах ходили тяжело, медленно. Казалось, сейчас попадают на траву и придется вызывать вертолеты с бригадами реаниматоров.

Бурковские и дети уселись на склоне, а Петров с Людмилой пошли погулять по рынку.

Подобных им гуляющих были сотни. Бессмысленная толчея. Причем лица выражали не радость присутствия на празднике первой большой победы русского оружия над ордынцами, а муку и недоумение: зачем мы забрались сюда в такую погоду, что делать, куда спрятаться...

Лишь ребятишки были, кажется, довольны. Бегали с деревянными и пластмассовыми мечами, луками, арбалетами, булавами... Правда, то и дело раздавался детский плач...

В палатках ничего интересного, особенного не увидели. Сувениры, пряники...

– Есть вода простая? – спросил Петров, наткнувшись на палатку с напитками.

– Вода кончилась. Вот взварчик возьмите. Хорошо жажду утоляет.

Петров глянул состав.

– Это типа компота?

– Почти... По древнерусским рецептам. Прохладный, под брезентом держу.

Петров купил две литровые бутылки, выложив за них триста рублей...

Попили с женой крепкосладкого взвара на свободном пятаке под стеной церкви, поглазели на памятник в виде копий и щитов, вернулись к Бурковским. Петров уселся по возможности удобней на крутом склоне и решил сидеть тихо, без комментариев и предложений поехать отсюда. Что ж, детям, кажется, интересно...

После доспехов произошло короткое «массовое сражение по правилам маневров», как значилось в распечатанной Владом программе. В сражении участвовали человек по пятнадцать с обеих сторон... Петрова все-таки потянуло поиронизировать над «массовостью», но он вовремя вспомнил, что в каком-то серьезном фильме видел одну из знаменитых средневековых битв англичан с шотландцами, так там сошлись тоже с полсотни мужичар и порубили друг друга. Оставшиеся в живых несколько шотландцев стали махать топорами и кричать, что их победу будут прославлять в веках. Так оно и получилось... Может, такая вот «массовость» ближе к истине, чем слова летописцев – «рать безмерно велика была», «несчетно множество их избиша»...

По окончании довольно схематичной битвы был концерт фолк-рок группы. Музыканты с непокрытыми головами мужественно пели около часа. Причем фолк и рок в композициях перемежались поистине с математическим постоянством: сначала мощно гремели ударник и басист, затем они почти смолкали, зато вступали скрипка и дудочка, а после их партии, под перебор акустической гитары, звучал чистый, молодецкий голос вокалиста:

За деревней у реки кто с утра уж трудится?

Уперев свой взор в огонь, кто сурово хмурится?

Кто свой трудный день начал с именем Сварога?

Кто в почете у людей, под защитой Бога?..

– Сварог, это ведь языческий бог? – когда музыка слегка притихла, спросил Влад.

Петров, поморщившись, кивнул. Объяснять, что вообще «Сварог», скорее всего, отсебятина переписчика летописи, жившего не раньше

пятнадцатого века, желания не было. Существовал у славянских язычников Сварожич, но и с ним не всё ясно...

Пока группа исполняла то героические, то лирические песни, на поляне шла установка приспособлений для конных состязаний. Натягивались веревки, втыкались штыри с кольцами; полная женщина принесла и высыпала на траву из мешка кочаны капусты.

Конники копытами снимали кольца со штырей, рубили саблями и мечами капусту и яблоки, пытались поднять с земли разбросанные платки. Те, что скакали быстро, в основном терпели неудачу, зато медлительным, на «манежном галопе», как насмешливо заметил ведущий в одежде холопа, чаще удавалось выполнить задание...

Публика хлопала, одобрительно охала, когда у конников получалось, порой раздавались смешки. Особенно потешен был единственный участник в доспехах ордынца. В седле он держался нетвердо, никак не мог справиться ни с копьем, ни с саблей. Смешило и его имя – «темник Котий».

– Если все монголо-татары были такими, – заметил Влад, – то ничего удивительного, что в Воже перетонули.

– Любимый, не критикуй, – пошлепала его по ноге жена. – Ты бы ни одного кольца не снял.

– Так я и не берусь...

Победил в итоге наездник из медлительных. Когда ведущий объявил, что ему шестьдесят пять лет, посвистывания сменились на вполне искренние аплодисменты.

А потом народ потянулся вверх по склону, к дороге. Фестивальные мероприятия закончились.

Теперь Петров шел впереди Бурковских, жены и детей. Страшно хотелось пить, сухость во рту сделалась после взвара особенно противной – кисло-горькой, с привкусом забродившего яблока.

Возле первого от церкви колодца толпилось не меньше сотни людей. Впереди было еще два. Но у второго отсутствовало ведро.

– Спецом местные сняли. Сволочи, – говорили подходившие к колодцу.

Петров прибавил шаг, намереваясь обогнать основную массу тех, кто возвращался к машинам. Размечтался – а что еще оставалось? – о бутылке холодной воды, о том, как дома ляжет в прохладную ванну... И тут в спину ткнули. Не больно, но остро, словно пальцем.

Решив, что это сын догнал и решил пошалить, Петров сделал сердитое лицо и резко обернулся.

Вместо Никиты шагах в пяти стоял пацаненок лет восьми с арбалетом в руках. Так же сердито смотрел на Петрова.

– Ой, вы извините! Извините, пожалуйста! – стала плаксиво тараторить пожилая женщина, видимо, его бабка. – Устал, вот и вытворяет... Нельзя так, Гордей!

Понимая, что разборки отдаляют его от воды, Петров пошагал дальше.

– Подбери стрелу-то! – раздался совсем уже не плаксивый голос пожилой.

К колодцу тянулась вереница примерно из десяти человек. Вода явно была... Петров почти подбежал, встал в очередь.

– Сашка! – крикнул щупленький полутораметровый мужичок в выгоревшей до бесцветности рубахе, наполняя бутылку. – Неси еще, кончается!

Петров увидел на бортике колодца ведро с цепью. Оно было на треть полно беловатой жидкостью.

– А что с этой? – спросил он стоящего впереди парня.

– Да кончилась, видно.

– Хм, а я думал, это у Толстого гипербола...

– Чё? – парень насторожился.

– У Льва Толстого в романе «Война и мир» есть такое: «Солдаты выпивали воду в колодцах до грязи». Я думал, он преувеличил – оказывается, действительно бывает.

– М-м...

– Сашка, да где ты там?!

Мужичок был слишком деятельный, вошел, как говорится, в раж. «Может, пьяный?» Да нет, на пьяного не был похож... «Перегрелся на солнце».

Здоровенный, голый по пояс, лет тридцати пяти Сашка принес воду. Мужичок сунул ему пустое ведро:

– Еще тащи. Людей вон сколько. Пить хотят. Давай, давай!

Сашка, видимо, был сыном этого полутораметрового. Без споров, хотя и без радости, побрел вглубь улицы. Наверное, у них был свой колодец во дворе, или скважина пробита...

Подошла очередь Петрова наполнять бутылку.

– Холодненькая, – приговаривал мужичок, – пейте на здоровье...

– Спасибо.

Петрову захотелось отблагодарить его. Достал деньги, быстро выбрал две сотки, протянул.

– Да ты чего? – мужичок отшатнулся. – Чтоб я за воду деньги брал?! Бери свою баклажку и мотай отсюда.

Петрова обожгло это «мотай»:

– А вы что хамите? Я от чистого сердца хотел...

– От сердца... Грязное оно, значит – деньги за воду совать... Отходи, не задерживай, людей еще сколько вон ...

– Что случилось? – подбежал Влад. – Что у вас тут?

– Забирай приятеля, а то я его, – расхохотался мужичок. – Обидел он меня... Деньги за воду...

– Действительно, пустите к ведру, – заговорили за спиной Петрова. – Что там? – еще дальше, – он все бутылки, что ль, набирает себе?!

– Ладно, как хочешь, – дернул головой Петров, сунул сотки обратно в карман. – Пойдем, Влад, от этого солнцем ударенного.

Мужичок то ли не услышал эпитета, то ли сделал вид, что не услышал. Осторожно наливал воду из ведра в маленькое отверстие жестяной банки из-под «Спрайта».

Петров широко, решительно как-то зашагал в сторону машины, еще не понимая, что об этом случае он будет вспоминать очень часто.

Мария ШАКИРОВА

Родилась в 1987 году. Окончила факультет русской филологии и журналистики Елабужского государственного педагогического университета, а также экономический факультет Казанского института социальных и гуманитарных знаний.

Работает специалистом по контролю затрат на предприятии машиностроения, преподает русский язык как иностранный.

Участник II слета молодых литераторов в селе Большое Болдино (2015). Живет в Елабуге.

ПЕРСИКОВАЯ КОСТОЧКА

Детство – зажата в руке персиковая косточка, и я спускаюсь с ней во двор. Мне пять, почти шесть, и весь мир сужен до маленького тенистого пятачка возле шелковицы и соседа Алика, к которому я иду.

В другой руке у меня папка с альбомом и карандашами. Я уже месяц хожу в художественную школу. Сейчас лето, но все равно есть занятия, они называются подготовительными. Школа на той же улице, что и наш дом, поэтому я хожу туда вот уже вторую неделю сама.

Каждый раз по пути я встречаю бездомного дедушку с большой корзиной, полной цветов. Он раздает их всем женщинам, каких только встретит, даже таким маленьким девочкам, как я. У него морщинистое лицо и густые грозные брови, но глаза добрые-добрые. Это такой дедушка, который несет вместе с собой целое небо, наполненное запахом роз и гвоздик.

До начала занятия рисунком еще есть время, чтобы найти Алика и показать ему косточку – самую большую, что когда-либо видела. Это дело никак нельзя отложить, ведь мы вместе их собираем, разглядываем часами и не можем представить, как из шероховатых твердых косточек появляются большие и теплые деревья, что дарят бархатистые сочные плоды.

Семья Алика приехала в прошлом году. Я помню, как впервые его увидела: мы с бабушкой вышли в магазин, а он играл с мячом возле нашего подъезда. Бабушка остановилась и подробно выпросила, кто он и откуда. Узнав, что они переехали сюда всей семьей, она сказала: «Добро пожаловать!» И мне потом объяснила, что так всегда надо говорить, когда кто-то пожаловал.

Алик мне сразу понравился. То ли он сам, то ли его красный мяч, сложно разобраться в чувствах, когда тебе так мало лет. Следующее, что помню: мы разглядываем косточки в тени шелковицы и отбираем одинаковые по размеру – старший брат Алика делает из них сережки и продает на базаре.

Алик рассказывал мне об армянских цыганах и о том, как они жили, пока не перебрались в Ереван. В плохую погоду мы сидели под навесной крышей старой голубятни и рисовали: я – цветы, а он – черные камни-обсидианы, которых так много разбросано по окрестным горам.

В тот день я спустилась во двор с самой большой косточкой, но нигде не могла найти Алика. Я уже собралась идти на занятие рисунком, как за мной вышла бабушка и быстро увела обратно домой. Помню, воздух вокруг нее был напряжен, словно и она несла вместе с собой небо, только черное и тревожное, как перед грозой.

Несколько дней меня не пускали гулять. На мои вопросы взрослые только хмурились, вздыхали или начинали злиться. И только Алик потом рассказал, что случилась большая беда: соседа, который возвращался домой ночью, избили и обокрали. К утру, когда его нашли дворники, он уже умер. Умер – это насовсем перестал дышать.

Когда я узнала, о ком именно он говорит, то расплакалась и долго не могла успокоиться. Это был сосед, что жил этажом ниже, всегда угощал меня свежим хлебом матнакаш и учил, что хлеб вкуснее всего есть с мороженым.

Алик объяснил, что все взрослые очень напуганы, а когда они напуганы, то злятся и начинают бояться всего чужого. Но как им пришлось в голову начать бояться Алика и его семью, я до сих пор не знаю. Только помню момент, когда отец запретил с ним общаться и даже здороваться – рассерженный голос над головой, словно раскат грома.

Очень скоро семья Алика уехала и больше я о них ничего не слышала. Я играла с другими девочками в дочки-матери, прыгала на скакалке или уходила под тень шелковицы и рисовала черные камни-обсидианы.

Каждый вечер, прежде чем лечь спать, я выглядывала в окно моей комнаты, что выходило на соседний двор. В его центре стоял старый дом с разрушенной мансардой, где никто не жил, но по вечерам горел свет.

– Что за свет там горит? – спрашивала я бабушку, словно разыгрывала любимую сказку.

– Это свет от лампы.

– Но в доме никто не живет! – удивлялась я.

– Там живет дедушка, что раздает цветы.

– А тебе он дарит цветы? Мне – каждый раз!

– Конечно! Он всем дарит, – отвечала бабушка с загадочной полуулыбкой.

– Ты давно его знаешь? – спрашивала я, уже зная ответ.

– Мы вместе росли.

– Как мы с Аликом?! – восклицала я тогда.

– Как вы с Аликом... Спи...

Этот разговор повторялся изо дня в день до тех пор, пока был мне нужен. А потом мы переехали в новостройку на другом конце города, где у меня появился совсем другой вид из окна и новые друзья.

Я давно выросла, давно поумнела и в чем-то поглупела сверх меры, но и теперь, вспоминая детство, вижу огонек, горящий в мансарде среди густеющих сумерек, а еще раскидистую тень шелковицы и целую гору персиковых косточек. Одну из них, самую большую, я сжимаю в руке до сих пор. Чувствую ладонью щербинки, зазубрины – все, с чем приходит в этот мир душа.

В моей жизни остались художественная школа, где я преподаю уже двадцать лет, и привычка есть хлеб с мороженым. Иногда после заня-

тий я захожу в старый двор, сижу на скамейке, закрыв глаза, и слышу острый запах гвоздик и нежное благоухание роз, обволакивающий все вокруг. Мысленно я обнимаю то огромное дерево, чьими шероховатыми косточками мы с Аликом когда-то были, и словно возвращаю свою душу в бескрайний космос.

В этом космосе есть все, с кем я рассталась за долгую жизнь, и я ощущаю их любовь. Ее так много, что она наполняет меня, переливается через край. И теперь уже я, как когда-то другие взрослые, несу вместе с собой целый мир. В нем всё раскрашено яркими мазками и наполнено ароматом фруктов, которые я раздаю в конце каждого урока своим ученикам: гранаты и персики, абрикосы, сливы, яблоки – в зависимости от времени года. Дети уходят домой, наполненные тем, что когда-нибудь назовут счастливым детством.

Дай бог, чтобы назвали!

Венедикт ПОНОМАРЕВ

Родился в 1986 году в Дзержинске Горьковской области. Окончил Нижегородский госуниверситет им. Лобачевского, работает юристом.
Живет в Дзержинске.

СВОЙСТВО КОНЬЯКА

Комната снова наполнилась сигаретным дымом. Он поставил пепельницу на живот и, затягиваясь, смотрел, как она набрасывает свой лёгкий халатик.

– Ты стареешь.

Лена обернулась и недоумевающе поглядела на него:

– Какой ты ласковый сегодня. Тебе было плохо ночью?

– Нет.

– Почему же я старею?

– У тебя появились первые признаки целлюлита. И потом, ночью я проснулся от твоего храпа, не слишком громкого, но всё же достаточного, чтобы прервать сон.

Она смотрела в его глаза, которые этим утром перестали что-либо выражать. После этих слов появилось чувство растерянности, она не знала, каким образом на них реагировать: то ли улыбаться, то ли скорчить обиженную рожицу, чтоб хотя бы извинился, всё равно ведь было неприятно. Приемлемым оказался первый вариант, и она попыталась выдавить из себя улыбку. Зрелище, судя по всему, оказалось плачевным – он отвернулся.

– Что же, я старая и храпящая, больше не интересую тебя как женщина? А?

Ответа не последовало. Она подошла к нему и села на краешек кровати, разгладила его волосы, подумав, что возраст придаёт мужчине какое-то необъяснимое обаяние. Некоторые особи мужского пола, как коньяк при условии оптимального хранения (исключается злоупотребление алкоголем), становятся только лучше от времени. Как назло и человек, лежащий в её кровати, обладал свойством коньяка – она не могла упрекнуть его в том, что он постарел – его года действительно были его богатством. Невольно она подумала о своём возрасте. А ведь он прав. Настало такое время, что несмотря на омолаживающие кремы, на утренние пробежки, бассейн, масла с красным сухим раз в две недели, на лбу будут появляться морщины, грудь виснуть и становиться мягкой. А впрочем, она себе льстила. Всё, чего так боятся большинство женщин, уже давно начало в ней проявляться, только раньше это было заметно лишь ей, а сейчас увидел и он.

Лена прижалась к его щеке и поцеловала, уколов губы об жёсткую щетину.

– Мне так хорошо с тобой! Ты лучше всех на свете!

Он недовольно заёрзал и попытался вырваться из её объятий. Это был плохой знак – мужчина устал. Вопрос был только в том, от чего он мог устать. Но выпускать она его так просто не хотела.

– Ну... Ну ладно, хватит нам валяться, мне домой надо скоро ехать, жена опять скандал закатит. Сделай мне омлет, хорошо?

– Конечно, нет проблем.

Он просунул свои ноги в тапочки и быстро побежал в ванную. Она проводила его взглядом.

– А кофе тебе сварить? С сахаром или без? Могу добавить ликёра, получается очень ароматно!

– Нет, не надо. У тебя есть водка?

– Водка? А зачем она тебе?

– Ну есть или нет?

– Кажется, была, сейчас посмотрю. Ты что, с утра собрался пить? Я понимаю, конечно, суббота, но не с утра же пораньше!

– Это для конспирации, сейчас выйду и всё объясню. И ещё лука почисти, если не сложно.

Она вытащила из шкафа уже начатую «Гжелку» – как-то с Алкой вспоминали пятый курс МГУ, вот веселье-то было, решили как в старые добрые. Но на много обезумевших тёток не хватило, вот и осталась недопитая бутылка.

Через несколько минут на столе стоял омлет, водка в гранёном стакане и очищенная луковица. Он вошёл на кухню уже одетый, но небритый.

– Почему ты не побрился?

– Это затем, чтобы благоверная моя думала, что я вернулся с грандиозной пьянки. Для этого, кстати, мне и водка нужна – мол, был на мальчишнике «кому за сорок», надрался с друзьями, всю ночь ругался матом и закусывал водку луком! Как, убедительно?

– Не очень, – сказала она разочарованно. Он недовольно принялся есть.

– Ну уж убедительнее того, если я приду домой гладковыбритый и сытый!

– Тебе виднее, я твою супругу не знаю. Может, она у тебя в совершенстве познала дедуктивный метод Шерлока Холмса. Я бы тебя в момент раскусила.

– Каким образом?

– У тебя не красные глаза – это раз. Весь твой вид выдаёт, что ты свежий, несмотря даже на твою небритость – это два. Ну и потом, после распития спиртных напитков на протяжении всей ночи остаётся не просто запах водки, а воняет чем-то ещё более отвратительным – это три. А четвёртое будет то, что твоя супруга, впрочем, как и я, знает тебя как облупленного. К тому же, Лёша, ты совершенно не умеешь врать!

Поднесённая ко рту вилка застыла в воздухе. Он уставился на неё. Зная эту женщину уже полтора десятка лет, он всё время открывал в ней что-то новое, вот и теперь его удивил её «метод дедукции». А говорят, что у женщин нет логики! Она есть, да ещё какая! Может быть, не у всех. Например, вспоминая свою жену, Алексей начинал сомневаться, что она способна логически мыслить. Впрочем, это было предвзятое мнение, сначала оттого, что он её сильно любил (а в любви законы логики вообще не действуют), а потом оттого, что она слишком сильно ему приелась. Но, наверное, и она умела логически мыслить, просто он не хотел этого замечать.

– Я умею врать!

– Нет. Может, на крупную ложь ты и способен, но мелкая бытовая тебе не по плечу.

– Какое-то несоответствие получается: я могу соврать что-то очень серьёзное, в то время как на мелкую ложь не способен. Я правильно тебя понял?

– Да, но несоответствия нет! Мелкую ложь ты не воспринимаешь всерьёз, поэтому она тебя смешит, это тебя и выдаёт. Короче, поэтому ты не актёр, а так все данные имеются. Не хочешь попробовать на старости лет?

– Зато ничто не мешает тебе развивать в себе философа, как я погляжу, – ему переставал нравиться этот разговор. Она это поняла и закусила губы. Дела и так шли плохо, а тут она ещё дала мужчине почувствовать, что умнее его. Надо было срочно уматывать в ванную и оставить его наедине с завтраком.

Он опрокинул четверть стакана водки и засунул в рот сразу полуковицы – на голодный желудок просто смерть, для того, чтобы не умереть, он и заказал Лене омлет. После того, как эффект прошёл, Алексей снова задумался. Пора было завязывать с этой двойной жизнью. У него подрастала дочка и уже начинала понимать, что в семье происходит что-то неладное: супруга стала чрезмерно подозрительной, а он слишком невнимательным... Сначала он боялся этих отношений, но ничего не мог с собой поделать – ни седины, ни бороды тогда ещё не было, а бесы уже гуляли по всему скелету. Но теперь надо было ставить точку. Разводиться он никогда не думал, какой бы ревнивой ни была его супруга, она всё же его устраивала, и прежде всего своей глупостью, а Ленку он боялся – она была умна. Да и потом, ей самой уже пора искать мужа, рожать детей, а не играть роль любовницы.

Лена автоматически что-то напевала себе под нос, хотя настроение было паршивым. Может быть, просто стоило отвязаться от него, найти себе неженатого человека и жить нормальной семьёй со всеми вытекающими последствиями, например, в виде детей (ей так хотелось ребёнка). Но что-то было в этом человеке, что удерживало её от разрыва. И, как ни странно, это была его женственность. Нет, не пошлая голубизна мальчиков с обложек модных журналов – Лена считала, что это не женственность, а извращение – нет... Она окрестила это качество «мужской женственностью»: настоящий мужчина – это не гладковыбритая и слегка пьяная особь, настоящий мужчина чуточку женствен, из-за этого он знает, как сделать ей приятно во всех отношениях. Но у этого качества были и плохие стороны: понимая женщину, можно сделать ей очень больно. С ним всё так и было...

– Лен, закрой дверь, я пошёл, – он заглянул в ванную и окинул безучастным взглядом ее фигуру.

– Больше не останешься?

– Нет, чего рассиживаться, всё равно надо уходить.

– Конечно, своё получил и свободен, – она сказала это приглушённо, быстро и раздражённо запахивая халатик, но её слова были услышаны. Он промолчал.

– Ну, чего стоишь? Топай давай к супруге, я умоюсь наконец-то.

По его лицу было видно, что эти слова повергли его в лёгкий шок. Он несколько мгновений простоял, растерянно смотря на неё, потом раскрыл входную дверь и вышел из квартиры не попрощавшись.

– Поздравляю, теперь ты нашёл повод больше не появляться у меня! Скатертью дорога! – Лена прокричала это с обидой и, хлопнув дверью, опёрлась на неё спиной. Всё было кончено, даже если он когда-нибудь и придёт к ней, она его не примет – ей надоело быть любовницей, она хотела быть любимой.

Куда-то пропал аппетит, желание умыться, заправлять постель. Хотелось просто броситься на мягкую пуховую перину и пропитать её горькими слезами. И женщина заплакала – свойство коньяка по-прежнему не давало ей покоя, получилось так, что она возненавидела объект своего обожания, но при этом не в силах была оставаться без него.

– И где этот мерзавец, который утверждал, что безвыходных ситуаций не бывает? – сквозь всхлипывания доносился ее шепот.

Он вышел из подъезда, приятно морщась от весеннего солнца – март распогодился. Скоро сойдёт снег, и зелёные улицы снова помянут его пьянящим ароматом молодости. Скоро он снова купит бутылку дешёвого портвейна и пойдёт с друзьями по московским дворам, вот только ненаглядные девочки, некогда стройные и одурманивающие, давно располнели и потеряли притягательность. Не будут, как прежде, пьяные ребята штурмовать карнизы общежитий ради поцелуя (а может, и больше) любимых дам. Не будут бегать от милиции по подворотням старого города. Они лишь встретятся, выпьют дешёвое вино, которое поначалу ободрит их вкусом молодости, а потом у одного заболят от него почки, другой захочет добавить и покинет компанию. И всё то, что будет, произойдёт без неё...

Что-то оборвалось внутри. Долю секунды он хотел войти обратно в подъезд, подняться вверх и остаться с Ленкой навсегда. Но это было мимолётное желание, жену он всё равно никогда не бросит. Поэтому он поплёлся к машине, навсегда покидая стены этого дома.

Снова закурил, завёл двигатель и начал протирать стёкла. Аккуратно оглянувшись на её окна, она не смотрела, как обычно, и не махала рукой, за оконными стеклами стоял полумрак. Пора было ехать, но как не хотелось. Хорошо, что машина была грязной, – было что протереть, а следовательно был повод немного задержаться. Но долго это длиться не могло.

– А гори всё синим пламенем, пора домой. Я тоже не виноват, что у меня семья и дочь, мне её тоже надо растить, а не исполнять прихоти взбесившейся с жиру бабы!

Он кинул окурочку на асфальт, сильно хлопнул дверью и, трогаясь, снова взглянул на её окна, чтобы укрепиться в своём намерении порвать с ней. Но это не подействовало – она стояла и смотрела на его отъезд. Ком подкатил у обоих к горлу. Глаза наполнились слезами так, что когда оба проморгались, то потеряли друг друга из виду – он завернул за угол и очнулся только перед поворотом на главную дорогу. Машина понеслась в сторону дома, автоматически переключая скорости...

Надя стояла у окна и выжидала, когда появится супруг. Слишком часто он стал задерживаться вечерами, а то и вовсе не появляться до следующего утра. Постоянные разговоры о расширении бизнеса (слово, которое Надя не переносила на дух) начали настораживать, а потом

вообще потеряли какой-либо смысл – о каком расширении могла идти речь, когда дело стояло на месте и двигаться не собиралось. Наташка постоянно спрашивала, где её папа, почему он не забирает её из школы. Что она могла ей сказать? Что папа спит с молодой тётенькой, так как мама его мало интересуется? Надя была в отчаянии. Она знала про долголетний роман Алексея. Конечно, сначала она была в неведении и верила нелепым байкам мужа, который, кажется, считал её полной дурой. Потом он настолько обнаглел со своими любовными игрищами, что стал показываться со своей пассивностью на людях, из-за чего и был не раз застукан Надиными подругами, которые немедленно докладывали ей об увиденном. Она уже не знала, что делать, и просто ждала его.

Из-за поворота вырулила его машина и остановилась у подъезда. Стёкла, фары, поворотники, всё было протёрто – значит, он не дико устал, как, наверное, будет говорить: если бы устал, то не стал бы заниматься машиной. Надя отошла от окна, включила телевизор и стала ждать. Наташка ещё спала.

Звонок раздался не сразу, сначала Лёша потеревбил ключами замок, потом поняв, что дверь закрыта изнутри, позвонил.

«Сейчас я тебе устрою, кот мартовский», – Надя предвкушала, как выскажет ему всё, что о нём думает, и выставит за дверь, пускай уходит к своей любовнице. Но, открыв дверь, не смогла выдать из себя ничего, кроме жалкого приветствия. Взглянув на него, она не позволила себе всё сказать – слишком любила его и готова была терпеть даже такое унижение, как измена.

– Наташка спит?

– Конечно, ты на часы-то глядел? Опять заявляешься под утро.

Он прошёл на кухню, вытащил из холодильника бутылку минералки, налил себе стакан и выпил залпом. Потом устало стянул с себя куртку и прошёл в спальню. Надя тенью проследовала за ним, кусая губы и ругая себя за слабость. Он упал на постель и прикрыл ладонью глаза.

– И где ты на этот раз был?

– В дерьме. – Ответ ошарашил Надю. – Я давно уже пребываю в дерьме. И прошу тебя, не надо больше ни о чём спрашивать, если ты не хочешь скандала.

– Ты поедешь сегодня ещё куда-нибудь?

– Нет. Я больше уже никуда не поеду...

Надя стояла в оцепенении. Что с ним могло случиться? Проблемы на работе? Ещё какие-то проблемы, о которых можно было только догадываться? Но это было уже не важно. Главное то, что он теперь останется с ними, хотя бы на этот день.

Она неслышно подошла к кровати и легла рядом, уткнувшись в его шею. Он тихо вздохнул и обнял её рукою.

– Надь, мы так давно не проводили вместе выходных, давай возьмём Наташку, ходим в парк, посидим в кафе?

– Давай! Вот только она проснётся, и мы позавтракаем.

Мария МИКИЙЧУК

Родилась в 1986 году в Арзамасе-16 (ныне Саров).

Окончила филологический факультет Нижегородского госуниверситета. Работала библиотекарем в детской библиотеке им. А.С. Пушкина, педагогом на станции юннатов, в настоящее время работает в гимназии.

Живет в Сарове.

ВЫПАВШАЯ ДРИАДА

Он не сразу понял, что это не куст, а восторженные волосы с застрявшими листьями и ветками. В парке было темно, сыро, промозгло, только тускло сияли фонари, источая рыжее сияние из своей белой сердцевины, будто кровотока. С деревьев падали камушки ледяных слёз, прицельно, прямо за шиворот. Женя повернулся и посмотрел на полуразрушенную скульптуру, пытаясь, как каждый раз, угадать, для чего она здесь. Незаконченный набросок фонтана? Подставка для памятника? Чаша? Грязно-белая, наполовину развалившаяся, как надкушенный гриб, незаконченная... Женя любил ощущение незавершённости. Он и сам в каком-то смысле был художником набросков несколькими штрихами.

В такую погоду в парке обычно никого не было. Женя любил дождь именно за это: парк пустел, и более всего Женя не любил прохожих, решивших срезать себе путь через проложенные по парку дорожки. Одетые в дешёвые деловые костюмы, с деловым выражением на лице, они были чужаками на этом молчаливом кладбище деревьев со стоящими над павшими ветвями и листьями скорбными родственниками. Но осенним вечером, когда темнело рано, да ещё и в дождь, здесь было безлюдно.

Женя обратил внимание на необычный куст совершенно случайно — он дрожал в другом ритме, а, как любой ранее близорукий человек, Женя быстрее улавливал изменение ритма мира, чем визуальное изображение.

Он подошёл к кустам бересклета и склонил голову набок. Ребёнок сжался в комочек и перестал дрожать. Женя приподнял одну бровь — слишком ярко сияли звёздочки дождя в волосах, слишком сильно — они были похожи на маленькие галактики, заключённые в каплю. Неужели?..

Стараясь сдержать возбуждение, Женя присел на корточки и раздвинул кусты. Ребёнок настороженно посмотрел на него; огромные глаза цвета клюквы на бледном лице, и Женя едва удержался от восхищённого вскрика — это был не ребёнок, а девушка-подросток. Она. Выпавшая

дриада. Женя мечтал встретить её с тех пор, как был совсем маленьким и гулял среди этих деревьев, осторожно постукивая по коре, говоря с деревьями.

Женя протянул руку, не улыбаясь. Ладонью вверх. Предложение помощи.

Дриада снова внимательно и растерянно посмотрела на него своими глазами, залитыми горячим клюквенным морсом, а потом осторожно протянула свою ледяную грязную белую руку и вложила в его руку.

– Какой чай ты любишь? – спросил Женя, не оборачиваясь.

Дриада сидела на стуле с ногами, закутавшись в тёплый плед. Перепутанные волосы, которые он в темноте принял за русые, оказались медно-рыжими, а одежда – клетчатая синяя фланелевая рубашка и джинсы – не настолько грязной, только промокшей, и переодеться дриада отказалась наотрез.

– С сахаром, – ответила она. У неё оказался резкий, хрипловатый после долгого молчания голос. Жене он показался смутно приятным.

Женя усмехнулся и положил в мятный чай две с половиной ложки сахара. Передал пиалу дриаде. Она попробовала и дёрнулась, возмущённо уставившись на него:

– Горячо. Ты не развлекаешь?

– Развлекать? – спросил он, внутренне забавляясь.

– Холодной водой, – сказала она. – Но не из ручья, а кипячёной. Дома я всегда... – она осеклась и замолчала.

Он прижимал её к себе на маленькой кухне, пока её трясло от рыданий по дому, в который она никогда больше не сможет вернуться. И засыпал, слыша её неровное дыхание во сне: ей снились кошмары.

Оказалось, что разбудить дриаду – это почти нереальное занятие. Она недовольно ворчала, куталась в одеяло, пыталась уползти в стоящий рядом шкаф. Наконец, Женя, посмеиваясь про себя, прекратил попытки сунуть ей чашку кофе и сел на кровать с книжкой, иногда косясь на лежащую в его кровати нереальную девушку, которая когда-то жила в дереве. Дриаду звали Шуанг, и она выпала, потому что попала в ледяной ручей от осеннего дождя. Дриада, умершая раньше времени в их мире, редкость. Этих, «умерших» там, выбрасывает в наш мир. И они абсолютно не знают, что им здесь делать, и обычно умирают за день, если их не заберут в хорошие руки. Как брошенных котят, подумал Женя, вытаскивая листик из спутанных медных волос Шуанг. Точнее, как брошенных котят в приюте, которых ждёт обязательное усыпление, если вы их не заберёте.

Женя вернулся к книге и не сразу заметил, что дом преобразился. На окне заискрились огоньки силы там, где постепенно засыхали на подоконнике горшки с геранью, вспыхнула новогодняя гирлянда, которую он всё думал выбросить – перегорела лампочка. Иначе стал падать солнечный свет из окна. Он стал более... существенным, значимым.

Шуанг недовольно приоткрыла один глаз, и он, не глядя, протянул ей немного остывший кофе.

– Тьфу, – поморщилась дриада. – А молоко?

– Молоко? – удивился Женя.

– Я всегда пью кофе с молоком, – ответила Шуанг, отдавая ему чашку и ваясь обратно на подушки. – Без него же невозможно пить, это кошмар какой-то.

И Женя почему-то засмеялся.

Когда Шуанг причесалась и щёткой для обуви стёрла с рубашки и джинсов следы грязи, Женя испытал непонятное чувство утраты. Теперь она выглядела очень аккуратно и – если не приглядываться к глазам, в которых горел огонь, – обычно. Встрёпанной она казалась естественнее. Он заставил её накинуть его слишком большую кожаную куртку и надеть кроссовки, и они пошли в парк.

– Так в чём состоит твоя работа? – спросила Шуанг, спокойно глядя вокруг на стройные стволы деревьев. Женя боялся, что ей будет не по себе среди этого напоминания о прошлом, но Шуанг как будто совсем успокоилась.

– Я намечаю людей, – ответил Женя. – В этом парке.

Шуанг протянула руку и дотронулась до листьев вяза.

– Шершавый, – сказала она, виновато улыбаясь. – Хочешь потрогать?

Женя дотронулся до листьев вяза, хотя дотрагивался до них тысячи раз.

– Не совсем точное слово, – ответил он. – Он похож на язык кошки. Или как гладить кого-то против шерсти. И при этом каждая шерстинка за тебя цепляется, отталкивая и в то же время боясь, что ты уйдёшь навсегда.

– Да, – Шуанг склонила голову и улыбнулась. – Ты читаешь во мне. Это редкая способность.

– Тренировка. Это часть моей работы.

– Покажи.

Женя обернулся; по дорожке как раз спешила женщина средних лет с сумками.

– Посмотри на неё, – сказал Женя, и Шуанг послушно уставилась на женщину. – У неё очень много дел. И очень много проблем. Она пытается не забыть последовательность дальнейших действий, как автомат для продажи газировки. Она не помнит, кто она. Я показываю им всего на несколько минут. Что с этим делать дальше – их дело.

Он замер на несколько секунд, читая её, а потом женщина неуловимо изменилась. Волосы стали более золотыми, разгладились морщинки, лицо порозовело, глаза засияли. За несколько секунд загруженная тридцатипятилетняя мать превратилась в молодую девушку в простом белом платье, которая очень любила танцевать, огромное поле колосьев за домом, узоры на полотенцах, вид бегущих по небу облаков и своего мужа, тогда простого паренька из соседнего дома. Девушка замерла, ошеломлённая, и впервые посмотрела на парк вокруг, а потом подняла глаза к небу. В её сияющих голубых глазах набухли слёзы.

Такой она и вернулась обратно – постаревшая, уставшая, но с тем же молодым ошеломлением в голубых глазах, полных слёз.

– А сейчас смотри, – сказал Женя. – Это самый сложный момент. Здесь я уже ничего не могу поделать. Либо они возвращают часть себя, либо стряхивают её с себя.

Женщина растерянно осмотрелась вокруг, не понимая, что с ней произошло. А потом вдруг улыбнулась, будто услышала только ей понятную шутку, поставила сумки на дорожку, легко сошла на тёмную землю парка, набрала самых ярких жёлтых и красных листьев – дочери на венок. И несколько веточек, чтобы нарастить на них кристаллы соли и подарить мужу, потому что таким был его первый подарок ей в школе. Чтобы они вспомнили это вместе, чтобы он прижал её к себе,

как раньше, и они долго стояли бы так, чувствуя тепло тел друг друга, радуясь тому, что они вместе.

Женщина казалась помолодевшей на пять лет, и в её волосы вернулись золотые нотки.

– Её зовут Алиса, – сказал Женя, мягко улыбаясь. – И с ней нам повезло.

– Ты очень хороший человек, – сказала Шуанг сдавленно.

Женя удивлённо обернулся. Шуанг не отрывала взгляда от Алисы. По щекам дриады текли слёзы, похожие на маленькие галактики.

Шуанг не спала до поздней ночи, как и сам Женя. С балкона открывался отличный вид на парк и ночное небо, и они быстро привыкли к ночным посиделкам. Женя притаскивал два мягких кресла-мешка, Шуанг осторожно зажигала свечи-таблетки, они наливали чай или кофе (с молоком для Шуанг), смотрели на деревья и тени от них, на маленькие звёзды на чёрном небе. Иногда небо было не чёрным, а персиково-розовым, особенно к зиме, но они любили и это тоже; казалось, город прикрылся одеялом, и становилось ещё уютнее, тише. Когда Женя уходил по делам или гостил у старых друзей, Шуанг приносила оба кресла на балкон, садилась в кресло Жени и читала. Если уходила Шуанг, Женя ходил по всему дому с немного растерянным, но серьёзным видом, и убирался, потому что боялся, что Шуанг будет кашлять от пыли. Он не любил, когда она кашляла.

Подоконник расцвёл цветами. Рядом с чайником всегда стояли две чашки. Женя перекрасил рамы окон в ярко-голубой цвет, и теперь их окно с улицы выглядело совсем иначе. Он и сам стал совсем иным. В нём поселился внутренний уют, тепло, искра. Всё вокруг стало другим. Когда Шуанг заходила на кухню с утра, с растрёпанными волосами, в старой майке, Женя, усмехаясь, передавал ей её сладкий кофе с молоком и наслаждался переливами солнечных лучей, запутавшихся в её медных волосах. Ей было не семнадцать лет, как он подумал сначала, а двадцать два – она была на три года младше его, но выглядела совершенным подростком. В нём постепенно с теплом поселилось ощущение естественности. Естественности в том, чтобы прижать к себе Шуанг за талию, когда они идут по парку спокойным прогулочным шагом. В том, чтобы спать, уткнувшись в копну её рыжих волос, а с утра выплёвывать их под её смеющимся взглядом. Позволить её маленькой замёрзшей руке скользнуть в карман его зимней куртки.

– Когда я была маленькая, – однажды сказала Шуанг, – я часто слышала стук и шёпот. Ты можешь сказать, что это ненормально, но я его слышала и даже пыталась стучать в ответ и что-то отвечать. Все мои знакомые считали меня сумасшедшей, – она рассмеялась.

Женя шёл молча. А потом с трудом ответил:

– Это я стучал по дереву. Когда был маленьким. Я старался поговорить с дриадами, которые там живут. Особенно я любил вяз.

Шуанг тоже молчала, а потом крепче сжала его руку и просто сказала:

– Мы, оказываемся, знакомы так давно.

Она поцеловала его в первый раз у гаражей, прямо за парковой оградой. Сказала: «Я тебя сейчас поцелую», – и не дала ему времени подумать над этим, просто склонилась к нему, сидящему на скамейке, и прикоснулась своими губами к его губам. Её губы были горячие, а сама она – очень необычная на вкус. Как кофе с молоком, как огонь, как ка-

кая-то знакомая пряность, которую ты пытаешься вспомнить, но никак не вспоминаешь, поэтому пробуешь ещё и ещё. И Женя пробовал ещё и ещё, не в силах оторваться от неё, прижимая к себе всё сильнее, обнимая, что-то радостно пробурчав, когда она села ему на колени.

– Я знаю, зачем ты здесь, – сказал он, когда они шли домой, рука в руке, всё ещё не веря в случившееся, счастливые и сияющие изнутри.

– Заставлять тебя мешать зелёный чай с сахаром, а кофе с молоком?

– Нет, – Женя покачал головой. – Чтобы сделать для меня то, что я делаю для других. Напомнить мне, кто я на самом деле.

Шуанг остановилась, серьёзно посмотрела ему в глаза и обняла его. Он прижал её к себе и понял то, что не понимал всё это время: теперь они оба наконец-то вернулись домой.

СЛОВО

– Отстань! Отцепись! – Николай отодрал ледяные грязные пальцы от своей штанины и кинулся прочь. – Просто отвали, чтоб тебя!

Девочка взглянула на него и молча продолжила взбираться за ним на холм. От этого взгляда Николай дёрнулся и ускорил шаг.

Всего час назад эти голубые глаза, что смотрели на него сейчас с непонятным выражением жадности и укора, были закрыты. Навсегда. Он выбрал самую свежую могилу, так как был не совсем уверен. Не в силе своей магии, нет. Просто он не переносил трупы. Но практика есть практика, никуда от неё не деться. Он оживил эту девочку, похожую на полевую мышь, голодную, запуганную, погибшую по неизвестной причине. Он не знал даже её имени. Рядом с могилой не было ни камня, ни креста. Впрочем, он и не хотел знать её имя. Он просто хотел отправить её туда, откуда с таким трудом вытащил: под землю, в ад. Оживление удалось. Теперь оставалось только умертвить. Для этого нужно было всего-то отойти от неё метров на десять. А девчонка упрямо шла за ним, сжав губы и спотыкаясь едва ли не на каждом шагу. Сначала ему было страшно. Только ленивый не рассказывал вечером жуткие истории о магах-неудачниках, которых разодрали их собственные зомби, волей случая оказавшиеся убийцами и головорезами, каких свет не видывал. Они напивались крови мага и становились сильнее на два часа, которых им хватало на то, чтобы разнести окрестные деревни и убить всех жителей. Николай знал, что деревни пусты совсем не из-за зомби-убийц, виновата была безработица, но ночью, когда в полумраке так странно ложатся тени на деревянный пол, кто сможет убедить себя такими словами, как «безработица»?

Постепенно Николай понял, что девочка не желает ему зла. Когда она догоняла его, то просто цеплялась за него руками и смотрела в глаза долгим молчаливым взглядом, словно хотела что-то сказать. Через некоторое время это стало его раздражать. Николай прибавил шаг и услышал, как отчаянно неровными стали шлепки босых ног по пыльной дороге за ним. Сейчас, сейчас она отстанет. И как только она выйдет из круга его магии, как тут же упадёт на дорогу. Её голубые глаза закроются навсегда. И он так и не узнает, что она хотела ему сказать.

Николай сорвался с шага на бег. Лучше закончить это быстро. Ни в коем случае нельзя оставлять ей шанс. Откуда ему знать, что нужно этой девочке. Она была мёртвой. Она была там, за гранью, и он искусственно залил в её жилы сильнейший яд и противоядие – магию. Надевать такое существо человеческими качествами было не просто глупо. Это было опасно. А что дальше? Он начнёт разговаривать с камнями и своими старыми сандалиями? Нет уж, спасибо. Ненормальных магов и так хватает. Николай же славился своей расчётливостью, своей трезвостью мышления.

Но отрицать нельзя: ему хотелось узнать, зачем она преследует его. Очень, очень хотелось. Это единственный шанс на миллиард. Когда он ещё будет заниматься некромантией? Разве это не поучительно? Разве не представляет интерес для науки?

Николай остановился и тут же услышал то, что так боялся услышать: глухой и тяжёлый стук тела о землю. Поздно. Теперь остаётся только закопать или сжечь тело. Оживлять дважды нельзя. Это просто невозможно. Дважды вообще мало что можно сделать правильно.

Николай повернулся и уныло вернулся к телу. И не поверил своим глазам: девочка поднималась. Она не вышла за круг. А просто споткнулась.

Подавив неуместное облегчение, маг подошёл к зомби.

Девочка сидела на дороге и смотрела на него этим странным, но совершенно разумным взглядом. Голубые глаза были какого-то непонятного сияющего цвета.

— Ладно, — вздохнул он. — Что тебе нужно?

Девочка приложила руки к сердцу. Потом, помедлив, положила одну руку на горло.

— Жизнь и голос, — кивнул Николай. — Не слишком ли этого будет много для мёртвого ребёнка?

Рука девочки, лежавшая на горле, дрогнула и тоже опустилась на грудь.

— Теперь мы, кажется, расставили приоритеты, — кивнул Николай, внутренне сжимаясь от презрения к себе: издеваться над ничем не соображающим животным, даже хуже, чем животным: камень и тот одушевлённой... Этой девочки здесь уже не было. А он всё никак не мог понять это. — Я не могу дать тебе жизнь.

Девочка спокойно кивнула, а потом протянула руку и схватила его за плечо, прежде чем маг успел отшатнуться.

— Жить, пока я не отойду? — усмехнулся Николай. — И какой же я буду маг, если за мной всюду будет шастать неупокоенный зомби?

Губы девочки дрогнули, и она вывела на песок:

«Оригинальный».

Это решило дело. Николай согласился дойти с ней до следующего города. Два с половиной дня, такова была их сделка. Два с половиной дня жизни.

Он впервые встретил зомби с чувством юмора. Скорее всего, и в последний раз, но думать о следующем оживлении ему не хотелось.

В очередной раз помогая девочке перелезть через каменную ограду на границе двух государств, Николай с удивлением заметил, что пальцы её как будто потеплели. Но, возможно, дело в погоде: надвигалась гроза, и воздух был прогрет так, что даже кротовые норы до половины были наполнены теплом. Что уж говорить о тонких пальцах девочки.

— Как тебя зовут? — забывшись, спросил Николай.

— Саша, — хрипло ответила девочка.

Николай отпрыгнул от неё, споткнулся о корень и ушиб запястье и плечо. Сложно будет колдовать в ближайшее время, неудобно, но какая разница, если...

— Ты говоришь, — ошарашено отметил Николай.

— Да, — девочка прокашлялась, и её голос больше стал похож на детский. — Я не знаю, как. Я просто так хотела снова говорить. Для меня важно говорить.

— Почему?

– Потому что... Я не помню.

Но Николай видел, что она помнила. И не понимал, зачем она хоть что-то скрывает. Разве имеет смысл скрывать хоть что-то, когда ты за порогом смерти? Разве вообще хоть что-то должно казаться бессмысленным в такой момент?

Или просто есть люди, для которых что-то всегда остаётся важным?

– Для меня слова тоже важны, – кивнул Николай, поднимаясь. – Для всех магов. Слова и жесты.

– Жесты для меня не имеют значения, – сказала Саша. – А вот слова... Слова – это жизнь.

– Или смерть.

– Смерть – тоже жизнь, – ответила Саша, и до самого вечера они шли молча.

Расстилая плащ под огромным дубом и привычным жестом разжигая на голой земле огонь, Николай поймал себя на мысли, что ему нравится путешествовать с кем-то. Путь прошёл легче, обычно гудящие ноги болели меньше, появилось какое-то настроение. Может, завести собаку? Хотя нет. К собаке можно привязаться. А привязанность – совсем не то, что требуется магу-одиночке. Особенно к живому существу. Николай хмыкнул. Вот к мёртвому – в самый раз.

Начал накрапывать мелкий дождик, гроза, видимо, на сегодня отменялась, но напряжение от её ожидания осталось: дробное, тревожное, шёпотом.

– Я посплю, – сказал Николай.

– Хорошо, – отозвалась Саша. Она сидела чуть поодаль и неотрывно смотрела на степь своими странными голубыми глазами. В полусне Николаю привиделось, что они вместе ходят по базару и выбирают одежду для Саши, а потом он снова и снова оказывался в своём родительском доме. Он выбегал из него и тут же вспоминал, что забыл расчёску, и снова вбегал, и забывал об этом сне, и вспоминал только когда в следующем захлопывал за собой тяжёлую дверь и обнаруживал, что расчёска внутри тёмного пустого дома.

– Николай! – взвизгнула Саша, и Николаю во сне почудилось, что это скрипнули дверные петли. Сон никак не отпускал. – Николай!!

Маг вскочил. Два громила схватили девочку за руки, а ещё один, с ножом, медленно, крадучись, приближался к нему самому. Увидев, что Николай проснулся, громила метнул нож и кинулся на Николая... Но и нож, и грабитель словно отскочили от прозрачной толстой стены. Николай ошеломлённо оглянулся. Щит такой скорости и прочности ему был не по силам. Кто же...

– Вон там! – воскликнула Саша.

Николай обернулся и краем глаза заметил тёмную фигуру, скользнувшую обратно в лес. Скоростное перемещение. Кто же помог ему? Среди магов взаимовыручка была довольно редким явлением.

Бандиты грубо кинули Сашу на землю и быстро скрылись за ближайшим холмом. Скорее всего, у них там пещера или какое-то ещё подземное убежище.

Николай, всё ещё оглядываясь, подошёл к Саше и помог ей подняться.

– Не ушиблась? – машинально спросил он.

– Я мертва, – сказала девочка.

– Кто же это был? – не слушая её, спросил Николай. – Ты не видела?

– Какой-то... в сером капюшоне, – Саша пожала плечами. – Как в книжках. Какой-то слишком... ненастоящий. Это важно?

– Не знаю. Ладно, пойдём отсюда.

– Да.

Они мало говорили. Николай сначала хотел расспросить её о том, что чувствуют мёртвые, что она видела, когда её душа была вне, но потом понял, что это глупые вопросы. Её душа всё ещё вне, и она ничего не чувствует. Неизвестно даже, что заставило её говорить.

А может, он не задавал эти вопросы, потому что видел её глаза. Они почему-то, он сам не знал отчего, помогали ему промолчать, когда хотелось задать очередной глупый вопрос. Этот взгляд прояснял его и успокаивал.

Им оставалось полтора дня. А потом Саша добровольно выйдет из круга. И станет тем, кто она есть: телом, лежащим на траве, с остекленевшим взглядом, с расслабленными, а не упрямо сжатыми губами.

И всё же... Это было удивительно: смотреть на неё, оживлённую магией. Николай видел, как она чешет нос, как старается пригладить спутанные русые пряди, как печально, совсем по-девичьи, смотрит на разорванные рукава, как украдкой старается соединить концы ветхого платья, как вздрагивает, когда наступает босой ногой на острый камень...

Вздрагивает?

– Ты чувствуешь боль.

Саша покачала головой.

– Совсем нет. С чего ты взял?

– Саша, ты чувствуешь боль и говоришь. Ты была мертва, я проверил не единожды, хоть и не было смысла проверять. Ты была мертва, я оживил тебя. Ты не должна была даже идти за мной. Что с тобой? Кто ты?

– Я не помню, – сказала девочка.

– Прекрати!! – закричал Николай. – Прекрати немедленно! Чего ты хочешь?! Кто ты?!

– Я Саша, – сказала девочка. Николаю показалось, что она ни разу не моргнула за всё это время. – И моя смерть зависит от тебя.

Николай повернулся и пошёл дальше. Ночью он проснулся и увидел, что девочка тоже спит, свернувшись калачиком рядом с ним, упираясь ногой в камень и даже во сне сжимая его плащ своими тонкими пальцами. Николай неожиданно для себя улыбнулся (ночь смягчила его черты) и укрыл Сашу плащом. Её плечи были очень худыми и горячими. Не температура зомби. Это был обычный ребёнок. Упрямый и странный, похожий на сонную полевую мышку, с пронзительным взглядом и немного неловкими жестами. Теперь было трудно представить, что в следующий вечер она выйдет из круга и больше никогда не будет так смешно хмуриться во сне.

Но так и будет.

Николай смотрел на неё и никак не мог заснуть. Сидел и старался не замечать слёз, падающих на колени. Он оживил её. Он никогда не познакомится с ней. Он не сможет дать ей жизнь. Она всё сказала верно: единственное, что от него зависит – это её смерть. Полная и необратимая. Да и эту смерть он отменить не в силах. Он так долго учился на мага. Он думал, что от него будет что-то зависеть. И вот от него зависит это маленькое горячее существо. И... ничего.

Ничего.

С утра поднялся сильный ветер, и последний день они просто шли рядом, цепляясь друг за друга, чтобы выстоять перед порывами ветра.

Николай временами чувствовал, что снова начинает плакать, но уверял себя, что это из-за того, что ветер швырял в них песок, веточки и сухие листья. Ветер писал на земле слова и стирал их. Так быстро, что никто не смог бы прочитать. Слова ни для кого.

Николай и Саша шли через этот ветер в сумерки. Когда совсем стемнело, Николай сказал, что ещё совсем не стемнело, – и Саша только покачала головой.

– Мы договорились, – сказала она. – Я знаю. Слово нарушать нельзя.

– Иначе что? – ударил кулаком по дереву Николай. – Умрёшь?

– Иначе слово будет нарушено, – ответила Саша. – Нет ничего страшнее нарушенного слова. Оно начинает рушить другие слова.

– Слово, – повторил Николай.

– Слово, – кивнула Саша. – Мне пора. Спасибо тебе, Николай. Мне так хотелось... ещё чуть-чуть побыть. И я обязана тебе исполнением этого желания. Всем всегда нужно ещё совсем чуть-чуть.

– Саша... – Николай протянул к ней руку, как она в самом начале протягивала к нему, но девочка уже уходила вперёд. – Саша... Пожалуйста, – он шагнул за ней, но тут же одёрнул себя. Он маг. Она мертва. Так было с самого начала. Это просто возвращение на исходную позицию. Он не привязался к ней. Он просто привык. Он просто не хочет верить в то, что от него всё ещё ничего не зависит. Ей осталось всего несколько шагов, когда она повернулась и помахала ему. Улыбаясь сквозь слёзы.

– Пока, Николай!

– Пока, Саша, – прошептал Николай.

– Не слышу! – весело крикнула Саша.

– Пока!! – закричал Николай. – Пока! Прощай, Саша!

Она кивнула ему и вышла за пределы круга.

Николай умер в тот самый миг, когда увидел, как голубые глаза перестали сиять. Он нагнулся и поднял с земли первую сухую веточку. Потом вторую и третью.

Огонь разгорелся быстро.

Денис ЛИПАТОВ

Родился в 1978 году в Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет Нижегородского государственного технического университета. Участник поэтического товарищества «Сибирский тракт». Стихи и проза печатались в журналах «Нижний Новгород», «Нева», «День и ночь» и других периодических изданиях.

Живет в Нижнем Новгороде.

ЧТО ГУБКА – ЛЮБЫЕ СТРАНЫ ВПИТАЕТ ДУША ТВОЯ

* * *

Куда нам девать эти вёрсты?
В окошко смотри да смотри:
Деревни, леса, погосты...
Три года скачи и скачи

(как сказано было) и не доедешь:
Империя так велика!
Где сядешь в неё – там и слезешь!
Для скорости разве пинка,

И то улетишь недалече.
Тогда уж садись в самолёт.
Но сказано: время – лечит,
Движение – наоборот.

Ибо к любому морю
Свой направляй экипаж –
Мысли, сомнения, горе
Тащишь с собой, как багаж!

Кочевников ойкумена
Не знала дилемм таких –
Судьба – это мест перемена
И растворение в них!

Наследие Чингисхана,
Куда нам девать тебя!

Что губка – любые страны
Впитает душа твоя!

Спокойно взирай на пространство –
Единственный, может, пример
Завидного постоянства,
И хищный буди глазомер!

* * *

Газетною ветошью из-под обоев
Глядит твой Советский Союз –
Глазами своих пионеров-героев,
Сединами набольших мурз.

Вся мебель на свалке, ободраны стены,
Хозяев свезли на погост...
Так пели когда-то: грядут перемены
Во весь свой гигантский рост.

По старой привычке заезженным ретро
Приёмник журчит в пустоту –
Давай «Рио-Риту» нам сбавляй, маэстро,
Станцуем у всех на виду.

Мелькнёт каблучок над скрипучим паркетом,
В сиреневых ситцах весна –
Жизнь будет счастливой по всем приметам,
Всегда будет юной страна.

Состарится мама и вырастет дочка,
Сопьётся сосед-ветеран,
Журчит и журчит себе радиоточка,
Опять говорит Левитан.

Рекордные собраны вновь урожаи,
Проложен космический БАМ,
Товарищи кривичи и можаи
Читают уже по слогам.

Часовой

Судьба так страшна и безлика,
Как сонный бурят-часовой –
Кричи – и охрипнешь от крика,
Добудишься – еле живой.

Сто лет на заброшенном складе,
В голодной и голой степи,
Границы – полями в тетради –
Размыты и далеки.

Он спит и не чувствует даже,
Как муха в открытый рот
Ползёт, как лазутчик вражий,
На верную смерть ползёт.

А где-то проходят годы,
Столетия сменили счёт,
Дымят и бастуют заводы,
Страна по-другому живёт.

А он не стареет, не знает
Ни возраста, ни времён,
Вечность над ним зевает,
Бессмертье берёт в полон.

Такое бессмертье-забвенье
Настигнет, как нежить немой,
Тогда наберись терпенья,
И... топай, родимый, домой.

* * *

Ни с чем не хотел мириться,
Всё мерил меркой своей,
Потом перестал и злиться –
Спокойнее так и мудрей.

Смотри, как приходит осень,
Следи, как уходит зима, –
Никто ни с кого не спросит
Ни горя, ни прибыли от ума.

Чего в самом деле добьёшься –
Чтоб сладкою соль была?
Над глупостью посмеёшься,
А ей та печаль – мала.

Над жадностью покривишься,
А трусу руки не подашь –
Смотри – ты уже боишься
Попасться на карандаш

Лжецу, горлопану, писаке –
Прослыть фарисеем, ханжой.
Лишь пикни – и все собаки
Висят на тебе, дорогой.

Как допрежь окрест оглядишься:
Корысть раздувает меха.
Душой уязвлённой томишься,
А слышишь в ответ: ха-ха.

* * *

Болезнь равнодушной латынью
Не лучших сулит перемен:
Себя осознаешь с уныньем
Системой артерий и вен.

Не личностью с правом на выбор
Своей уникальной судьбы,
А пулей, под общий калибр
Подогнанной для стрельбы.

Ведь, в общем, на взгляд эскулапа,
Не много ты чем отличим
От прочих, попавших в лапы,
Ну разве ещё излечим.

В сплетении дельт и излучин
В тебе протекающих рек,
Какой сантиметр не изучен,
К чему приложить оберег?

Не верь сухопарой латыни,
Крепящей всему ярлыки –
Поверь лучше горькой полыни,
Поверь тишине у реки.

Надежд и отчаяний сумма –
Всегда ли душа на виду –
Последней сестрой Аввакума,
Затворницей в тайном скиту.

Иван КАРПОВ

Родился в 1991 году в Липецке. Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического университета. С 2013 года работает актером в Липецком государственном театре кукол. Создатель и режиссер поэтического театра «Под Деревом».

...И ЖИЗНЬ, КАК ОБЛАКО, ПЛЫЛА

* * *

А удрал ты еще тогда,
То ли в прошлое, то ли в вечность.
Лишь дорогу оставил да
Черновик в рюкзаке – за плечи.
Там в росинке спала звезда
И читал ты ее губами.
И в цветке ночевал, когда
Было холодно под ногами.
Да влюблялся во всё подряд:
Запах сумерек, пьяный вечер...
То притащишь домой закат,
То в барашков раскрасишь ветер.
«Что ж, прощай», – в пустоту шепчу.
Колобродь до утра по лету...
У тебя по слогам учусь,
Вынимая слова из света.
Смерть промоет их, как водой,
И душа соберется в бегство,
Чтобы снова я стал тобой,
Мой ребенок, удравший в детство...

* * *

Памяти крестного

Снова в небе звезда загорелась над темною рощей,
И, я знаю, ты тоже с улыбкой глядишь на нее.
Только не уходи, мне с тобою спокойней и проще,
Будто снова бегу по холмам за шальным вороньем.
Помнишь, руки в рубцах и корзинки твои под навесом...
Разговор во хмелю полушепотом возле крыльца...
Я уже за тобой прохожу по осеннему лесу,
Чтобы к берегу выйти и реку доплыть до конца.

А под теплые веки уже подступают слезинки,
Вот дойдут до ресниц, и сорвусь я незнамо куда.
Но внезапно пойму, что уже не плетешь ты корзинки
И что не отыскать ни дороги к тебе, ни следа...

Молодежи 70-х

*Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем...*

Н. Рубцов

Там были длинные перроны
И жизнь по жарким городам.
Хотелось к яблоневым кронам
Прижаться грудью навсегда.

Там было слышно на рассвете,
Как песни плачут соловьи.
Там в рамке замершие дети
Несли с коленками в крови.

Там были вечные покосы
И горстка крошек со стола.
Подушку орошали слезы
И жизнь, как облако, плыла.

А дальше оклики с погоста
Золой осыпали виски.
И стало холодно и просто,
Сквозняк заплакал от тоски.

А после Родина задаром
Куда-то вдруг оборвалась
И смерть проснувшимся пожаром
Пришла, не спрашивая нас...

Колыбельная

Спи, моя радость, и вот тебе сказка,
Без назидания и ни о чем.
Мир расплывется, закроются глазки,
Андерсен встанет за правым плечом.

Герда по краю до ночи бродила,
С детством в ладошке, строкой в рюкзачке...
Кай замерзал и сжимал что есть силы
Горстку слезинок в холодной руке...

О забытии королева просила
И расстилались над Каем снега.
Герда почти примирилась с бессильем
И превратились они в облака...

Кем они были у Бога на блюде,
Чтоб не кончалась волшебная нить?..
Герда бежала, боясь оглянуться,
Кай ненавидел, боясь полюбить...

* * *

Беспризорнику в электричке

Не гляди ты глазенками синими,
Не рыдай, будто в чем виноват.
В Землю входят иголками линии
И выходят в откормленный ад

Анфилад, где так просто быть крошкой
И глотать этот мир, как слюну.
Ты к окну прислонишься ладошкой,
Я с другой стороны прислонюсь.

* * *

Памяти деда

Врастают деревья куда-то во тьму,
Закат растекается клейко.
Гуляет косматый пастух по холму,
Сосновая плачет жалейка.

Дуди, пастушок, над несчастной страной –
Над теткой моей одинокой,
Которая в омут из люльки родной
Уходит разбитой дорогой.

А где-то за ребрами серых домов
Могила со стопкою водки.
Там в рубище пьяных и солнечных снов
Мой дед уплывает на лодке...

Уйду. Там целуют в висок горячо,
Там пахнет сосновой смолою.
Поглажу родимого сруба плечо,
Наполню ладошку землею.

Дуди, пастушок, над несчастной страной,
Да бейся о черные крыши.
...так плачет дитя за моею стеной,
Как будто беду твою слышит...

* * *

Не ходи сюда, мальчик...

Геннадий Жуков

И стекает фонарь на темень,
И гуляет по водостокам...
И мелькают по аркам тени
То ли Моцарта, то ли Блока...

Тайный шепот роняют кроны,
Расплетаясь в узор объятий.
Мальчик флейту несет в ладони,
Над зрачком нависают пряди.

В древний сумрак спешит он птицей,
Чтоб сгореть, как античный полдень,
И бореем с причала Стикса
На апрель размечает сольди.

И диез отпускает краем,
Цепenea на вдохе, словно
На латыни смеется с камнем
И творит свои замки словом.

Собирайтесь на пир, созвездья,
Пролетайте прозрачной твердью
И лазурным цветком над бездной
Прорастай на Земле, бессмертье.

Напои его ветром, Геба,
До начала и до рожденья,
Чтобы стеблем впиталось небо,
Чтобы не было возвращенья...

Егор ЧЕРЛАК

Геннадий Григорьев (творческие псевдонимы Егор Черлак, Григорий Егоркин) родился в 1963 году в поселке Черлак, Омская область. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета.

Автор трёх прозаических и поэтических сборников, трех десятков пьес. Публиковался в журналах и драматургических сборниках в России и за рубежом. Лауреат премии «Долг. Честь. Достоинство» Фонда развития и поощрения драматургии и журнала «Современная драматургия».

Работает журналистом, живет в Челябинске.

ТРИ ЛЮБВИ ТОМУ НАЗАД

Ожидание в двух действиях

Действующие лица

АННА СЕМЁНОВНА
АКУЛИНА
АЛЕКСАНДРА
АНЖЕЛА

Действие первое

На сцене – ничем не примечательная комната то ли в квартире, то ли в доме. По центру комнаты – большой стол, он накрыт скатертью. Не сразу поймешь, какому времени это жилище принадлежит. Здесь есть и предметы современного быта (торшер, кресло, электрический вентилятор), и приметы относительной старины (самовар, фотографии в фигурных рамках, сундук, патефон). Один угол комнаты занимает печка, через щели её неплотно прикрытой дверцы можно различить отблески пламени.

В комнате мы застаём двух женщин. Та, что постарше – Анна Семёновна, на ней строгое платье. Рядом с ней – молодая женщина с короткой стрижкой, её зовут Александра. На Александре военная гимнастерка с медалью и гражданская юбка, которая заметно топорщится над животом.

Женщины хлопочут, накрывая праздничный стол. Точнее, хлопочет Анна Семёновна: то самовар подвинет, то вилки и салфетки поближе к тарелкам положит, то стаканы лишний раз полотенцем протрёт... Глядя на Александру, нетрудно сделать вывод, что возня с посудой, готовка и сервировка стола – не её стихия.

АННА СЕМЁНОВНА (*громко – куда-то за сцену*). Акулина, слышишь? За картошкой, за картошкой присмотри, на плите она. Если надо, огонь убавь.

АЛЕКСАНДРА. Картошка – это хорошо! Он картошечку любил... Любит, то есть... Хоть жареную, хоть в мундире... Мы там, когда передышка или, к примеру, в тыл на переформирование, всегда картошкой запасались. Крупа – та сырости боится, дрянь в ней постоянно какая-нибудь заводится. Картоха совсем другое дело... Возьмешь ящики из-под снарядов, набьешь картошкой штуки три-четыре – и сам чёрт тебе не брат. А вечером на привале почистишь, сваришь, да с салцом её, да с лучком...

АННА СЕМЁНОВНА (*иронично*). Почистишь... Что-то не сильно ты сегодня чистила! Я видела: всё Акулина... Одна полведра картошки настрадала.

АЛЕКСАНДРА (*закуривает папиросу*). Просто у Акулины это лучше получается. Практика у неё хорошая, всё-таки в кухарках столько лет... Пролетарий общепита, так сказать. Каждому своё...

Анна Семёновна качает головой, но молчит. Возится с посудой.

АЛЕКСАНДРА. У меня, мама, совсем другая линия. Призвание другое: медицина – как-никак батальонный санинструктор. Мне в руках удобней скальпель с зажимом держать, чем поварёшку или скалку там какую-нибудь.

АННА СЕМЁНОВНА. Ага – и папироску тоже... Сколько, Саша, мы с тобой на эту тему говорили... Нельзя тебе! Вредно это – и тебе вредно, и ему тоже (*кивает на живот Александры*). Ребёнку – в первую очередь... Ну что это такое: молодая симпатичная женщина – и с папиросой в зубах!

АЛЕКСАНДРА (*неохотно тушит папиросу*). Молодая-симпатичная... Я, мама, о том, что молодая да симпатичная, после первого арналёта забыла. Мина – она всех равняет: молодых и не очень, симпатичных и тех, кто совсем даже наоборот... А после третьего боя вот это дело начала (*демонстрирует пачку*). Там без этого нельзя... Трудно.

АННА СЕМЁНОВНА. А он что про это говорил? Ну, про курение твоё?

АЛЕКСАНДРА. Кто? Майор-то? А что он скажет... Вы же знаете – он и сам, как паровоз с Транссиба, одну за другой... Говорю же: трудно там без этого. Иной раз такой дубак в блиндаже, что зуб на зуб не попадает, а закуришь – и вроде как теплее. Пайку двое суток не везут, а затянешься – и уже есть не так хочется...

Анну Семёновну рассказ явно растрогал. Она подходит к Александре, приобнимает её за плечи.

АННА СЕМЁНОВНА. Ничего, ничего, родненькая, сегодня попируем на славу. Повод-то какой... И поедим, и наговоримся, и выпьем даже. Может, и spoём – все, вчетвером. Война, голод – всё это пусть там остаётся... (*неопределённый взмах руки*).

А у нас здесь, Сашенька, по-другому всё... Акулина вон сколько всяких вкусовостей наготовила. И курица у неё, и буженинка, и огурцы с грибочками... Пирог даже рыбный состряпала, огромный такой...

В комнату стремительно входит Акулина. На ней схваченный узлом на затылке яркий платок и нарядный сарафан, который не сильно скрывает внушительный живот женщины. В руках у Акулины блюдо с большим румяным пирогом.

АКУЛИНА. Да, пирог важный вышел. Пышный, сочный... Тесто, маменька, доброе – вот и пышный. А дух-то, дух от него какой, а!..

Акулина подносит пирог к женщинам.

АННА СЕМЁНОВНА. Чудесно, чудесно пахнет... Ты, Акулина, на все руки – за что на кухне ни возьмёшься, всё у тебя ладится. *(Спохватывается, показывает глазами на живот Акулины.)* Да ты поставь его скорее, тяжело ведь... Нельзя же тебе... Ну-ка, дай его сюда.

Анна Семёновна принимает у Акулины блюдо с пирогом. Ставит блюдо на стол.

АКУЛИНА. Правда ваша, маменька. Хвастать не приучена, только у плиты я и в самом деле – унтер-офицер, а то и цельный подпоручик! *(Смётся.)*

Тут главный предмет – привычка. Я ж с малолетства при кухне, лет с двенадцати. Сначала матери пособляла для господ готовить, потом, когда матушка преставилась, сама стряпать начала... Без удалства скажу: для меня что кулебяка, что расстегай, что блины гречишные или там судак под сметаной – пустяшное дело. Была бы печка подходящая.

АЛЕКСАНДРА. Печка! Вот оно сразу и видно, что деревня тёмная. Прогресс с индустриализацией вон куда шагнули, а у этой всё печка... Примус, керогаз, керосинка – это для кого придумано? А плитка электрическая?..

АКУЛИНА. Я, милая, в этих делах не смыслю ни бельмеса. Сподобней мне в печке, вот в ней кормилице и готовлю *(кивок в сторону печки)*.

Я Майору, бывало, в печке по полбарана враз запекала – так нахвалиться не мог. Сам лакомится, да ещё и друзей своих потчует: гусарского командира с гренадёрским штабс-капитаном.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, это на него очень похоже, с детства он такой. Один ни за что за стол не сядет, всё ему надо кого-то угостить, с кем-то поделиться...

АЛЕКСАНДРА *(задумчиво)*. Там, мама, не он, а его всё больше угощали. То из пулемёта, то из противотанковых... Майор – он ведь какой? Из штаба корпуса по рации передают: продвинуться до высоты 14-02, закрепиться и вести наблюдение. Да разве его удержишь! Он высоту прошёл – ему надо узнать, что там за дымок на опушке, есть ли там противник. Опушку разведаль – до оврага чешет: «Вперёд, вашу Машу! Короткими перебежками вперёд!..» Вот и угощали Майора, а заодно и всех нас за такую расторопность – то из самоходок с фланга, то из миномётов... Только успевай хлопцев перевязывать.

От нахлынувших воспоминаний Александра снова тянется к пачке с папиросами, однако сдерживается, не закуривает.

АКУЛИНА. Истинный Христос – так, родимая! Боевитый он мужчина, как порох горячий. Майор со своими егерями завсегда первым на неприятельский редут заскакивает. Ему вражью флешу взять – что мне чебака почистить. За то и Георгием жалован.

(Доверительно понижает голос.) Мне сказывал, что после баталии тот крест не кто иной, как сам фельдмаршал ему на мундир вешал!

АННА СЕМЁНОВНА. И это атаманство у него тоже со школы. Мальчишки соседский сад обтрясут или поле гороховое потопчут – к кому сразу с претензиями идут? Ко мне. На него жалуются. Кому ж, как не ему, пацанов за яблоками, за горохом подбивать...

Между авансценой и залом возникает конструкция, напоминающая окно. Анна Семёновна подходит к этому окну, вглядывается сквозь него куда-то далеко-далеко...

АННА СЕМЁНОВНА. Я уж потом и не удивилась, когда он объявил, что военным стать хочет. С его характером – только и командировать.

Пауза.

Только вот матери-то каково? Я ж его взрослым толком и не видела. То он на полевых сборах, то на учёбе, то на войне... Хоть бы писал почаще...

Рядом с окном Анны Семёновны появляется ещё одно. К нему приближается Александра.

АЛЕКСАНДРА *(сквозь окно – куда-то вдаль)*. Да... Писать он точно – не того... Не очень из Майора писатель... Не Максим Горький, не Демьян Бедный... Для него боевое донесение на полстранички составить – и то мука мученическая. Всё меня просил... Вот и сидишь ночью у коптилки, карандашом по бумаге водишь...

«За минувшие сутки подразделение продвинулось на пять километров в северо-западном направлении, основные силы закрепились на рубеже “водокачка – террикон”. Потери: шесть человек убитыми, десять ранеными. Обеспеченность боеприпасами: семьдесят процентов...»

Или другое...

«За личную стойкость и проявленную при захвате плацдарма инициативу прошу представить к ордену Славы третьей степени командира расчёта ПТР младшего сержанта Никешина В.В. Персональную характеристику и ходатайство заместителя по политчасти прилагаю...»

Но хуже всего, когда такое...

«Уважаемые Нил Петрович и Евдокия Герасимовна! Командование войсковой части сообщает, что при форсировании водного рубежа ваш сын пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины. Память о вашем героическом сыне навсегда сохранится в сердцах его боевых товарищей...»

На авансцене появляется третье окно. К нему приближается Акулина.

АКУЛИНА. Да что там говорить, что говорить... Плоше того нету – когда молоденьких солдатиков убивает. Принесут его сердешного, по-

ложат под хоругвями полковыми. Майор подойдёт к нему, в лицо взглянет, честь отдаст, а после слово сугубое скажет. Предаём, мол, земле воина, который не посрамил штандартов наших, славой овеванных, верой да правдой служил Государю и Отечеству... А убиенный солдатик лежит, что твой херувимчик: тихонький такой, кроткий – будто спит. *(Вытирает кончиком платка глаза.)*

А ты стоишь и думаешь: а ведь у него, небось, матушка где-нибудь осталась, батюшка опять же... Ждут ведь... Братья-сёстры, небось...

АЛЕКСАНДРА *(её рука ложится на живот)*. Жена...

АКУЛИНА. И супруга, да... *(Погладив свой живот.)* Может стать, и детки...

Женщины некоторое время молчат. Каждая, глядя в собственное окошко, думает о чём-то своём.

Акулина первой нарушает молчание, она затягивает грустную протяжную песню. Но песня у неё не ладится, а Анна Семёновна с Александрой запев не подхватывают. Очень быстро песня обрывается.

АКУЛИНА *(вздыхнув)*. Ежели он на почтовых, то вскорости заявиться должен. Почтовые лихо скачут. Ну а уж коли на перекладных доведётся... С перекладными может и до завтрева не приспеть. Известное дело: перекладные лошади – они ж морёные, худосправные. Влачатся едва-едва.

АЛЕКСАНДРА. Ну тайга, ну тундра... Ну ночь полярная! Ты б его ещё на собачьих упряжках... Двадцатый век на дворе! Пароходы, автомобили, паровозы для кого существуют? Да Майор, скорее всего, литерным поездом едет. Литерные вообще без остановок шпарят, все мелкие станции насквозняк проскакивают. Если он сюда литерным, то уже сегодня в Завьялово прибудет. А там какую-нибудь полуторку попутную поймает – и к нам.

(Смотрит на часы на своём запястье.) По расписанию час назад литерный должен был в Завьялово остановиться.

АННА СЕМЁНОВНА *(кивает на её часы)*. Может, они у тебя это самое?... А, Саша?... Может, спешат – часы-то?

АЛЕКСАНДРА. Эти не спешат, мама. И не отстают. Немецкое качество. Их Майор лично с убитого лётчика снял, когда ихний сбитый штурмовик перед нашими окопами упал. Снял – и мне подарил. Застёгивает он такой ремешок на моей руке и говорит: носи, Шура, не снимай. Всегда и везде, говорит, обо мне помни.

Александра бросает победоносный взгляд на Акулину.

АКУЛИНА *(насмешливо покосилась на часы)*. Эка важность – цацка со стёклышком! Была б хоть с финифтью... У меня таких с полсундука – всё он, всё Майор надарил.

Подходит к сундуку, хлопает по крышке.

Сукна одного баварского – полштуки, ситцу лифляндской мануфактуры – аршина четыре... А бусы... А серьги-перстеньки всякие... А кружевные полушалки с платками узорчатыми – им и счёту нет. А когда мы только-только в земли супостатовские вступали, так Майор мне зеркальце с гребнем пожаловал!

Скрещивает руки на груди и высокомерно смотрит на Александра. Та хочет что-то возразить, но в спор вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА. Да ладно вам, сороки, растрещались тут... Я вот чего боюсь: а вдруг мы напрасно ждём? А если не придет он? Может, ошибка какая? Может, напутали в домоуправлении?

АЛЕКСАНДРА. Да что вы, мама! Госучреждение всё-таки, разве могут там напутать? Они ж не сами придумали, им из военкомата сообщили... Мне в домоуправлении как сказали? Сказали, что им лично заместитель военкома звонил, адрес наш уточнял. Мол, встречайте, прибывает к вам сегодня человек прямо с театра военных действий... Раз к нам – и с театра, то кому, как не Майору, быть?

АКУЛИНА. Да и я тоже... И у меня такой же расклад выходит. Я на медни на картах раскинула, так на то и выпало: король треф поверх семёрки крестовой лёг, а сбоку рядом – все четыре дамки примостились. Вот и не верь после того гаданиям... Это ж хоть как толкуй, а одно получается: для Майора – дальняя дорога, аккурат к нам, к дамам. Карта, маменька, не солгёт!

АННА СЕМЁНОВНА. Так нас-то трое... А дам, говоришь, четыре выпало.

АКУЛИНА (*поспешно*). А четвертую, маменька, можно в расчёт и не забирать. Бубновая дамка уж после затесалась, когда я на другой раз перегадывала. Истинный бог: бубновая масть – она шальная, неверная... И тыфу на неё, на бубновую!

(*Пожимает плечами.*) Кота Ваську опять же взять... Так с утра морду себе намывал, так намывал... К гостю – примета верная.

Из-за кулис – в той стороне, где находится кухня – раздаётся резкое громкое шипение, оттуда вырываются клубы пара. Женщины ахают, машут руками, гомонят... Слышны возгласы: «А картошка... Девочки, про картошку-то забыли!», «Ой мы непутёвые, кастрюлю на плите оставили!», «Ах я клуша неспохватливая!», «Растяпы мы, разявы мы какие!»...

Анна Семёновна и Акулина бросаются на кухню. Александра остаётся в комнате.

АЛЕКСАНДРА (*подходя к своему окну*). Ну, здравствуй, мой милый, мой любимый товарищ Майор. Ты ведь так просил к тебе обращаться – по уставу, по форме. Не всегда, конечно, а когда кто-то рядом... Хотя все всё про нас знали – и бойцы, и офицеры... Но ты всё равно... Ночью в землянке мне ласковые слова шептал, нежные, а днём, при всех... «Докладывайте, товарищ санинструктор», «Выполняйте, товарищ санинструктор»... «Есть, товарищ Майор»... Смешно.

Хотя, какой уж тут смех, если подумать... Кто я тебе? Обычная батальная походно-полевая жена. ППЖ, утеха между боями. Таких в действующей армии сотни, тысячи... Но ведь случилось же... Встретились же... Именно ты, именно со мной. Произошло ведь это как-то с нами...

Иногда думаю: а что было бы, если б ты тогда в наш прачечный батальон не приехал? Или вместо тебя появился бы кто-нибудь другой... И так страшно от этой мысли становится! И гоню его от себя – этот вопрос... Ведь тогда бы я не встретила тебя, мой нежный, мой суровый, мой единственный Майор.

Я ж на фронт – по комсомольскому призыву. Понятное дело: вместе со всеми в диверсионный отряд просилась, чтоб радисткой или разведчицей – как Зоя Космодемьянская. А меня вместо диверсионного отряда – в БПР, в банно-прачечную роту. С утра до поздней ночи кипятишь в котлах солдатское исподнее, гимнастёрки, штаны, отстирываешь кровь, мазут, сажу. Если в наряде – воду в бак вёдрами таскаешь, дрова в огонь подкидываешь, щёлок разводишь. Потом полощешь, полощешь в ледяной воде, отжимаешь, развешиваешь... К концу дня ноги не идут, руки не разгибаются, с пальцев ногти от щёлока слезают... Каждый день одна и та же мысль в голове колесом вертится: до вечера б только продержаться, полкотелка каши в палатке умять – и спать, спать, спать... И тут – ты! *(Закуривает.)*

Высокий, подтянутый, весь в ремнях. Сапоги начищенные, планшетка сбоку... Ты тогда за обмундированием к нам приехал. Пригнали к тебе новобранцев, а формы на всех не хватило – вот и завернул в ближайшую БПР за брюками, кальсонами, за гимнастёрками и ватниками...

А наш старшина ни в какую: нету, говорит, лишней обмундировки, товарищ командир, всё распределено. Ты и взвился, за грудки старшину: да мне, вашу Машу, так и растак, завтра в бой, а красноармейцы кто в чём. Вынь да положь мне тридцать комплектов! И уже к кобуре за ТТ тянешься... Не стал старшина судьбу испытывать. Подозвал меня, дал лопату. Иди, говорит, Шурка, с товарищем майором в балку, откапывайте – которое мы там зарыли. Ну и поясняет тебе: мы шинели, нижние рубахи да гимнастёрки, что с убитых снятые, землёй на несколько дней присыпаем. Мёртвый дух – он стойкий, его никакой стиркой не возьмёшь, никаким мылом или там кипячением... А земляца – пожалуйста, земляца всё вытягивает, в себя забирает. *(Несколько глубоких затажек.)*

Так и познакомились... Ты мне копать не дал, сам лопатой орудовал, сапоги свои щегольские хромовые в глине увязюкал... Пока работал, про себя рассказал, про свой батальон... Про мою жизнь расспросил... А потом и говоришь: давай ко мне, Шура, чего тебе здесь киснуть, красоту свою щёлоком губить? Подумай... А я долго не думала. В БПР – паёк полуголодный, ежедневная бабская ругань, ладони от горячей воды распухшие. А там – настоящая война и мужчина, которому я нужна. Чего думать-то было? Помогла узлы с формой в машину закинуть – и сама следом в кузов прыгнула. *(Короткая пауза.)*

Так вот я и стала санинструктором при батальоне. А на деле – при тебе... За это время всякого повидала, всякое было. И драпали мы вместе, и в рейды ночные ходили, и в разведку боем, и в наступление... Ты всё на передке, а я раны бойцам бинтовала, шины накладывала, спиртом руки-ноги обмороженные растирала, донесения вместо тебя писала... Подворотнички тебе пришивала – ты любил... Любишь, что-бы подворотничок всегда свежий. Ну а потом вот это... *(Осторожно трогает живот.)*

Я сначала знаешь, как струсила! Хотела избавляться, уже с медсанбатовскими за трофейный портсигар и вальтер в придачу договорилась... И тут ты обо всём догадался. Отматерил, по щекам даже отхлестал. Рожай – и точка! Сына, сказал, мне роди. Обязательно сына... Ну и сюда меня... *(Оглянулась.)*

К матери своей меня отправил. Она, сказал, тебя как дочь родную примет. А я, мол, приеду, обязательно приеду, ты жди только. *(Всматривается в окно.)*

А как иначе, товарищ Майор? Конечно, дождусь. Обязательно... Ты только воюй там как следует, не жалея гадов. И патроны не экономь. Тогда война быстрее кончится, тогда ты скорее вернёшься – вот и увижу тебя. *(Пауза.)*

Может, даже сегодня увижу... Тебе, наверно, отпуск дали. За храбрость – ты ведь такой у меня... Или по ранению... Ну, даже если и по ранению, всё равно хорошо! Я ведь санинструктор, я про раны боевые всё знаю. И про то, как за выздоравливающими ухаживать, – тоже лучше других... Со мной у тебя любой рубец быстро заживёт. Со мной ты мигом поправишься. *(Затягивается папиросным дымом.)*

Даже если ты без руки или без ноги... Неважно... Приезжай... Милый, родной, близкий мой товарищ Майор... Возвращайся.

В комнате снова движение, входят Акулина и Анна Семёновна. В руках у Анны Семёновны блюдо рассыпчатой, исходящей паром картошки.

АННА СЕМЁНОВНА. Вот ведь канарейки легкомысленные! Зачикались, замечтались, а о кастрюле на плите забыли совсем.

АКУЛИНА. Вороны, как есть вороны. Вода, почитай, вся выкипела. Ещё б самую малость – и пропала бы картошка, сгорела бы.

АННА СЕМЁНОВНА *(ставит блюдо на стол)*. Вовремя спохватились, услышали... Но всё равно – разварилась немного.

(Присматривается к Александре.) Да ты никак опять за папиросу? Сашенька, я же просила...

АКУЛИНА *(примирительно)*. А и ничего... Иной раз – и пускай себе... Я люблю, когда в избе дух табачный. Чуешь дым, и мнится тебе, будто мужчина в доме.

Анна Семёновна забирает из рук Александры окурки, бросает его в печку.

АННА СЕМЁНОВНА. Если в домоуправлении не напутали, скоро будет нам тут и мужчина. Ну-ка, девочки, посмотрите зорким глазом, может, ещё чего на столе не достаёт?

АКУЛИНА. Вестимо, чего недостаёт, маменька. Двух шкаликов не хватает. Майору бы, как водится, бутылку с горькой водочкой выставить – с крепкой, мужиной. А нам, стало быть, как бабам – со сладенькой.

АННА СЕМЁНОВНА. Да за этим дело не станет. Припасено давно – как раз для такого случая. Вон, на кухне, в верхнем шкафу – пшеничная. Сама за ней ходила, выбирала... Он же пшеничную любит.

АКУЛИНА. Неправда ваша, маменька. Анисовую он уважает. Сколько раз бывало: только мы на бивак, Майор сразу меня да денщика своего Мартына конопатого кличет. И распоряжение, значит, нам даёт: мне огонь разводить, кулеш пожирней варить, а Мартыну – в обоз шуровать, за анисовкой.

АЛЕКСАНДРА. Ага, ага... Приснилось тебе? Да я полтора года на фронте – что-то ни разу никакой анисовой там не встречала. В лучшем случае наркомовскую в бидонах привезут, да и то на дивизионных складах разбавленную. Так Майор положенную ему сотку никогда не пил, бойцам свою порцию отдавал. А сам – только спирт. Исключительно. Мы в санбате спирт доставали, на трофеи меняли.

АКУЛИНА. Обижаешь, любезная. Как перед святой иконой говорю: анисовую он... Мартын в обоз проскачет, с маркитантами потолкует – и на тебе шкалик. Под горячий кулеш чарка анисовки – самое расчудное дело!

АЛЕКСАНДРА (*раздражённо*). В бреду, что ли, тебе эта анисовка привиделась? Да после дневного марша, да по распутице, да ещё под обстрелом, тебя только спирт в чувство приведёт. Махнул грамм пятьдесят – и душа сразу замурлыкала.

(*Уже спокойнее.*) Вечером в деревне какой-нибудь остановимся, посты выставим – все старшие офицеры сразу в нашу избу. Достанет Майор свою заветную фляжку, колпачок открутит, разольёт по кружкам... И первый тост – всегда сам: за скорую победу, за товарища Сталина, за полную гибель проклятых оккупантов! Выпьет – и сразу тянется к казбечине... У него в запасе всегда «Казбек» был. (*Достает свою пачку.*) Такой вот, московский. Это ж я у него... От Майора у меня к «Казбеку» привычка.

АКУЛИНА. И ничуть того не бывало! Ты сама, ластонька моя, видать, запаматовала. Трубку он курил... Курит, то бишь... Трубочка у него ещё такая деревянная, голландской работы – резная вся. А в кисетной сумке – завсегда с полфунта табаку с собой, тоже голландского. Ох и злой табачище! Майор мне раз для смеху затянуться велел, так я потом до вечера отчихаться не могла.

АЛЕКСАНДРА (*едва сдерживаясь*). Мама, вы слышали? Нет, вы слышали?... Это она специально так говорит, нарочно. Чтобы меня из себя вывести!.. Ей про «Казбек» – она про трубку, ей про спирт – она про анисовку какую-то ветхозаветную... Это, мама, она для того, чтобы меня до белого каления довести, чтобы по нервам больше. Знает ведь, что я контуженная, взрывом в блиндаже заваленная. Знает, что сорваться могу в любой момент.

АННА СЕМЁНОВНА. Девочки, девочки, да вы что? Зачем вы это?.. У нас сегодня день такой, а вы... Как маленькие, в самом деле, из-за пустяков. Какая разница: трубка, папироса, спирт, анисовка... По мне – так уж лучше бы всего этого вообще не было. От алкоголя да от табака – зло одно.

АКУЛИНА. Истинно так, маменька! В нашей деревне до смертоубийства сколь раз доходило, как мужики лишку в кабаке хватят. За топоры, за вилы да за косы с пьяных глаз брались. Дворовые и те разнимать их робели, барыня для усмирения с уезда жандармскую команду вызывала. (*Сокрушённо качает головой.*) А на войне – и того ту же. У нас в соседском полку простой унтер по пьяному делу ротмистра до смерти зарубил. Тот ему, значит, замечание по службе, а этот бесстыдник – за тесак тотчас!

АЛЕКСАНДРА. Что говорить, бывает... Такой герой, особенно если при больших звёздах, налёт шары и давай куражиться-изгаляться, власть показывать... Помню, отходили мы. Только оторвались от противника, к вечеру у плотины встали, окопались, сапёры мины поставили. И тут полковник со штаба армии на «виллисе»... «Бежите, драпайте, фронт, вашу Машу, оголяете!? Да я вас, паникёров... Да я вас под трибунал!.. В ружьё! В атаку!» А куда в атаку на ночь глядя? Там же не видать ни зги, там минное поле. Только полковнику до фени. Глаза красивые, как у борова, перегаром от него за полверсты. Машет пистолетом: «В атаку, суки! Вперёд!»

АННА СЕМЁНОВНА. И что же? Пошли в наступление?

АЛЕКСАНДРА. А куда денешься? Полковник же, из штаба же. С ним автоматчики-мордовороты. Пошли... Точнее, не мы пошли, а штрафники с приданной роты. Половину личного состава они на том минном поле ни за хрен собачий оставили. Вообще зазря людей положили. *(Закуривает.)*

Ну, это я, конечно, так, для примера. Нехарактерный, кстати, пример... На войне ничего зря не бывает, там всё одной-единственной цели подчинено. Великой цели. Победе. И если в тебя вражеская пуля попала, значит, у противника уже на одну пулю меньше стало. Если ты в атаке на мину наступил, то товарищ твой, который сзади, целый остался. Дальше товарищ побежит – к победе. Вместо тебя и благодаря тебе... Нет, там ничего зря не случается.

Анна Семёновна подходит к Александре, осторожно прикасается к рукаву её гимнастёрки.

АННА СЕМЁНОВНА. Скучаешь?... Тоскуешь?... По тому времени, по тем отношениям тоскуешь?

АЛЕКСАНДРА. Да... Тяжело, мама... Днём за делами, за суетой не так как-то... Забываешь... А вот вечером... Бывает, так защежит, так узлом здесь закрутит... *(Трогает гимнастёрку – там, где медаль.)*

Знаешь ведь: они сейчас там, под осколками, в снегу по пояс, последние сухари, может, делят. А ты здесь, в сытости, в тепле и достатке. И главная у тебя проблема – что картошка переварилась да салфетки не в тон скатерти. Они в мёрзлых траншеях, а ты тут на кровати, с бельём, с подушками в рюшечках... Ладно бы калека была, по ранению, по инвалидности вернулась. А то ведь... *(Смотрит на живот.)* Вот ведь почему всё это... Вот ведь из-за чего... Это как, мама? Справедливо это?

АКУЛИНА. А я тебе таким порядком обскажу, Ляксандра Батьковна: наша долюшка бабья. Раз и навечно установил создатель порядок: мужчинам ратное дело справлять, торговать, крестьянствовать или по наукам там... А нам, бабам, рожать.

(Вздыхает.) Мне тоже, может, иной раз ночной порой примнится, будто я в кибитке походной в обозе за Майорским полком привычным порядком следую. Будто с лабазниками за каждую голову сахару торгуюсь, с Мартыном конопатым лаюсь да ввечеру мундиры офицерам латаю, кивера им с эполетами чищу. А проснусь, слёзы утру – и думаю себе: небось, промысел господний – он разумней прихотей наших. И более проку будет, ежели мне не в телеге по степи трястись, а здоровенького да пригожего сынка Майору родить. Вот нарожу, окрещу и Симеоном нареку – как он велел.

АЛЕКСАНДРА. Каким ещё Симеоном? Сим его будут звать. Мы с Майором так решили: Социализм-Интернационал-Маркс. Сим.

АКУЛИНА. Господь с тобой, родименькая, подобного имени ни в одних святцах не отыщешь. Симеоном – в память праведного Симеона Верхотурского.

АЛЕКСАНДРА. Чего-о?... Какого ещё Верхотурского? Какого праведного?... Ты мне эти поповские бредни брось. Сказала – Сим, и никаких!

АКУЛИНА *(необычно твёрдо)*. Нет, Симеон будет. Симеон.

АЛЕКСАНДРА. Да такое старорежимное имя ни в одном загсе не регистрируют. Сим, только Сим, сказала же!

АКУЛИНА. Не знаю я никаких Симов, сроду такого православного имени не слыхивала... Симеоном сыночка назову!

Между женищинами вот-вот вспыхнет нешуточный скандал. В спор поспешно вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну чего вы тут раскудахтались, как клуши из-за насеста? Подеритесь ещё, животами потолкайтесь. Не знают они, как сына назвать. Ну а если девочка родится? Что тогда?

АЛЕКСАНДРА. Нет, мама, сын. Майор сказал, что сына хочет, значит, мальчик...

АКУЛИНА (*убеждённо*). Всенепременно мальчишка народится! Я, маменька, примету знаю. Ещё бабка моя сказывала: ежели брюхо огурцом топорщится, стало быть, мальчонку жди, а уж коли репкой – девка случится.

Акулина с явным чувством превосходства гладит живот. Александра машинально тоже кладёт руку на свой живот, смотрит на него, пытаясь определить: репкой он у неё или огурцом.

АННА СЕМЁНОВНА. А мне вот кажется, что он и девочке был бы рад. Что в девочке плохого? Девочки – они послушные, ласковые, по чужим огородам не шастают. И рядом всегда, не уезжают от тебя.

В комнате вновь возникает долгая пауза. Каждая из женщин думает и молчит о чём-то своём.

Молчание нарушает голос Акулины – она снова пытается завести свою протяжную песню. Однако её пение скоро обрывается, остальные женищины куплета не подхватывают.

АННА СЕМЁНОВНА. И всё-таки беспокойно мне как-то, тревожно... Саша, а ты точно всё поняла? Ну, про приезд?

АЛЕКСАНДРА. Говорю же, мама: из домоуправления звонили, я лично с ними разговаривала... В четверг, сказали, ждите. Сегодня ведь четверг?

АКУЛИНА. Четверг, четверг. Аккурат великий праздник – день святомученика Пантелея Постника.

АЛЕКСАНДРА (*досадливо машет рукой*). Да у тебя таких праздников больше, чем дней в году. Вот если бы Майор в самом деле приехал, вот это был бы праздник так праздник!

АННА СЕМЁНОВНА. Если бы, если бы... Боюсь, как бы не напутали они там в домоуправлении. Им из военкомата могли одно сказать, а они нам... Видели б вы, какие там вертихвостки сидят.

АЛЕКСАНДРА. Да нет. Со мной мужчина разговаривал. И немолодой, судя по голосу.

АННА СЕМЁНОВНА. Если мужчина, значит, это Николай Ефремович, он у них по начислениям. Или Рифкат Мирхатович, этот по водопроводной части. (*Пауза.*)

Может, нам самим позвонить?

АЛЕКСАНДРА. Куда?

АННА СЕМЁНОВНА. В домоуправление. Уточнить, расспросить... Вдруг ты что-нибудь упустила, не расслышала.

АЛЕКСАНДРА. Да всё я расслышала, мама, всё поняла. Впрочем, если хотите... Давайте позвоним. Номер знаете?

АННА СЕМЁНОВНА. Домоуправления-то? Знаю, знаю, 33-79 у них номер. Там ещё добавочный есть, у меня на календаре в прихожей записано...

Продолжая обсуждать этот вопрос, Александра и Анна Семёновна покидают сцену. В комнате остаётся Акулина. Некоторое время она молча стоит у стола, затем подходит к своему окну.

АКУЛИНА. Вот уж и к закату солнышко, садится... Вскорости месяц появится – поярче бы светил, дорогу тебе указывал... Где ты, сокол мой разлюбезный? Знала бы, сама б навстречу побежала, на крыльях полетела... Ох, сколько слёз горячих я пролила, в это окошко глядячи! Всё тебя выглядывала, дожидалась... Неужто, дождалась? Неужто, сегодня приедешь?

(Тревожно.) А ну как приедешь – и не глянешь на меня? А глянешь, так скажешь: до чего ж ты, Акулька, постарела! Где румянец твой? Где бровь смоляная? Где волос твой шелковистый?... А тут ещё и брюхо... *(Задумывается.)*

Нет, не скажешь. Не таков ты, Майор. Ты мужчина уважительный, ласковый, обходительный... *(Умиляется нахлынувшим воспоминанием.)* Я ж тебя, орёлик мой, с первоначального взгляда от всех прочих отделила. И не знаю, чего нашла в тебе: и не самый ты осанистый, не самый приметный, и мундир у тебя не новый, галунами да шитьём не богатый. А поди ж ты... Как взглянул на меня, так будто взваром горячим плеснул.

Ты, раскрасавица, меня спрашиваешь, стряпаешь хорошо? Изрядно стряпаю, ваше благородие, отвечаю, господа не жаловались. А сама очи долу, маковым цветом зашла вся, дыхнуть боюсь. Ну а коли так, смеёшься, то поступай к нам в обоз, кашеварить вместо Афанасия, коему давеча шрапнельным снарядом руку по самый локоть отхватило. Не заробеешь?

А чего мне было робеть? Деревню нашу супостат окаянный дотла спалил, родни никого, барыня с управляющим уехали – ищи их днём с огнём... Вот и поступила. Стряпала на всю ватагу, бельё стирала, онучи штопала. Ну а после... После ты самолично к нам в обоз навещаться стал. То кулёк сушёной вишни в гостинец принесёшь, то клюквы мочёной, а иной раз – и конфект в бумажках, у неприятеля отбитых. Я по первости жеманилась, отворачивалась, а потом... Потом – ничего... Через две недели к тебе в палатку перебралась.

(Улыбается.) Уж как меня твой Мартын за это бранил-костерил, какими поносными словами называл – то содомный ужас! А чего дивиться? Ему ж после моего переезда в солдатскую кибитку уйти пришлось. Но ничего, смирился служивый. Ну а как толечко он мои щи из потрохов попробовал, так и вовсе помягчел сердцем. Кумой величать стал.

(Помолчав.) Срамная я, видать, баба. Как есть срамная – а сказать не совестно. И вспомнить не совестно: про любовь нашу жаркую и про слова, кои я тебе в палатке по ночам шептала. А уж про то, что мы вместе с тобою перетерпели, – тем паче не совестно. И замерзать зимой в буранном поле замерзали, и голодать без корки хлеба голодали, и батареи супротивника по нам так садили, что головы не поднять... Однако ж живы остались, и ни холод, ни глад, ни пуля мушкетная, ни ядро калёное нас с тобой не разлучили.

А уж чего я вынесла, когда ты с командой в бой бросался!.. Сидишь в обозе, а за рошей сражение гроыхает. Слушаешь, как единороги да трёхфунтовые там бабахают, – и озноб тебя до микиток забирает. Не от стужи и ветра трясешься, не от страха – от заботы о тебе, милый мой. Знаешь ведь, что сей миг ты со своими молодцами либо от кирасиров отбиваешься, либо редуты в штыки берёшь. И молишься, и молишься целый день за тебя – и Царице Небесной молишься, и Николаю Угоднику, и Святому Серафиму... Чтoб оборонили тебя от беды. Чтoб сберегли, чтoб в обиду не давали. *(Крестится.)*

А ввечеру вернёшься ты в табор наш, мундир пропотевший скинешь, мне в штопку отдашь. А я примошусь в палатке в уголке, сижу, чищу мундир, прорехи на нём латаю – и нарадоваться не могу. Гляжу на тебя украдкой, как ты окрошку с капустой квашеной наворачиваешь, как варенухой запиваешь, как усы обтираешь, и слёзы у меня сами собой текут, текут... Ты чего-нибудь спросишь, а я и ответить не в силах, слова, как кони стреноженные, в горле путаются... Вот такая я у тебя колода осиновая, неотёсанная.

(Улыбнувшись.) А ты всё одно не серчал на меня. Понимал небось, отчего я такая тебя встречаю. Весело так подмигнёшь мне из-за стола да озорную шутку какую-нибудь скажешь. А потом зачнёшь припоминать, как вы неприятеля гнали, какие штандарты у лихоимца захватили да сколько бусурман за день в полон взяли... А после – стакан варенухи мне поднесёшь, обоймёшь крепко, да песню мы с тобой споём. Любили мы вместе-то, песни-то... Помнишь, сколь перепели вдвоём?.. А сколь вёрст мы вместе, голубь мой, отмеряли! От матушки-Москвы до самого ихнего холодного моря с боями дотопали. И дальше бы я с тобой пошла, да вот незадача... Сподобило же... *(Гладит живот.)*

Как ты только ты проведал об этом деле, тотчас же собираться велел. Негоже, сказал, тебе, Акулина, в походной кибитке сына рожать да пестовать. Вот тебе подвода, вот тулуп, гостинцы, денег пятьдесят рублей серебром – и поезжай прямиком к матушке. Она тебя приютит, примет. Ой как голосила я тогда, ой как я тужила, как слезьми обливалась! Моченьки не было от тебя уезжать. Да куда ж денешься? Куда в походе с таким бременем? *(Вытирает глаза.)*

Уехала. Вот теперь у матушки твоей. Ничего, хорошо приняла, породственному, грех пенять. Ничем меня не обделяет, по хозяйству всё сама, всё сама старается... Однако ж – тоска нет-нет да и возьмёт. Вспоминаю тебя каждый божий день и молюсь о тебе – и утром молюсь, и перед обедом. И как почивать ложиться – тоже молюсь. Оборонил бы тебя Илия Пророк от всякого ратного лиха, от глаза дурного, от болезни худой. А засну – всё одно тебя во сне вижу. Как ты домой приходишь, как обнимаешь меня, как целуешь, усами своими колешь. И будто даже слова твои лестные слышу. Ну да уж ладно, и без слов бы ничего... И без слов можно, не раскисла бы... Только б вернулся. Только бы краем глазка тебя... *(Пауза.)*

Неужто сегодня? И желаю поверить – и не могу. Боюсь... Помолиться надо, как следует помолиться. И свечку поставить...

Акулина отходит от окна к стене, прилаживает на полку небольшую иконку, зажигает свечку. Акулина смотрит на икону, что-то шепчет, крестится...

В комнату возвращаются Анна Семёновна и Александра.

АЛЕКСАНДРА. Ну, что я вам, мама, говорила? И зачем только звонили, людей от работы отвлекали. Они то же самое нам пересказали, слово в слово: сегодня вечером прибывает. Скорее всего, литерным поездом до Завьялова, а там попуткой. В Завьялове же элеватор, там грузовиков много ходит, посадит кто-нибудь. Как такого героя-фронтовика не подвезти – в форме, при орденах?

АННА СЕМЁНОВНА. Да, да, при орденах... Но знаешь, Сашенька, мне почему-то показалось, что как-то не очень уверенно в домоуправлении о его приезде сказали. Неопределённо как-то, в общих чертах...

АЛЕКСАНДРА. А им-то что с того, что к нам Майор приезжает? Им-то какая радость? Сейчас много с фронта едет. Позвонили им из военкомата – они и передали нам телефонограмму в двух словах. На кой им вникать?

АКУЛИНА. Ну так как? Что вывели? Приезжает? Сегодня ждать?

АННА СЕМЁНОВНА. Сегодня, родная, сегодня. Тут главное, чтобы поезд вовремя...

Анна Семёновна выразительно смотрит на часы на руке Александры.

АЛЕКСАНДРА (*снимает часы с запястья, заводит их*). Да всё нормально, мама, не спешат они. Говорю же – немецкое качество... (*Кладёт часы на стол.*)

Лишь бы поезд не задержался. Но литерные редко опаздывают, их через узловые по первой категории пропускают.

(*Замечает иконку и горящую свечу.*) А это ещё что такое? Что за иже еси на небеси?..

АКУЛИНА. Образок Николая Чудотворца. Известное дело: он во всякое время путников оберегает, домой их коротким путём направляет. Никола – он для ратных да путешествующих людей первый заступник.

АЛЕКСАНДРА. Нет, мама, вы видели? Вы слышали это?.. Я говорила вам – нарочно она. Специально. Чтоб в гроб меня – не мытьём, так катаньем. Это же чистой воды религиозная пропаганда!

АННА СЕМЁНОВНА (*примирительно*). Да что ты, Сашенька... Какая это пропаганда? Иконка и свечка – кому они мешают?

АКУЛИНА. Никому не мешают, а иным наоборот весьма даже способствуют. Особенно тем, которые в дальнем странствии находятся, которые домой поспешают.

АЛЕКСАНДРА. На слезу давишь? Да ты меня за идиотку полную держишь? Затешила старый огарок, возле картинки его пристроила – и чуда ждёшь? Думаешь, Майор сюда мигом на ковре-самолёте примчится? Ты, Акулина, эти древнегреческие мифы, эти сказочки дядюшки Римуса, это своё вредительство библейское – брось! И мне голову не морочь, и другим в моём присутствии не позволю. Я же по комсомольскому набору... Я ж на фронте в партию заявление хотела... Я на передовой полтора года – без всяких там твоих иконок и свечек!..

Александра делает попытку подойти к полке со свечой и иконой, однако Акулина решительно встаёт на её пути.

АКУЛИНА. А я не для себя свечку. Я для него. Майор мне сам наказывал, когда прощались: молись, говорит, за меня, Акулина, почаще молись. Коли молитва горячая да от сердца идущая – она до Бога непременно доходит.

АЛЕКСАНДРА. Ты чушь-то не пори! Не мог Майор такое... Там, на фронте, на всех одна молитва: вперёд, к победе, до последней капли крови!.. И эту молитву не в углу перед иконкой читают, а у бруствера, с винтовкой.

АКУЛИНА. Это мне не ведомо. Только на прощание я Майору ладанку подарила. Была у меня ладанка – махонькая такая – с мощами Паисия Блаженного. Так Майор самолично ладанку эту из рук моих принял и себе на шею привесил.

АЛЕКСАНДРА (*яростно*). Бреешь! Как собака паршивая брешешь. Не мог он... Да никогда! Ни за что не поверю! Тебя за провокацию, за слова такие к стенке надо. Разговор короткий... Ладанка, Паисий!.. Да ты всё это нарочно... Знаешь, что я... Знаешь – и специально...

Александра с силой отталкивает Акулину и бросается к полке со свечой. Секунда – и свечка с иконой уже сброшены на пол.

Первая реакция Акулины – шок. Но испуг быстро проходит, и вот Акулина уже у стола, на котором лежат часы Александры. Акулина хватается за часы, с силой швыряет их на пол и топчет, топчет, топчет...

АКУЛИНА. Вот тебе, вот тебе, вот!.. Еретичка толстобрюхая, коро-ста бесноватая, вавилонская ты блудница!.. Это же грех, грех великий... Не простится тебе – за образец, никогда не простится... Вот тебе, ехидна, получиай, вот, вот!..

Анна Семёновна мечется между женищинами, не зная, как погасить пожар.

АЛЕКСАНДРА. Ты что наделала, мерзавка? Это же его... Он часы подарил... Он за ними – на нейтралке, под пулями...

Сначала Александра бросается спасти часы, но от них уже мало что осталось. Следующий её порыв – к сундуку Акулины. Откинув крышку, Александра начинает лихорадочно выбрасывать из сундука вещи: плаття, платки, полотенца. Некоторые из них она с яростью рвёт.

Акулина метнулась к сундуку, но наткнулась на перепуганную Анну Семёновну. Всеобщая суматоха, неразбериха, ожесточение, визг, брань... Слышны выкрики: «Безбожница, грешница!», «Ах ты, трихомундия чёртова!», «Кукла стриженная!», «Контра!», «Бесстыдная сатанища!», «Гадина подколодная!», «Выдра ты облезлая!», «Кобылица неужённая»...

На самом пике скандала раздаётся громкий стук в дверь. Женищины застывают в недоумении. Они словно парализованы этим внезапным звуком, они не знают, как реагировать. Стук повторяется. Затем – ещё раз.

АННА СЕМЁНОВНА. Да... Входите... Входите, пожалуйста. Там не заперто.

В комнату входит молодая женищина в очках. Это Анжела. Одета Анжела довольно странно: на ней камуфляжные пятнистые штаны, заправленные в армейские берцы, джинсовая курточка со стразами. Курточка неведусмысленно топорщится над её животом. В ушах у Анжелы наушники от телефона. Через плечо – дорожная сумка.

АНЖЕЛА (*вынимая из ушей наушники*). Здравствуйте... Добрый вечер... Это ведь Старосадовая, дом 45? Правильно? А то там темно, как у негра... Табличек на домах вообще не разобрать.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, верно... Старосадовая, 45.

АНЖЕЛА (*снимает с плеча сумку*). Кул... Значит, не обманул таксист. Получается, я к вам. Меня Анжела зовут. (*Осторожно переступая через разбросанное тряпье, подходит к накрытому столу.*)

Ого-го! Да у вас тут пир горой, банкет настоящий. Клёво... Картошка, колбаска, пирог даже... А с чем пирог?

АКУЛИНА. С рыбой. Рыбный пирожок – краснопёрка да леща малость.

АНЖЕЛА. С рыбой? Жаль, я рыбу не очень. Кости там... Лучше бы с капустой был.

(*Оборачивается к Анне Семёновне.*) Анна Сергеевна?

АННА СЕМЁНОВНА. Анна Семёновна.

АНЖЕЛА. Ой, да, извините... Вечно я... Конечно, он же говорил – Семёновна.

АЛЕКСАНДРА. Кто – он?

АНЖЕЛА. Как кто? Майор, разумеется. Вам разве не звонили, что я приезжаю? Из военкомата должны были.

АННА СЕМЁНОВНА. Из военкомата? Ах, да, да, да... (*Растерянно оглядывается на Акулину и Александра – словно поддержки просит.*) Был из военкомата звонок... Точнее, из домоуправления. Правда, мы не совсем... Тут, по-видимому, путаница какая-то...

АНЖЕЛА. Никакой путаницы. Они предупредили – вот я и приехала. (*Бросает взгляд на стол.*) Выходит, это ради меня такой фуршет? Спасибо, я действительно с дороги голодная. Представляете, вылет на три часа задержали, с погодой косяки какие-то. (*Передразнивает диктора.*) «Ваш рейс задерживается по условиям аэропорта прибытия, приносим свои извинения». Вот и пришлось куковать. А в аэропортовых кафешках сами знаете, какие цены.

(*Спохватывается, заметив вопросительные взгляды женщин.*) Ой, простите, забыла совсем. У меня же письмо... Сори...

Анжела достаёт из сумки конверт, протягивает его Анне Семёновне. Та машинально принимает письмо, но попыток прочитать его не делает. Все четверо стоят и растерянно смотрят друг на друга.

Конец первого действия

Действие второе

Та же комната, в ней наведён относительный порядок. Четыре героини сидят за накрытым столом, Александра – немного в сторонке. Акулина и Анна Семёновна радушно угощают Анжелу, однако в комнате всё равно незримо витает атмосфера разочарования.

АНЖЕЛА. А можно мне ещё немножко салатика? Вон того, с опятами?

АКУЛИНА. Это, голубушка, с маслятами. Сама собирала, сама солила. Вкусно?

АНЖЕЛА. Очень! Кажется, сто лет такой вкуснятины не ела.

АКУЛИНА. Ну вот и угощайся, лакомься. С дороги, как-никак... *(Качает головой.)* Тоща-то как, кости одни... И молоденькая... Дитё совсем, ангелочек!

АНЖЕЛА *(орудуя вилкой)*. Ну это вы малеха подзагнули – насчёт ангелочка. Перебор это, какой с меня ангел? Разве что имя моё на такие размышления навести может *(накладывает себе картошки)*. Кстати, мне оно никогда не нравилось. Ну что это такое – Анжела? Пошлятина, безвкусица и полный отстой... Удружили предки.

АННА СЕМЁНОВНА. Это ты о родителях своих? А где они? Живы?

АНЖЕЛА. Живы, чего им... На северах они где-то, за Полярным кругом. Сверлят что-то, бурят, добывают...

(Уловив вопросительный взгляд Анны Семёновны.) Они у меня нефтяники, они всю дорогу по вахтам, по командировкам. А я с пяти лет с бабушкой. Бабуля – она мне и за папашу, и за мамашу, и за сестру с братьями.

АКУЛИНА *(расчувствовавшись)*. Бедненькая, при живых родителях – а хуже иной сиротки... Как во поле былинка, одна-одинёшенька... Ты, милая, ещё курочки возьми, яблочков мочёных. А вот грузди солёные. Истинный Христос – ты таких ядрёных да хрустящих отродясь не пробовала.

АЛЕКСАНДРА *(реагирует на упоминание о Христе)*. Опять за своё? Ты, Акулина, можешь хоть минуту без этих своих елейностей обойтись? *(К Анжеле.)* Не обращайтесь внимания. Пережитки... *(Нервно барабанит пальцами по краю стола.)*

Папаша, мамаша... Всё это хорошо. Но, может, вы о главном, наконец, расскажете? О нём... Как он? Где сейчас? Новую должность ещё не получил?

АНЖЕЛА. Вы о Майоре спрашиваете? Да всё путём. Энергичен, деятелен, у руководства группировки на хорошем счету. Недавно вот командира бригады целых две недели замещал, пока тот болел *(выразительно щёлкает по горлу)*. В общем, всё о'кей.

АЛЕКСАНДРА *(к Анне Семёновне)*. Мама, вы слышали? За комбрига оставался, а это ведь полковничья должность. Молодец какой! Что скажешь – природный вояка.

(К Анжеле.) Наград, наверно, уже полный китель?

АНЖЕЛА. За спецоперацию к Мужеству представили. И за тот рейд медаль получил – ну, когда они в предгорье банду окружили. Да вы знаете, знаете... Об этом ещё большой репортаж по телеку был. Он тогда штурмовую группу лично возглавил и первым в их лагерь ворвался.

АЛЕКСАНДРА *(едва сдерживая улыбку)*. Да, это в его стиле... Похоже на него, охотно верю... Такой уж есть – всегда сам, всегда в первых рядах.

АННА СЕМЁНОВНА. А со здоровьем у него как? Не простыл? Не болеет?

АНЖЕЛА. Да что вы, Анна Степановна... Семёновна, то есть... Некогда ему болеть. С одного направления на другое без конца бросают. Там ему даже побриться-подшиться времени нет, не то что грипповать *(отодвигает от себя тарелку)*.

Но командование в этот раз твёрдо пообещало: как только укрепрай-он возьмут, сразу Майора в отпуск.

АННА СЕМЁНОВНА. Неужели, вправду отпуск дадут?

АКУЛИНА. Да пора б уж. Не железный, чай, не каменный...

АЛЕКСАНДРА. Давно пора! Столько лет без передышку – по окопам... А скоро?

АНЖЕЛА. Я ж сказала – сразу, как укрепрайон ликвидируют. На днях решался вопрос о начале наступления. Скорей всего, сегодня пойдут... *(Наливает себе в чашку из кувшина.)*

Его подразделению опять самый напряжный участок достался. По центру атаковать приказано, в лоб, можно сказать. А там у них, у этих, – и доты, и мины, и рвы... Короче, жарко будет. *(Спыхватилась.)* Только вы об этом никому – что сегодня наступление! Это секрет, военная тайна. Не проболтайте случайно.

АННА СЕМЁНОВНА. Да что ты, Анжелочка, не беспокойся. Кому мы выболтаем? Мы и не видим никого, живём тут как полярники на льдине... *(Вздыхает.)* Ожиданием да надеждой только и живём... *(Достает из кармана письмо.)* Вот и он тоже пишет, что здоров, не ранен... Значит, не обманывает мать. Ну и хорошо, если правда.

Анжела вопросительно смотрит на Анну Семёновну.

АННА СЕМЁНОВНА. И о тебе тоже пишет... Конечно, оставайся, живи, не стеснишь. Как дочка мне будешь. *(С улыбкой оглядывает молодых женщин.)* Есть у меня уже две дочери, ты за третью будешь. За младшую... Живи и ни о чём не думай. Как дома себя чувствуй. Будем вместе по хозяйству каждый день хлопотать, ласы точить да Майора ждать. Все вместе ждать. Вместе ведь намного веселее, правда?

(Ко всем.) Так, доченьки?

Женщины реагируют по-разному. Акулина растрогана, она кивает головой и вытирает платком глаза. У Александры, напротив, слова Анны Семёновны вызвали очередной приступ раздражения. Она резко встаёт из-за стола, закуривает и начинает мерить комнату шагами.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, Саша... Я же просила.

АЛЕКСАНДРА. Да ладно вам, мама... Опять вы... Пару затяжек только.

АННА СЕМЁНОВНА *(Анжеле)*. Ничего не могу с ней поделать. Не знаю, может, хоть ты как-то повлияешь?

АНЖЕЛА *(смутилась)*. Да я и сама, если честно... Иногда... В универе ещё, в общаге баловаться начала.

(Перехватывает тревожный взгляд собеседницы.) Но сейчас – ни-ни, уже месяц как ни одной... У меня и без этого токсикоз дикий, а уж от сигаретного дыма вообще... *(Поправляет курточку на животе.)* Я смотреть теперь на сигарету не могу, не то что...

Акулина и Анна Семёновна многозначительно глядят на Александру. Та поспешно тушит папиросу, бросает окурочек в печку.

АКУЛИНА. А с харчами... С харчами у него там как? Сухарей, крупы ячневой, конопляного масла – в достатке? Не голодует?

АНЖЕЛА. Там с питанием всё тик-так, снабженцы крутятся. Тушня, сгущёнки на складах полно, консервов всяких. Гуманитарку регулярно подкидывают... Со свежим хлебом вот одно время перебои были, но Майор быстро вопрос разругил.

(Сняла очки, протёрла.) Мы как раз в это время в ауле одном стояли, большой такой аул. Так Майор махом сориентировался: старейшин собрал и каждому – по пять мешков муки. С условием, чтобы местные бойцов лепёшками обеспечивали. И всё – нуу проблем!

АЛЕКСАНДРА. Это он может. Такой он, точно. Для своих ребят, для личного состава – хоть из-под земли... Я всегда говорила, что Майор – от бога командир. *(Осекается, заметив, что воспользовалась чужим лексиконом)*

Ну ладно, ладно, устали все дружно... Услышали, подловили, поздравляю! Я же не в религиозном смысле – о боге – а так... Для связки слов, для усиления фразы. Фигура речи, так сказать.

Все за столом смеются.

АННА СЕМЁНОВНА. А что, девчонки, не выпить ли нам по маленькой? По чуть-чуть? Повод есть, вон какая красавица к нам сегодня приехала. Да ещё и с хорошими новостями.

Анна Семёновна встаёт и идёт на кухню. Быстро возвращается с бутылкой в руке.

АННА СЕМЁНОВНА *(разливая напиток по рюмкам)*. Думали, конечно, немножко про другое. О другом поводе... Но что есть, то и есть, всё равно же получилось с мыслью о нём, да? Так за него?

АЛЕКСАНДРА. Конечно, за Майора! Чтоб бил он там врага люто, как положено, от души бил – и другим пример показывал. А потом скорее домой. С победой!

АКУЛИНА. Чтоб живёхонек да без увечьев возвращался. И чтоб лихоманка его там стороной обходила.

АНЖЕЛА. Чтоб наградной лист не затерялся и свой орден он в срок получил. А ещё – звание досрочное.

Женщины чокаются, пьют.

АКУЛИНА *(морищится)*. Ох и злая у вас водка, маменька. Забористая. Как прутom калёным всё нутро ожгло. А после в маковку шибануло.

АЛЕКСАНДРА *(скептически оглядывает Акулину)*. Было бы куда шибать. Тоже мне...

АННА СЕМЁНОВНА. Да вы закусывайте, девочки, закусывайте. Для кого всё это наготовлено?

АКУЛИНА. Известно, для кого.

АНЖЕЛА. Для него, да? Майора ждали? А приехала я... Вот...

АННА СЕМЁНОВНА *(треплет Анжелу по затылку)*. И его дождёмся. Обязательно. Когда вместе, оно и ждётся лучше.

За столом возникает пауза. Тишину нарушает звонкий голос Акулины, которая вновь пытается завести песню. Но и из этой попытки ничего не выходит, куплет обрывается на полуслове.

АКУЛИНА *(Анжеле)*. Так, сказываешь, скоро приехать должен? Отпуск посулили?

АНЖЕЛА. Лично зам командующего группировкой пообещал. Сказал, что сразу после операции подпишет.

АЛЕКСАНДРА (*задумчиво*). А операция уже сегодня... Сегодня начинается...

В комнате снова повисает тишина. Наверно, все думают о той операции, которая сейчас разворачивается где-то очень далеко, о Майоре, который участвует в ней.

АЛЕКСАНДРА (*Анне Семёновне*). Мама, а может, по новостям уже что-нибудь есть? Ну, об этой самой операции. Когда наши в наступлении, то по радио каждый час сводки зачитывают.

АННА СЕМЁНОВНА. Да, наверно... Скорей всего... Если наступление такое важное, то обязательно сказать должны. Давай сходим, послушаем. Может, и про него что-нибудь услышим, может, номер части назовут.

АКУЛИНА. Это вы, маменька, про короб махонький – что на кухне у нас? Который ещё музыку играет да человечьим голосом кричит? А что, давайте сходим, послушаем. Пускай он нам всё как есть обскажет.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, размечталась! Так тебе по центральному радио всё сразу и расскажут. Но последние известия послушать всё равно надо. Пойдёмте на кухню, сейчас как раз главные новости передавать должны.

Анна Семёновна, Александра и Акулина, поторапливая друг друга, выходят из комнаты. Анжела остаётся за столом одна. Какое-то время она задумчиво вертит в руках свой смартфон. Затем встаёт и идёт к краю сцены – к своему окну.

АНЖЕЛА (*листая снимки в смартфоне*). Добрый вечер, родной мой. Точнее, доброе утро, ведь у вас там уже почти рассвет... Как ты? Скучаешь? А я вот скучаю. Смотрю сейчас на твои фотки и ещё сильнее скучаю. Всего пара дней, как мы с тобой расстались, а я уже того... В печальках вся, разнюнилась. Вот какая слабачка я у тебя... Смешно? Если смешно, то улыбнись. (*Листает фотографии.*)

Ну чего ты не улыбаешься? Везде серьёзный такой, сил нет. И тут, и тут... И на этой... Вот что мне с тобой делать, мой суровый, беспощадный, мужественный, ласковый, ершистый, единственный-разъединственный мой Майор? Ну же, улыбнись! Не-а, фигушки... (*Смешино поморщилась.*)

Жаль, что у вас там в горах сотовая не берёт. Я бы сейчас позвонила тебе и сказала, чтобы ты селфи сделал. И чтобы обязательно – с улыбкой. А потом мне его эмэмэской. И был бы ты тогда у меня улыбающийся. Я б тогда только эту фотку и смотрела... И всем показывала бы – только эту.

(*Вздыхает.*) Да ладно, ладно, не хмурься, знаю... Знаю, что даже если б и была связь, всё равно ты бы звонить не разрешил. Режим секретности у вас там, глушилки, радиоперехваты и разная прочая хрень. Ты же ни за что ни для кого исключения не сделаешь. Даже для любимой женщины. Мне иногда кажется, что ты из стали нержавеющей или из этого, как его... Из кевлара – как броник твой. Такой же непробиваемый. За что и люблю. Сильно-пресильно люблю. Так сильно, что и сказать не могу, несмотря на всё свое высшее журналистское с красным дипломом.

(Подмигивает телефону.) А ведь сначала я тебя испугалась. Да, да, реально испугалась! Помнишь, как наша съёмочная группа к вам в расположение приехала? Вы только-только с зачистки вернулись. Грязные, голодные, злые. Два трехсотых привезли... А тут мы! Час назад как с Большой земли заявились – гламурные все: в джинсиках, с сумочками, в юбочках...

Ты тогда как нашу банду с камерами да микрофонами увидел, аж позеленел. Глаза прищурены, скулы играют. Ещё б немного... Вообще... А взгляд! Никогда не забуду тот твой взгляд, мне сквозь землю захотелось провалиться от стыда за наше дебильное задание снять бравурный репортажик с передовой. Но на следующий день ты ничего. Отошёл немного, оттаял. Даже ужин совместный организовал – для офицеров и телевизионщиков.

(Усмехается.) Вот тогда-то мы друг друга по-настоящему и разглядели. Ты за столом рядом со мной сидел, всё шутил, байки армейские травил. На гитаре пару раз сыграл. Потом мы танцевали... Вот под него и танцевали. *(Вертит в ладони смартфон.)*

Ты меня раз пригласил, другой... И больше никому в этот вечер не разрешал со мной танцевать. *(Пауза.)*

Репортаж свой мы всё-таки отсняли. Всё как положено: с синхронными, с общими планами, с комментариями. Даже имхо с боевыми действиями *(изобразила пальцами кавычки)*. Ты не поленился, специально нас к зелёнке свозил, сам там из пулемёта и АГСа стрелял. Хоть и постановка, а всё равно эффектно получилось!

Группа через день улетела, а я осталась. Наврала, что дополнительный материал набрать хочу – для итоговой программы, для очерка... А какой там нафиг очерк! Куда мне было возвращаться? К работе своей постылой, ниочёмной? К ежедневному маминому ворчанию по Скайпу по поводу моего развода? Хотя, конечно, это не главное. Из-за тебя я осталась. Хотелось тебя каждый день видеть, голос твой слышать. Ждать тебя с боевых хотелось и радоваться, как распоследней дурёхе, когда твой БТР через КПП домой въезжает. Или наоборот – провожать тебя... Вставать с рассветом и смотреть, как ты с пацанами грузишься в вертушку, чтобы потом в горы... А потом бегать каждые полчаса в штаб и спрашивать: ну что, был сеанс? Выходили на связь? Как они там?..

(Посерьёзнев.) А ещё мне казалось, что я не имела права уезжать от тебя. Просто была уверена: стоит мне уехать, как случится что-то нехорошее, непоправимое. Или на засаду нарвёшься, или фугас под твоим броневиком сработает, или на растяжку нарвёшься... Вот и осталась. Типа – в качестве талисмана. Оберега... Да ты особо и не был против такого решения. Даже хмыкнул довольно, когда я сказала, что никуда не уезжаю. Улыбнулся – и сразу морщинка твоя разгладилась. Ну, эта самая, которая у тебя от переносицы – к шраму. *(Водит пальцем по экрану смартфона.)* Да, да, вот эта самая. Так и мотались мы с тобой потом – по новым гарнизонам, заставам, по блок-постам. То палатка, то штабной вагончик, то школа какая-нибудь полуразрушенная. А я не замечала. Я ведь с тобой была.

(Задумавшись.) Боялась ли я тогда за тебя? Не-а, ни капельки не боялась. Я ведь знала: пока я рядом, никакой снайпер тебя на прицел не возьмёт. А если возьмёт, то пуля всё равно мимо пройдёт, тебя не заденет. Потому что я близко. Совсем близко – только руку протяни... Ту самую руку, что я целовала столько раз. *(Короткая пауза.)*

А вот сейчас боюсь. Очень сильно боюсь, конкретно боюсь. Ведь я уехала – и тебя одного оставила. Не совсем одного, конечно, с ребятами, с товарищами... Но всё равно одного. Без меня, потому что.

(Кладет руку на живот.) До последнего, до самого последнего момента не говорила тебе об этом. Скрывала, как могла. Да разве спрячешь такое? Разговор у тебя был короткий: полчаса на сборы, попутный вертолёт в 12.45, летишь на базу, оттуда ближайшим бортом в город – и к маме. Вернусь, разберёмся, всё решим... И вот я здесь. Улетела, чтобы снова ждать тебя... Только, знаешь, здесь почему-то труднее ждать. Там было легче... Отчего так? Оказывается, ожидание – оно тоже разное бывает.

Прочитала где-то, что японцы могут различить двести оттенков жёлтого цвета. Или около того. Так вот, пока я тебя ждала, я научилась, кажется, пятьсот оттенков ожидания различать. Тысячу... Миллион... Но я всё равно буду. Ждать тебя буду – пусть и не там, пусть здесь. Какая разница... Возвращайся только. Поскорей возвращайся, ладно?

В комнате снова становится шумно – из кухни вернулись Анна Семёновна, Александра и Акулина. Они оживлённо обсуждают только что услышанное по радио.

АКУЛИНА. Что-то я в ум никак не возьму – это о чём он там толковал? Голос-то, который из короба... Про пожары лесные рассказал, про то, что сильный ветер завтра поднимется – тоже. А об Майоре – ни полсловца. Эка бестолочь! Про ветер я и без него знаю – поясницу другой день уж ломит.

АЛЕКСАНДРА. А сама – не бестолочь? Заладила: «короб», «короб»... Вообще-то радиоприёмник это, а не короб.

АННА СЕМЁНОВНА. Одно название, что последние известия. О всяких пустяках сообщили, а о главном даже не заикнулись.

АЛЕКСАНДРА. А я, мама, так думаю: раз ничего не сказали, значит, всё у них там в порядке. Значит, операция развивается поэтапно, согласно оперативному плану командования. Если б там какая-нибудь заминка вышла – уж давно тараторили бы, оправдывались.

АННА СЕМЁНОВНА. Ты думаешь, Саша? Хорошо, если так... Надеюсь, ты права, ты в этом больше моего понимаешь, всё-таки человек военный. Ладно, подождём. Скоро другой выпуск будет, послушаем. Может быть, там скажут что-то.

(Переключает внимание на Анжелу.) Анжелочка, а ты почему не ешь ничего? На тарелке всё не тронутое... Может, курицу подогреть? Или чаю уже? Поставить самовар?

АНЖЕЛА. Нет, нет, что вы, Анна Силантьевна... Семёновна, то есть. Я и так уже всего попробовалась – и салатов, и курицы, и пирога. В меня больше не утрамбовать. Не верите? Вот, сами посмотрите...

Анжела выпячивает свой круглый живот. Женщины сдержанно смеются незатейливой шутке гостыи.

АКУЛИНА. Да и в меня, горлица моя, если по совести... Тоже мало что уж поместится. *(Осторожно проводит рукой по животу.)* Всю утробу Симеон занял.

АЛЕКСАНДРА *(тоже трогает свой живот)*. Сим.

АКУЛИНА. Кто ж ведал, что он такой большой сделается – Симеон-то...

АЛЕКСАНДРА. Он сказал, что будет Сим. Значит, Сим!

В разгорающийся спор срочно вмешивается Анна Семёновна.

АННА СЕМЁНОВНА (*Анжеле*). А ты, Анжела, как сынка назвать собираешься? Или дочку ждёшь?

АНЖЕЛА. Нет, сына... Сына, разумеется.

АКУЛИНА. А что, тоже репкой?..

АНЖЕЛА. В смысле?

АКУЛИНА. Ну, брюхо-то? Не репкой, а огурцом у тебя – на мальчишку указание?

АНЖЕЛА. Не догоняю, о чём вы. Репа, огурец... Я и без всяких огурцов знаю, что мальчик родится. УЗИ для этого есть. (*Играет наушниками от смартфона.*)

Сёмушкой назову. Мы с Майором назовём... В честь командира нашего взвода разведки. Вот такой был парень. Погиб он... Дружили они с Майором очень. Вот в честь него, в память... Спортивный такой был, куча разрядов у него.

(*С мечтательной улыбкой.*) Сёмка наш тоже спортом будет заниматься. Отжиматься, подтягиваться, бегать... В плавание его отдадим или там в хоккей, в лёгкую атлетику. Хочу, чтобы он профессиональным спортсменом стал. Спортсмены сейчас вон как живут: и получают прилично, и по разным странам ездят, и в депутаты их выбирают. Плюс уважуха, слава, награды. Зашибись!

АЛЕКСАНДРА. Награды, слава... Да о чём ты, девонька? Разве это главное? Надо, чтобы он, в первую очередь, не себе, а людям пользу приносил. Стране своей пользу. Чтобы добрым, смелым и умным вырос. Ну и сильным, само собой.

(*Трогает юбку на животе.*) Военным мой Сим будет. Как отец его. Пусть рубежи Родины защищает, врагам отпор даёт – вон сколько у неё врагов. А будет честно службу нести, так и уважение придёт. Само по себе придёт, вместе с наградами и славой.

АКУЛИНА. А по мне – сугубого почёта да наград не только чрез страсти ратные достигнуть можно. Солдатское дело – оно ох какое трудное! Повидала... Служивый – он завсегда то в сырости, то в стуже, то на солнцепёке адовом. Знай себе марширует, куда начальство приказало, да в добавок ещё пудовое ружьё с ранцем на себе таскает. А какие обиды да притеснения военный человек от интендантов да обер-офицеров всяких терпит! Ой, не приведи Господь... Про ядра, да про сабли, да про пули неприятельские уж и толковать неча.

(*Разглаживает складки сарафана на животе.*) Нет, Симеон по учёной части пойдёт. Книжные премудрости проходить будет. Мы с Майором спервоначалу его грамоте обучим, чтоб всю как есть азбуку превзошёл – до последней буквы. Потом он счёт изучать станет. До сотни, а может стать, и до тыщи считать научится. Ну, закон божий всене-пременно, чистописание... А после уж пускай сам решает, по каким наукам продвигаться. Захочет – по арифметике, захочет – по языкам да по словесности. А бог даст способность – так и по духовным книгам... Мне б шибко хотелось, чтоб по духовным!

АЛЕКСАНДРА. Опять двадцать пять (*вертит пальцем у виска*). За своё снова, да, кликуша? Ты хоть понимаешь, на что ребёнка обрекаешь? Ты его в муть религиозную толкаешь, в темноту, в поповщину непроглядную...

АКУЛИНА. И ничего худого в том не вижу, что поповщина. Иные попы в архиепископы, а то и в митрополиты выходят. Ты, Ляксандра

Батьковна, хоть раз облачение митрополита видала? В золоте, в парче, в бархате да в шелках весь: от подрясника до навыйника. И митра какая – глаз не отвести! А посох, посох у него... Тут серебром, тут жемчугом, а сверху – каменья изумрудные!

(Назидательно.) Сама по здравости рассуди: какая добрая мать дитяти своему не пожелает, чтоб оно в парче да в золоте ходило?

Александра поставлена в тупик, она не знает, как возразить на этот аргумент. В молчании разводит руками.

АННА СЕМЁНОВНА. А я вот, девочки, не поверите: когда как вы была... Ну, в интересном положении... Я хотела, чтоб мой сынишка артистом стал. Не улыбайтесь, не улыбайтесь. Да, артистом! Мне ведь тогда по глупости, по молодости моей казалось, что артисты – это самые интеллигентные, самые образованные, самые утончённые люди. А жизнь у них какая! Что ни вечер, то аплодисменты, вызовы на бис, букеты цветов, разговоры об искусстве... (Поправляет волосы.) Но судьба – она по-своему всё расставила. По своим местам... Хотела, чтобы сын на артиста выучился, а он военным стал.

АНЖЕЛА. Да не велика разница. И тот, и другой на гастролях всю дорогу.

Женщины смеются. Анна Семёновна, воспользовавшись общим благостным настроем, наливает всем ещё по рюмочке.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, давайте за то, чтоб он побыстрее со своих затянувшихся гастролей возвращался!

Женщины чокаются, выпивают.

АКУЛИНА. Брильянтовые ваши слова, маменька! Золотые! Будет с него, нашагался, наскакался, настрелялся. Пора б уже Майору утихомириться, остепениться, о семье подумать. О жене, о детках. В своём дому – в тепле, в достатке да в спокойствии посидеть.

АЛЕКСАНДРА. Так ведь не утерпит он дома, не усидит долго. У него ж как будто шомпол наскипидаренный в одном месте. Неделю дома побудет, и потянет его, засобирается опять... Такой уж характер.

АНЖЕЛА. Точняк – характер! Майор, когда с зампотылом дивизии вдрызг разругался, тот ему так и сказал: с твоим, говорит, въедливым неуживчивым характером ты, Майор, никогда генералом не станешь.

АКУЛИНА. Да типун на весь его поганый язык за такие злословные речи!

АНЖЕЛА. Да, да, открытым текстом. Прямо так. Ох и зампотыл у нас был, знали бы вы! Натуральный ганд... Гандболист. Гандольер Гондурасович... Нрав у него ещё такой паскудный: ему других подставить, заложить или соврать что-нибудь – как два пальца... Мразь и подонок – хуже московского таксиста.

АННА СЕМЁНОВНА. Ну, про характер он не очень-то приврал. Характер у Майора – с детства ещё, со школы такой. Бескомпромиссный. Если несправедливость какую замечал, то мог любому об этом в лицо... Хоть соседу по парте, хоть учительнице, хоть завучу.

(Задумчиво.) Как он там сейчас? Как эта спецоперация? Может, закончилось уже всё? Надо бы радио включить, ещё разок послушать.

АНЖЕЛА. Далось вам это радио! По радио сейчас ничего путного не услышишь, там только реклама да Басков со Стасом Михайловым. Для самых свежих новостей Интернет давно придуман. *(Достает смартфон.)* Сейчас по агентствам, по лентам новостным пошарим... Пять сек... *(Включает телефон.)*

Что-то связь тут у вас... Ловит не очень, сигнал хиленький. Ага, вот... Сеть проклюнулась. Открывается... *(Листает странички.)* Сейчас по самым популярным сайтам посмотрим... Вот, новости последнего часа... «Тайфун оставил без света... Взрыв бытового газа в жилом доме... Тимур поссорился с Амуром... Наступление ударной группировки захлебнулось...» *(Растерянный взгляд на остальных.)*

Это про кого? Это про них?.. *(Читает дальше.)*

«Командование ударной группировки признало факт срыва наступления на укрепрайон. Об этом на брифинге заявил официальный представитель штаба командования группировки. Он подчеркнул, что в результате ожесточённых боёв противник понёс чувствительные потери в живой силе и технике. Вместе с тем он признал, что достичь поставленной цели войскам не удалось. При этом, согласно данным независимых источников, передовые соединения наступавшей стороны попали в окружение, были заблокированы и почти полностью уничтожены».

Ангела отрывается от экрана, оглядывает присутствующих.

АНЖЕЛА. Вот... Это агентство передаёт... А ведь он как раз в передовых и шёл...

АЛЕКСАНДРА *(резкий удар ладонью по столу)*. Что за хреномантия?! Ты где этот бред откопала?.. Не про них это всё, не про Майора... Ты что, нормальные новости посмотреть не можешь?

Ангела снова начинает листать.

АНЖЕЛА. Ну вот... Другой сайт, точнее, лента круглосуточная... Серьёзная, со ссылками на зарубежные СМИ... И здесь то же самое: «Наступление закончилось неудачей... Ударная группировка понесла существенные потери... Передовые подразделения окружены... Связи с заблокированными соединениями нет...»

В комнате повисает тяжёлая пауза. Тишину нарушает тихое поскуливание Акулины. Поскуливание постепенно переходит в завывание.

АЛЕКСАНДРА. Стратеги хреновы! Вечно так... У нас так... Доплачивались, вашу Машу, дорисовались стрелками по карте... Я всегда говорила, что в штабах одни бездари и трусы сидят. Начертят красными карандашиками – и под удар людей... Живых людей! Своих же – под пули, на мины, на доты!

АНЖЕЛА *(губы её дрожат)*. Это что ж такое получается? Это как же так?.. Он же говорил, что всё подготовлено было, что огромные силы, техника... Что они за сутки...

АКУЛИНА. Ой, милёночек мой! И где ж ты теперь, ненаглядный? Где теперь головушка твоя, на кого твои ясные очи глядят?.. Я ж тебя ждала, соколик родимый, я ж столько слёз пролила, тебя ожидаючи...

АНЖЕЛА. А я ведь говорила... Сколько раз я говорила ему: не отправляй меня, пока я рядом с тобой, ничего плохого не произойдёт... Я чувствовала... У меня предчувствие было...

АЛЕКСАНДРА. Да при чём тут предчувствие... В штабах сволота всякая засела, вот почему так... Всегда так... *(Достаёт папиросу, но тут же нервно сминает её.)*

Мы же тоже... Нас сколько раз бросали в прорыв без артподготовки, без разведки... Сидят там в тепле и сытости, говнюки, рожи наели, операции придумывают, ордена чужие делят. А вместо них... Эх!...

Анжела вновь принимается читать новости в смартфоне.

АНЖЕЛА. Все агентства одно и то же: «Передовые подразделения наткнулись на глубоко эшелонированную оборону... Управление наступающими частями полностью утеряно... Остатки окруженных частей наступавшей группировки несут серьёзные потери...»

(Непослушным голосом.) Так это о нём, выходит? Он же там как раз... Он в авангарде должен был... А потом – в отпуск должен был...

АКУЛИНА *(истерично)*. Молиться надо было – вот что! Денно и ночью молиться за него, земные поклоны класть. В церковь надо было... Свечки надо было... Иконки – и Матери Богородице, и Михею Заступнику, и Гермогену Целебнику... А мы... А вы...

АЛЕКСАНДРА *(сквозь зубы)*. Иконки, говоришь, свечки?... Когда лежишь на минном поле, в землю вжался, а по тебе метров с трёхсот и пулемёты, и снайпера, и гаубицы прямой наводкой – какие там свечки... Забываешь тогда про свечки.

АКУЛИНА. Там, может, и забывают, когда под картечью неприятельской. А нам тут не должно забывать... Нам и о молитвах, и об святых иконах, и об свечках с лампадками ежечасно помнить надобно – чтобы там легче было. Чтобы смерть их там стороной обходила...

(Повышает голос.) А ты Николая Чудотворца – на пол!.. Свечку восковую, самим игуменом Пафнутием благословлённую – на пол! *(Тычет пальцем в экран смартфона.)* Из-за тебя всё это, гидра болотная! Из-за тебя его там... В огне тебе гореть, в преисподней корчиться до второго пришествия, до Суда страшного!.. Ведь он теперь не придет, никогда уж не придет... Не увижу его вовек...

В бешенстве Акулина выкрикивает проклятия, потрясает кулаками и делает угрожающее движение в сторону Александры.

В этот момент со своего места резко поднимается Анна Семёновна. Она подходит к Анжеле, вырывает из её рук смартфон. Затем Анна Семёновна быстро оказывается у печки, открывает топку, швыряет смартфон в огонь.

АННА СЕМЁНОВНА. Всё! Хватит мне тут! Услышали краем уха непонятно какие сплетни – и сразу сопли, истерики, стенания... Вы чего его хороните? Заживо хороните... Не такой он, чтобы так запросто... Чтобы окружили, обстреляли – и конец... Врут они всё, не верю я. И вы не верьте! *(Снова опускается на стул.)*

А они... Эти – пускай... *(Неопределённо машет рукой.)* Пускай себе врут, небылицы придумывают. Они сегодня одно, завтра другое... Нам-то какое дело... Нам-то что...

(Очень тихо, но чётко.) У нас другое, девочки. Нам ждать надо...

Изо всех сил... Как ждали – так и будем, и никто нам не помешает, никто нас с толку не собьёт. Когда ждёшь, когда очень сильно хочешь, чтобы человек вернулся, то он обязательно возвращается – к тем, кто ждёт, кто любит... Я-то уж знаю.

Анна Семёновна переводит взгляд с одной женщины на другую.

АННА СЕМЁНОВНА (по-прежнему негромко). К тебе, Анжела, с Сёмушкой твоим. К тебе, Саша, вернётся – с Симом. К тебе, Акулина – с Симеоном. Непременно вернётся... Ну и ко мне, конечно.

АНЖЕЛА. Да, да... Он вернётся... А как же... Обязательно...

АКУЛИНА. И то верно... Сколь ждали – и ещё подождём, потерпим. Чего нам... Главное дело, чтоб пришёл.

АЛЕКСАНДРА. Придёт! Майор ещё не из таких передрыг выбирался. Нас вон, помню, раз с обоих флангов прижучили. Крупнокалиберными нас, из танков осколочными – почти сутки... Ничего, выстояли, не сдали плацдарм.

АКУЛИНА. Что правда, то правда... За таким удалым командиром служивый вовек не пропадёт. А случись крайность какая – так солдат сам своего командира из пекла вытянет... Когда на переправе на наш обоз уланы налетели, один Майора пикой хотел достать, аккуратно в грудь целил. Так солдатики не позволили, сами промеж Майором и тем уланом встали.

АНЖЕЛА (поправила очки на переносице). Ну а тот бой взять... Майора с ребятами в поиск отправили, на перевал. Из оружия – только автоматы и пара пулемётов. И тут – караван. Тех больше роты было, а наших человек двадцать. Трое суток он с пацанами круговую держал. Отбивались, пока подкрепление не подошло... И дождались они своих! (Пауза.)

Вот и сейчас дождутся.

АННА СЕМЁНОВНА. Дождутся, тут и сомневаться нечего. Он со своими солдатами – подмоги. А мы его дождёмся.

На авансцене возникает большое окно. Это уже не то окно, возле которого произносили свои монологи Александра, Акулина и Анжела. Это общее окно. А может, рамка для большой групповой фотографии.

АННА СЕМЁНОВНА (подходя к окну-рамке). И не будем никого слушать. Есть у вас сердце – вот его и надо... Тем более, что у вас теперь по два...

АНЖЕЛА (приближается к окну). А я вообще-то и не очень... Не очень поверила, когда прочитала... В новостях постоянно так, врут там напропалую. Утром напишут чего-нибудь, а вечером уже опровержение... Чего им верить?... Ждать надо.

АЛЕКСАНДРА (тоже встала в «рамку»). Когда ты не одна ждёшь, время и в самом деле быстрее как-то... Иногда кажется, что оно само себя торопит, чтобы ты не мучился, чтобы тебе дожидаться легче было. Ну, или тому человеку полегче – о котором ты думаешь... Поэтому будем ждать. Мы же умеем.

АКУЛИНА (и она появилась в окне, встала рядом с остальными). А русская баба – она такая. Чего другого, а уж ждать... Ждать она и вправду умеет... Ну что с того, что поревёт иной раз, белугой повоет – душа-то у неё, небось, не медная. А проревётся, слёзы утрёт, просмотр-

кается – и крепче прежнего ждать примется. И дождётся-таки! Потому как он – орлик-то ейный – он там на чужбине знает, всем своим нутром чувствует, что его тут ожидают. Вот к ней на зов и поспешает. Как может – так и поспешает.

Некоторое время жёщины молча стоят у окна, они думают о чём-то, вглядываются в только им видимую даль.

Секунда, другая, третья...

И вот Акулина тихонько заводит свою протяжную песню. Сначала она поёт в одиночку, но куплет быстро подхватывает Анна Семёновна. За ней – Александра, за Александрой – Анжела.

...О чём их песня? Может, о пройденных путях-дорожках, о людях, которые на этих дорожках повстречались.

А может, о детях – рождённых и ещё не рождённых – да об участи, что подкарауливает их впереди.

Или она о мужчине – песня эта? О том самом – единственном мужчине, которого они так долго высматривают в своё окно? О том мужчине, которого они ждут, и ни за что ждать не перестанут...

Неизвестно.

Вам лучше у них у самих об этом порасспросить.

Занавес

Публицистика

Владимир КУТЫРЁВ

Родился в 1943 году в деревне Высокая (Сорокино) Чкаловского района Горьковской области. После окончания Заволжского строительного техникума служил в Советской армии, учился на философском факультете МГУ, там же в аспирантуре. Преподавал в Костромском педагогическом институте, в Горьковской высшей партийной школе, в Нижегородском архитектурно-строительном университете. В настоящее время профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор философских наук.

Автор ряда книг и многочисленных публикаций. Дважды лауреат премии Нижнего Новгорода (за книгу «Естественное и искусственное: борьба миров» в 1995 году и книгу «Бытие или Ничто» в 2010-м). Дважды лауреат Всероссийского конкурса научных публикаций по гуманитарным дисциплинам (за книги «Философский образ нашего времени» в 2007-м и «Бытие или Ничто» в 2011 году). Награжден серебряной медалью С.Н. Булгакова (2008). Живет в Нижнем Новгороде.

ПРОЩАНИЕ С ПРИРОДОЙ

2017 год объявлен в России годом экологии. Это – философский вклад в его успешное проведение.

Плоды древа познания

Древние философы составляли мир из четырех материальных стихий: земли, воды, воздуха и огня. Это наиболее естественное приведение разнородного множества видимых предметов к мысленно обобщаемому единству. Первое, еще феноменологическое. Вместо мифологических китов и слонов были выделены природные основания, на которых держится жизнь и без которых ее нет. Особенность современного мира в том, что они истощаются. Значит, фундамент бытия человека – размывается. С ним, и как следствие, любым другим «фундаментализмом» – борются. С собой борются.

Из жизни людей исчезает земля как естественная почва, по которой ходили. Асфальт и обувь окончательно отделяют от нее. Мы видим ее в форме грязи. Или не видим вообще – в благоустроенном городе. Раньше говорили, что есть земли, на которые не ступала нога человека. Теперь можно сказать, что есть ноги, которые не ступали на землю. Да еще жалуются, что они стали болеть. Потому

что без связи с Землей Антей терял силу, а ноги... Спасибо им, что почему-то еще ходят. А может, так: люди теперь не ходят. Они *не-ре-движутся*. С искусственными суставами и на колесах. Быстро, и потому – еле-еле.

Из жизни людей исчезают реки. Реки – это прежде всего бесчисленные ручейки и речки. О ручьях уже забыли, от речек – последние остатки, забывают, а крупные «реки» зарегулированы в хранилища воды. Водоем(кости)ы. Или превратились в сточные канавы. Почти без рыб и с минимумом живого. С мертвой водой. И речные суда, лодки больше не плавают. Либо их нет, не видно, либо в них (по водох(о)ронилищам) носятся.

Из жизни горожан, а это большинство населения, исчезает «погода». Не воздух, а кислород и дыхательная смесь, не снег или дождь, а осадки, не туман, а смог. Живем не под небом, а в космосе. И все это пронизано электромагнитными лучами и волнами. Вместо вещества – поле. Деревенское поле, которое пахали и которое нас кормило, заменяется технополем цивилизации. Им мы окружены и пронизаны. Насквозь. Которое внутри нас. Много пчел и других насекомых уже исчезло.

Из жизни людей исчезает огонь (живой, пламя). Нагревание, отопление, освещение, плавка, вообще достижение высокой температуры происходит другим путем, через электричество. А когда-то это был решающий фактор, который помог встать человеку на ноги, герой-преступник Прометей дал его людям, украв у богов, был культ огня и т. д. Огонь – это пламя, жар, дым, ого!-нь. Теперь он, как деньги вместо продукта, «светит, да не греет», особенно «дневной».

Пятой стихией или сущностью, т. е. эссенцией – *квинтэссенцией* мира является человек. Он – микрокосм, в котором отражается косм(ос) в целом. Капля, в которой представлен весь океан. Или антропоморфное воплощение Бога. В этом мировоззренческий пафос гуманизма. Но что происходит с пятой синтезирующей сущностью, когда искажаются составляющие ее четыре? или отказываются от Бога. Она теряет свое качество. *Из жизни людей исчезает жизнь*. Она «заизолирована» вовне и изнутри. Превращается в функционирование. Возникает техносфера. *Из жизни людей исчезают люди*. Возникает искусственный человек. Симулякр человека. *Постчеловек*.

* * *

В Начале отношение к природе было созерцательным. Дух присваивал ее, оформлял и любовался ею. Приносил жертвы. Иногда наказывал (персидский царь Ксеркс велел бить море плетью за то, что оно раз-metalo его корабли). В Новое время, став наукой, дух начал ее пытаться, ставить эксперименты. Появилось племя естество-ис-пытать-елей. А вот теперь, став технологией, дух ее убивает. Время постприроды – из-обре-тать-елей. Потом сам погибает.

В первую очередь гибнет все сильное, прочное, более развитое. Слабое и низшее живет дольше. Это хорошо заметно на смене форм жизни. От продуктов индустрии прежде всего вымирают наиболее требовательные и высокоразвитые животные и растения – дубы, тигры, орлы, осетры и т. п. «Биота» остается, но мельчающая, «сорная». В полях одуванчики, в лесах кое-где зайцы, в реках вместо форели и кувшинок караси и ряска. Потом не выдерживают и караси. Остается планктон. В городах, *(у) людей*.

Природа, в точном смысле слова, не погибнет. Она уже погибла. Газоны, парки, каналы, соотносясь с потребностями человека и выступая

в функции природы, не имеют самостоятельного значения. А значит, и бытия. Природа превратилась в окружающую среду. И экология, как следствие, трансформируется в «энвайронментализм». А потихоньку исчезает вообще, ее отлив оставляет после себя пятна и лужи в виде «зеленых меньшинств». В статусе маргиналов. Бытие, даже когда оно превращается в небытие, определяет сознание, что бы ни думали об этом разные теоретические жучки-водомерки.

Памятники природы, существованию которых мы так радуемся, точнее было бы назвать памятниками природе. Вместо природы – Память-Ники о ней. Надгробные памятники по-беды(е) человека над природой. Памятники себе.

Исторически цивилизация человека располагалась на земле отдельными пятнами. Постепенно они сливались, и сейчас положение обратное: остаются вкрапления природы (заповедники, парки) в сплошь искусственной среде... *Шагреневая кожа жизни.*

Идет уничтожение природы, т. е. жизни, т. е. человека. Корень зла ищут в избыточном потреблении. Он глубже – в избыточном производстве, которое само развивается и «задает» потребление. Мир техники становится «первичным», причиной, а мир человека – «вторичным», следствием. *Переворот миров.*

* * *

Генные селекционеры с гордостью сообщают, что вывели квадратные персики, груши и т. д. Это для того, чтобы было удобнее складировать, легче перевозить. Что это выгодно. На самом деле это пример научно-технического хулиганства. При минимальном эффекте, да и то сомнительном, не сравнимым ни с затратами на само выведение, ни с потерями от других причин, оно призвано демонстрировать неограниченные возможности биотехнологии наглядно, непосредственно, на публику. Благодаря достижениям агрономической науки, фрукты и так уж почти не отличаются друг от друга на вкус – потеряна их специфика. Все вроде среднесочные и средневлажные, что-то типа яблока Джонатан. Лежат, никак согнуть не могут. Также они ведут себя и в желудке. Клубника только в первом приближении «отдает» земляничкой, которую, по идее, должна была воспроизводить, а когда ешь – мякоть, почти без вкуса и запаха. Закрой глаза, и яблоко от груши не отличить. А теперь вот и с глазами не отличишь. Все будут квадратными, останется справляться у продавцов. А ведь форма, допустим, груши входит в наше представление о ней, о том, что есть груша, а что – персик. Торжество всеобщности над единичностью. Эмпирические философы иронизировали над гегелевским «плодом вообще», утверждая, что такого быть не может, есть только конкретные виды плодов: яблоки, груши, вишни. Они оказались не правы даже эмпирически. Теперь появляются. Просто плод, просто фрукт – и достаточно. Зато много, удобно, едим и зимой. На следующем этапе те же «генномодифицированные аргументы» можно применить ко всему живому. Начало положено. Коров выводят без рогов. «Рогатая корова» – это неотъемлемое сочетание, уходит в прошлое. Да и не изменить ли и форму человека, чтобы удобнее было набивать в автобусы или еще куда? Уже меняют – пол. А значит – характер. Личность. Значит, манипуляция без границ, творческое хулиганство, которое заканчивается трансгуманизмом. А потом самоотрицанием. *Неотвратимые успехи творчества.*

Охота на китов

Главная проблема экологии – сохранить жизнь китов. По крайней мере, трех, на которых стоит Земля.

Три кита нашей души – Вера, Надежда, Любовь. Полнота жизни предполагает их вместе. Но так бывает не всегда. Да и центр тяжести смещается. Юноши питают надежды, со-зрелый хочет любить, а старик пусть верует. Когда выбиты все опоры – надо умирать.

Наука доказала, что Земля – только шар в холодном космосе, а небо – это восприятие наших глаз. Души тоже нет – есть только разум и эмоции. Китобойная флотилия «Знание» истребила всех китов.

Вместо них плавают подводные лодки. Кажется, что в океане их теперь больше, чем китов. То и дело попадают в сети. Гляди того станет больше, чем минтая. Наверное, когда появятся подводные «беспилотники», водные роботы, эти сказочные «водяные», приплывет такой в порт, с бомбой... Какие возможности для милитаристского творчества! После китов, без Веры, Надежды, Любви, которые в христианском календаре обозначены как мученицы. А мать их – София их не спасла.

* * *

Как часто бывает, что сегодняшний выход – это завтрашний тупик. Как часто бывает, что сегодняшний тупик – это завтрашний выход. Надо только в нем это увидеть и подождать. Но как? Ведь рядом – выход... в тупик. Такая вот экология с синергетикой! И наоборот.

Все еще многие, хотя все меньше, клянутся в любви к природе. Но просто клятв и даже любви – мало. Ее должна любить наша технология. А она норовит ее заменить, произвести новое окружение.

Ставить вопрос о необходимости производства окружающей среды – значит смириться с гибелью природы как таковой. Заменить ее «природоподобным окружением». «Производство окружающей среды» – последнее слово современной науки и экологии. **Искусственное пожирает естественное.** Сначала превращает в симулякр, а потом становится на его место. Как Иное. Идеология искусственного – **Инонизм**. Люди становятся инонистами. По своему мировоззрению. И не только.

* * *

Человек – это голая обезьяна. Так, с привкусом метафоры, говорили в XIX веке. Если посмотреть на современного человека, хотя бы в бане, то эту фразу пора воспринимать буквально и абсолютно. Обезволосение у европейцев почти полное – у мужчин тоже. Большинство как розовые поросыта. У женщин заметно усыхание грудей. Остальные вторичные половые признаки тоже умяляются, либо их «не носят». Или «носят» силиконовые. Сначала вторичные, а потом... Нет, морфологически они не исчезнут еще долго. А вот функционально... Наверно, уже в следующем поколении. Пронесшаяся сексуальная революция была истерией перед упадком нашей способности и воли к продолжению рода. Ведь гибель зарождается внутри расцвета, а скольжение начинается с вершины. Теперь пошли толки о «постсексуальной эпохе», исполняют

«реквием по сексуальности». В основном те же деятели, которые под флагом всевозможных свобод проповедовали парасексуализм.

Пугаются перенаселения Земли. Да, это реально. Но набирает силу другая тенденция – вымирания людей. Ей дают всякие объяснения – экономические, социальные, забывая более глубокое, экзистенциальное: утрачивается желание иметь детей. С белой расой в этом отношении все ясно. Рожать ей осталось максимум 100 лет. Потом совокупление шприца с пробиркой и клонирование, которое уже началось. В слабо развитых, не так сильно омертвелых странах люди будут рождаться дольше – лет 200. И потом только начнут – делаться. На конвейере. «Номерные». **Уже началось.**

* * *

Жарко. Пруды возле Олимпийской деревни в Москве. Щиты со строгими надписями: «Купаться запрещено». Но народ купается. А что делать? Ведь все равно в любом большом индустриальном городе можно написать при въезде: «Жить запрещено». И будет правильно. Но ведь живем.

Вода – кровь Земли. Переносит жизнь. В начале века не рекомендовали пить стоячую воду – из луж, болот. Только проточную – из ручьев, колодцев. В середине века нельзя стало пить воду сырую – откуда угодно. Начали обрабатывать: фильтрацией, потом химическими реагентами. К концу века она вообще перестает быть пригодной для питья – не поддается обработке. Начали продавать в бутылках. Нижний Новгород стоит на двух великих реках – Волге и Оке. Но толкуют о строительстве водовода из подземного озера – за 100 км. То и дело объявляют о закрытии пляжей – воду нельзя не только пить, в нее нельзя входить. Конечный этап – когда к ней нельзя будет приближаться. Будут говорить детям: не подходи, вода.

Вода – это жизнь. Мы живем во время, когда артерии жизни превращаются в линии смерти. **Венозная кровь цивилизации.**

* * *

Когда в молодости я попал на море – это было под Сочи, – оно еще пахло йодом, пацаны ныряли за крабами, отдыхающие боялись медуз, во время шторма на берег выбрасывало длинные водоросли. Потом море стало пустым, просто соленая вода. И ничем не пахло, и ничего в нем не было видно. Шторм выбрасывал на берег мелкую тину, какие-то сучки и кору. Потом море опять стало пахнуть. Канализацией. Когда выходишь на берег, на животе и руках нефтяные шарики. Прибой полоскал какие-то бумажки и презервативы. По радио предупреждали об опасности купания: можно получить кожное заболевание. Теперь, с потерей промышленности, как будто стало лучше. Но все равно, предлагают строить выносные эстакады для купания в более чистой воде. Загадили – и дальше. Зато на берегу растут новые дворцы и коттеджи, прокладываются дороги, бетонируются набережные – для отдыха на море. Велика же глупость этого так называемого разумного человека!

Рекламируют отдых на парохе. Когда-то давно я плавал, понравилось. А вот поехать опять – боюсь. Ведь чем ценен отдых на реке: вода, берега, пейзажи, знакомство с городами, зеленые стоянки, купание. Но

об этом в рекламе ни слова. Соблазняют другим: рестораны, косметический салон, искусственный солярий, компьютерные игры. Видимо, это больше привлекает людей.

Ну и зачем тогда река! На идиотов рассчитывают. Жалко реки.

P.S. Не слишком ли я злой (какой ты ядовитый, сказал мне один технократ, не в силах возразить по существу) и много ругаюсь? Но как не ругаться любому человеку, кто чувствует себя живым. Да если, как на грех, думает? Возможно, е. б. ж. до старости, примирюсь с таким прогрессом. Умирать-то все равно надо. А пока: «борьба со своим временем»! Потому что оно стало чужим. *После-человеческим.*

* * *

Заявка на социальную рекламу: *Министерство здравоохранения предупреждает, что чрезмерное употребление чая вредит вашему здоровью.*

Переход от дикости к цивилизации одновременно был переходом от сырой пищи к вареной. Благодаря «готовке» человек оторвался от животного мира. Это, пожалуй, второй, после труда, признак его становления как «постживотного» существа. Однако он все-таки живой. «Разумное», но животное. Нельзя, чтобы все было вареным. Хотя бы жидкость, вода, которая заполняет клетки его организма. Долгие века так и было, несмотря на то, что твердую пищу готовили. Последнюю цитадель дикости подорвало открытие и широчайшее распространение чая. Люди стали пить вареную, обезжизненную воду, да еще крашеную и сладкую. (Только индуисты, как и мясо, не признают чай.) Тело человека на 80% состоит из воды. 80% мертвого тела! Это переполнило чашу терпения природы, прежде всего зубов, которые у современных людей фактически разрушились. Их непрерывно чистят, мешая естественному биологическому функционированию, в том числе самоочищению, то и дело лечат и, наконец, заменяют вставными. Вопрос решен, все довольны. Искусственные зубы даже красивее натуральных. Но ведь зубные и костные ткани почти одно и то же. Надо ли удивляться, что в массовом порядке начали болеть суставы. Кости. Поэтому ближайший этап нашей гордости за успехи медицины – повсеместное открытие костных, костно-стоматологических кабинетов, где будут вставлять созданные с помощью нанотехнологий великолепные протезы. Великолепные, но бесчувственные, мертвые. Рентгеновский снимок городской толпы: броуновское движение металло-керамических скелетов.

Не пейте чай. Хотя бы.

P.S. О химических растворах, которые сейчас продаются и вытесняют чай, делая его архаикой, я вообще не буду распространяться. Не хочу никого запугивать. Все будет Кока-кола!

* * *

Экологический пессимизм связан главным образом с конечностью Земли. Природа ставит пределы роста. Эту преграду хотят преодолеть выходом за ее пределы. Мода на «русский космизм». При этом забывается главное: *пределы человека*. Здесь космос не поможет. Нам, людям, преодолеть их нельзя. «Или мы останемся какие есть, или нас не будет», – так ответил один римский папа на предложение изменить

символ веры. То же самое можно ответить энтузиастам автотрофности, бессмертия, непосредственной жизни на других планетах, прочим интеллектуальным фанатикам и глупцам. У всех вещей есть своя природа и мера.

Лучшее украшение современной квартиры – свободное место. Место для живого человека, а не вещей. Когда просто(р). Также должно быть и в городах. На Земле! Западному миру вместо того, чтобы на Сибирь зариться, надо обязать Россию ее хранить, трогая только по всеобщему решению. Также и леса Бразилии. Пора бороться за пустоту! Нужна экология про-стран-ства.

* * *

Люди с таким цветом лица, который видишь у жителей большого города, не могут быть счастливы. Когда досрочно желтеют деревья, зеленеет человек. Теперь ясно, откуда – «движение зеленых»!

Вот уж и солнце стало вредным. Загорать не советуют, опасно для здоровья. Из-за озоновых дыр, да и без дыр не рекомендуется. Не только сильно, а вообще – нежелательно.

Все живое тянется к солнцу. Оно источник жизни и энергии. А человек начал от него прятаться. Прежде всего – в одежду, потом – в помещения, которые все старательнее изолируются от естественной Среды. Есть без окон, с постоянным внутренним освещением. Днем как ночью, ночью как днем. В крупных городах люди постепенно уходят под землю, отдавая ее солнечную поверхность машинам. Человек цивилизованный – человек пастеризованный. Такое молоко хранится дольше. Но оно безжизненное, «депрессивное».

Экологов и консерваторов обычно упрекают, что они зовут назад, «в пещеры». А на самом деле пещеры маячат впереди. Пещеры прогресса. Круг замкнулся. Выглядят эти дети солнца довольно бледно, как проросший картофель, если без косметического загара. Не удивительно, что прямой контакт с живым солнцем кончается для них драматически. Разадаптировались.

Анатомическое заключение: попал под свет. Убит солнечным лучом.

* * *

Сначала нам становится ненужной природа. Многие ее больше не чувствуют и начали в этом сознаваться. Им в ней скучно, тоскливо. Они ее больше «не видят». Природа вытесняется социумом, деревня – городом. Потом человеку становится ненужным и социум, другие реальные люди. Он их не понимает, ему с ними неинтересно и хлопотно. Некоторые лучше чувствуют себя с книгами, телевизором, особенно компьютером, хотя это обычно еще скрывают, жалуясь на одиночество. Но скоро перестанут, ибо социальное общение все больше заменяется виртуальной коммуникацией. Возникает человек, живущий своим сознанием, духовный онанист. «Мыслитель». Интеллигент. Потом интеллектуал. Потом *интеллагент*. (Не)житель, на(ви)сельник Сети. Все чаще это сочетается с прямым физическим вырождением: худосочие, атрофия органов восприятия, зрения и слуха, врожденные телесные дефекты, аутизм. Дальше будет...?

Здоровый в условиях современной цивилизации человек – ненормальный. И образ жизни, который он ведет, воспринимается обычно

как чудачество, странность. «Странные эти существа, люди», – так скоро будут говорить толпы роботообразных. Были рабы. Теперь – роботы. Робовладельческое общество. Потом переворот. *Гомовладельческое общество.*

* * *

Волк → охотничья собака → сторожевая собака → домашняя → комнатная → постельные собачки; карась → зеркальный карп → аквариумная рыбка, но еще живые. Последний этап – рыбки на видеоэкране, золотые, плавающие, голографические рыбки. Собачки-тамагочи. *Вещная реальность трансформируется в электронно-информационную.* В «виртуальную», которую начинают считать истинной. В это время я думаю о человеке, о законе неразрывной связи системы и ее элементов, организма и среды. Человек: охотник → скотовод → земледelec → рабочий → интеллигент → интеллагент → киборг → симулякр человека. Прогрессоры мечтают об идеале: стать голо(й)граммой. Это будет бессмертие. Полный конец.

* * *

Из дневника фенолога.

Конец ноября. Весь месяц стоит необычно теплая погода. Хорошо. Но у людей какое-то беспокойство. На радио звонят, спрашивают, в чем дело? Обещали грипп, мы и лекарства запасли, а его все нет. Ждут как первого снега. Когда выпадет грипп? Вместо него.

Конец декабря. Мечты осуществились. Снег был, но растаял. А грипп лежит. Вместе со своей половиной города. И истерией в средствах дезинформации насчет (бес)полезности прививок и лекарств.

Январь. В мороз и холод каждый молод. Увы, в реальности по улицам торопливо бегут серо-землистые лица, скрюченные фигуры. На ближайшей лыжне еще 10 лет назад в воскресенье была толпа. Раздражало, что мешают, нельзя раскатиться. Сейчас хорошо. Буквально изредка попадаются профессионалы и какие-то чуд(и)аки.

Да, кто помнит, когда-то был «бег трусцой». Потом объявили, что он «ведет к инфаркту». Стали провозглашать «оду пешему ходу» и отчаянно соревноваться в «ходьбе по городу на 3 километра». Но кто знает, куда ведет она? Лучше уж сидеть дома. В кресле. Еще безопаснее – лежать. (Ждите: ссылаясь на новейшие открытия и разработки, на «гены», этот рецепт скоро будут давать все медицинские светила). Все как в американских футуристических фильмах. Например, «Матрица», «Суррогаты», «Аватар» – великолепное предвидение. Но оно ничему не учит. Никак не влияет на вопли о благе дальнейшего технического прогресса.

А прогос: Обсуждают, а может, вот-вот «спустят» в школы предписание вместо уроков физкультуры на стадионе (легкоатлетика) проводить их в виде фитнес-занятий в залах. Совершенствовать фигуру. «Косметическая (физ)культура» на марше. Правда, слово «марш» тут неуместно. Маршировать – как это грубо. Даже думать, если по сути, и говорить, что думаешь, – грубо. Неполиткорректно. О(б)суждают. «Суррогаты» на марше.

Космос за(о)хватывает Землю

Прометеевское отношение к миру превысило возможности жизни на Земле. Орудийная мощь человека достигла на ней предела. Она сопредельна Разуму и Космосу. Космос – истинная сфера Разума. Земля суть его колыбель, а Человек – детство. Все живет смертью другого и всякий гроб суть колыбель, а колыбель – гроб. Земля в XXI веке: гроб для естественного и колыбель искусственного. Человек в XXI веке: тело в гробу, разум в колыбели.

Глобальные проблемы человечества порождаются его глобальными преступлениями. **«Преступление века»**, на которое почти не обращают внимания – вакханалия запусков космических ракет. Без каких-либо квот, хотя очевидно, что они нужны. Экологи, помню, говорили, что запуск одного Шаттла пожирает кислород в масштабах 40 квадратных километров. Помню! Потому что сейчас молчат. Да и где они, эти экологи. А ракеты запускают, чтобы из космоса следить за передвижением мусоровозов по городу и точнее стрелять по целям, убивая людей. Квоты даже не помешали бы освоению космоса, только сделали его более ответственным. Таково оно, как бы производственное безумие. А вот и потребительское: в космос вывозят туристов и с помпой объявили, начали, приостановили, потом опять начнут, выпуск первых пассажирских самолетов, на борту которых ресторан, видеотека, казино, парикмахерская и спальные кабины. Своеобразный бордель в воздухе. На подлете – сверхзвуковые. Насколько же лицемерны параллельные стенания об истощении озонового слоя атмосферы, потеплении и какова цена всех гениальных проектов спасения природы. (Пример, подтверждающий, что отличие гениев от людей часто в том, что они делают гениальные глупости и что человечество утратило чувство самосохранения).

Люди не разрушают природу специально. Не ставят такой задачи. По крайней мере, пока. **Они со-з(и)дают.** И этим разрушают. Вот в чем экологическая трагедия. В фатальной диалектике развития, на которую человек даже не пытается повлиять ради сохранения себя. Он не понимает, что его «уносит». И у-но(а)сильщик – сам.

Люди воображают, что осваивают и побеждают космос. В такой же мере космос осваивает и побеждает нас. На Земле появляется все больше мест, в которых человеку как таковому жить нельзя. Это, в сущности, «пятна космоса». Подобно тому как «пятна цивилизации» постепенно слились в сплошную цивилизационную среду, так и «пятна космоса» начинают покрывать Землю. Скоро люди будут вынуждены защищаться от них специальными оболочками. Создавать искусственный климат, температуру и давление воздуха. «Среды с заданными свойствами». Их энтузиасты уже толкуют о поствитализме, а если о жизни, то в «БТМ» – бесприродном техническом мире. В бесприродном – значит безжизненном. О жизни в безжизненном мире?! **Космос опускается на землю...**

На улицах нашего города установлены стенды, на которых написана фраза: «Я люблю космос». За это предлагается нажать красную кнопку. Идет подсчет голосов. Я не нажал. Почему надо любить радиоактивные и прочие излучения, абсолютный холод или плазменные температуры, вообще мертвые, безжизненные пространства – не понимаю. Я люблю Землю и чтобы она была живой. А публика выбирает смерть. На нее и «нажимает». Хотят быть инопланетянами, не отдавая себе в этом

отчета. Инопланетяне захватывают Землю, но не прилетают «готовые», а делаются здесь, на ней, из живых людей, посредством их мутации сначала в зомби, потом в киборгов, роботов и т. п.

* * *

Атомная энергетика. Философ должен выдвигать свои аргументы «за» или «против» нее, а не повторять как попугай чужие. Я опасюсь развития ядерной промышленности, а также мазеров, лазеров, магнитогенераторов и т. д., потому что с ними на землю приходит «другой мир» – микрочастиц и микроволн. Он не совместим с миром тел и даже, если нано, – молекул. Нашим миром. Тем более с жизнью. Не совместим в принципе, по организации. Прямой контакт с микромиром несет человеку гибель. Как всему живому. Прибегаем к обороне, которая все равно то и дело прорывается. Отсюда мутации, болезни, вырождение. Когда субмолекулярная реальность перестанет быть реальностью науки и благодаря нанотехнологиям *окружит* человека как *среда*, мы окажемся на Новой Земле. На чужой планете. В космосе. И/на/нопланетяне среди нас. Уже.

Детство – тело, материя. Зрелость – сила, энергия. Старость – знание, информация. Человек развивается как мир, а мир как человек. И вместе исчерпали свою форму. Начался переход к новой реальности: микро- и мега-материи, к телам, которые нам несоразмерны и где Мы – Не-мы-е. Конец мезозоя!

* * *

Все природное кустарно и индивидуально, все техническое стандартно и совершенно. Борьба с кустарностью и несовершенством человека – борьба с жизнью. Так и хочется все облегчить и автоматизировать. Ведутся исследования, как усовершенствовать питание, чтобы не архаически – зубами, через горло и живот, а прямо в кровь подавать питательные смеси. Неважно, что тогда должно атрофироваться тело, что его просто не будет. Зато будет автотрофное питание! Как же, ведь об этом мечтали В. Вернадский и К. Циолковский – наши новые иконы. Но им было простительно: заря научности. Теперь повторять за ними – рас(ц)вет глупости. Совсем уж кустарем чувствуешь себя в акте любви. Насколько все тут примитивно и нелепо. Неэффективно. Позорно! Его полезные функции в принципе механизированы – искусственное осеменение. Но как усовершенствовать и облегчить сам акт? Потеряется удовольствие? Так ведь от еды тоже удовольствие, а наука озабочена ее ликвидацией. От движения, песен, живых игр тоже когда-то получали удовольствие, но ведь перестаем. *Все заменяется удовольствиями головы.* Хотя голова не знает удовольствия. Только удовлетворение. Так и с любовью. Будем «заниматься» на экранах и получать удов(ольствие) летворение. От сознания. «Видимость» любви. Вирт-у-порно-альная любовь. «Интимные» технологии и робофилия. Среди технообразных пропагандируется, а (у) кого-то делается.

* * *

Смотрел японский фильм о Средневековье. Суровая жизнь, нравы варварские, вплоть до скотоложества, что кажется очень амораль-

ным, верхом человеческой низости. Однако что такое мораль, чему она должна служить? В конечном счете – сохранению людского рода и поддержанию социальности как условия этого. С развитием морали развивается и аморализм, который приобретает все более замаскированные и потому более разрушительные формы. И чаще всего они не там, где обычно видят. Ведь самое «злое зло» не в противостоянии добру, а в его подмене, разъедании изнутри, когда зло прикидывается моральной нормой.

Сейчас не осуждается, а точнее почти поощряется, *самое глубокое извращение жизни – жизнь в одиночестве*. Прежде всего, интимная. Измена семье и любовница на стороне, проституция и гомосексуализм, даже скотоложество – как ни оскорбительно это слышать рафинированному интеллигенту – более моральны, чем его «автономное существование». Там хоть кто-то или что-то живое или родственное нужно человеку. А «благородному», «чистому», «воздержанному», то есть в 100 случаях из 100, если исключить болезнь, онанисту, мир не нужен вообще. Или нужен в сугубо абстрактной, символьной форме. Аутизм. Эгоцентризм. Самодостаточность. Все заменяется воображением. В больших городах, где больше всего одиноких, можно заказать «ласку голосом» по телефону, «насилие голосом» и «видеолюбовь» – по компьютерному терминалу, в которой можно соучаствовать. Распространяется «искусственный секс», где вместо другого человека – технические приспособления. По телевидению идет реклама шуб «для влюбленных в себя». И единственное назначение этой огромной разнообразной сексуальной индустрии – обслуживание все растущей армии онанистов. Кругом народ, но каждый как Робинзон на необитаемом острове, если уже не обитает в Интернете. В том числе (а)сексуально. Вот оно, *цивилизованное варварство, перед которым бледнеют все остальные извращения*. Куда там прежним, «неполиткорректным».

Самоотрицание человека. Сначала в лице другого. Потом «в лице себя». Аннигиляция общения. Возникает особый биосоциальный феномен: «человек онанирующий». I fuck alone – таково последнее достижение прокатившейся по миру сексуальной революции.

Это Чело-век XXI. «Новый», homo masturbator. По нему можно назвать и век.

Следующим этапом аутизма является прямое воздействие на мозг – наркотиками. «Пища Богов» – говорят нагло пропагандирующие их ученые и психиатры. Тут «другой» не нужен и символически. У «поколения пепси» вместо первой любви – первый наркотик. Или скоро будут подключаться к розетке – электронная с(т)имуляция мозга. Так уже делают, сначала, как всегда, – «для лечения». Нейро-нет!

Я против психостимуляторов не из моральных, а из экологических и антропологических соображений (в основном). Потому что прибегать к ним – это преступление не столько против общества, сколько против природы. Против человека как родового существа и самого биологического вида – «человек». Агрессия химии против жизни. Искусственности против Естества.

* * *

Магазин «Дары природы». Или «Дары окружающей среды»? В продаже:

Мясо животное.

Картофель полевой.

Напиток «вода» (глубоко устаревшее, такой напиток всюду продается).

Готовятся продавать воздух. И последний «божий дар» превращается в товар. (Совсем бездарная цивилизация будет.)

Модель ситуации: живая природа и искусственная среда, человек и техника, человек и джунгли города, предварительно уже проиграна на животных. Коров, птиц, свиней мы заключили в железные клетки комплексов, лишив их связи с природой, растениями, солнцем, воздухом, простором, и биологическое деградирует. Если в личном хозяйстве, где коровы еще имеют выпас, они доят 13–15 лет, то из комплексов приходится выбраковывать через 5–7 лет. Болезни, яловость, снижение удоев, несмотря на все зоотехнические ухищрения. Или... повышение удоев – до 10 тыс. л. на корову, урожайности – до 100 ц. с гектара. Это патологические удои и урожайность, где корова и поле только предлог для переработки химикатов и искусственных биодобавок в продукты. Также и с людьми, несмотря на все ухищрения медицины: слабость, снижение жизненного тонуса и гордые цифры ежегодного роста диагностических центров и скорости оборота больничных коек. Медицинский «товарооборот».

Хроническая медицина

Скажем сразу: достижения медицины громадны. Известное выражение Льва Толстого: «Несмотря на то, что ее лечили врачи, Наташа выздоравливала» несправедливо. Медицина способствует продлению сроков и облегчению жизни. Это оче-видно. Но не больше, не глубже. Успехи в лечении индивида достигаются за счет рода, его резервов. Настоящего за счет будущего. Противоречие между интересами конкретного индивида и человечества как такового – это лезвие бритвы, по которому надо бы стараться пройти. Реально же медицина идет, едет, мчится по полосе сиюминутных выгод, способствуя полному прекращению самоочищения родового биоорганизма и подрыву его функционирования.

Побеждая многие тяжелые болезни, она высвобождает место для более тяжелых. Налицо явный прогресс:

- в углублении болезней и сложности их лечения; все болезни становятся хроническими;

- в отсрочке смерти и болезненности жизни; вместо здоровья или смерти бытие в «третьем состоянии», когда не болен и не здоров! Не болен, потому что работает, функционирует, не здоров, потому что лечится всякими таблетками. Такого раньше не было или было минимально. Возникает феномен больного здоровья (спортсмены, прежде всего) и **новая порода людей: хроники**. Хроник – это терпеливый носитель неизлечимой болезни. (Не)здоровый субъект больной жизни; по соцопросу 2015 года 40% населения России признали себя больными.

- в изобретении болезней, их конструировании в лабораториях как артефактов с последующим нахождением у человека.

Зато может обеспечить «легкую смерть» – эвтаназию. «У нас умирают комфортно», – с гордостью сказал руководитель одного крупного медицинского центра. Это, по-видимому, и будет самым высшим и не-

оспоримым достижением человека по пути совершенствования своей жизни.

В Древнем Китае встречного человека приветствовали словами: «ешь ли рис»? В некоторых странах Африки: «как потеешь»? В европейской культуре – «Как здоровье»? Теперь более естественно спрашивать: «Чем болеешь»? А вместо «Как поживаешь?» – «Как выживаешь»? Но это пессимисты. Оптимисты, «вписавшиеся» и «перезагруженные», будут приветствовать друг друга: «Как шопинг(у)ешь?»

* * *

Лечиться современными мощными химическими средствами – это менять одну болезнь на другую. Появились так называемые лекарственные болезни. Их изучают и лечат тоже лекарствами и т. д. в тупике дурной бесконечности. Появилась новая категория больных – «залеченные». Для учета в медицинской статистике надо бы вводить две графы: «вылеченные» и «залеченные». Только искуснейший врач и умный больной, следуя завету Гиппократова использовать целебные силы природы, способны проскочить между Сциллой и Харибдой двух болезней – той, от которой лечатся, и той, которую, лечась, приобретают.

Успехи современной медицины в борьбе с болезнями напоминают копание песка у подножия бархана: чем больше его выгребают, тем сильнее он осыпается. Но врачи довольны: успехи, внимание, работа. Бархан большой. Но не бесконечный. О защите от песка через закрепление бархана и другими способами никто не думает.

* * *

Без видимых причин много болеете? Я не врач, но рискну поставить философский диагноз: вы живете не своей жизнью. Не по способностям к тому, чем заняты, и без любви к тем, с кем общаетесь, к миру вообще, а только (пре)терпи(вае)те его. И он вас – (не)терпит. Больше того, вы не только никого не любите, вы даже боитесь быть любимым. Все время поете не своим голосом. Он у вас второй, а вы напрягаетесь на первый. Тенор, поющий басом. Или наоборот. «Когнитивный диссонанс». Душа в тюрьме и в окошечко, которое ей оставлено для встреч с миром, света проникает очень мало. Так чего вы хотите, вы, чахлое растение? Болезнь – это трение и скрежет телесно-духовного организма из-за плохой подгонки его трущихся деталей к внешним поверхностям своего существования. Смазывать надо, хотя бы философией, кто не способен к простой радости.

Чистота – залог здоровья. Тела. Искренность – залог здоровья души. И тела. Искренность – это внутренняя свобода в борьбе с внешними обстоятельствами. Тогда возникает мастерство, искусство бытия. Надо бы учредить орден «Мастер Жизни» и кого-то награждать. Но только посмертно.

Так врач проповедовал больному. Он неплохо знал себя.

Я не врач, однако, рискну выписать один философский рецепт: непонятные болезни лучше лечить непонятными средствами. Особенно нервно-психические. Восточная медицина, внушения, заговоры и гомеопатия. Высокотехнологичные методы только усугубляют их, переводя на клеточный и субклеточный уровень. Там уже лечат не человека, а пытаются регулировать химико-биологические процессы. Дорогушие

лекарства и врачи, которые знают аппаратуру и не знают болезней, а про человеческое тело забыли, как выглядит, или воспринимают как порнографию.

Я не врач, однако, рискну выписать один философский рецепт: при сложных хронических болезнях помогают, в конце концов, самые простые средства. Наиболее простой из них – сменить образ жизни: климат, семью, профессию. Другими словами, стать другим человеком. А болезнь знала прежнего. Так вы и разойдетесь. Но самое простое – всегда самое тяжелое, почти как смерть. Только социальная. Поэтому большинство предпочитает привычную, биологическую.

Волевой человек. Каждое утро делает зарядку... лекарствами. Динамо-машина стала аккумулятором. Скоро разрядится?

Итак, лечиться, лечиться и еще раз лечиться, как завещал великий Ленин. Да вроде бы он другое завещал: учиться. Неважно, скоро это будет одно и то же.

* * *

Когда-то в больницах была детская палата. Потом стали открывать детские отделения. Теперь параллельно существуют взрослые и детские районные и областные больницы, детские федеральные кардио- и онкологические центры и т.п. Помню, мне казалось нелепым желать ребенку здоровья. Ведь это само собой разумеется, не старик же. Но вот теперь... **Настало время, когда дети болеют больше стариков.** Они больны от рождения. Значит **больным стал** не человеческий индивид, а человек как **вид**.

Символическим подтверждением этого факта является использование убитых младенцев для омоложения стариков. Но тут важно, как сказать. По-русски – грубо и неприятно. Скажите профессионально: «вытяжка стволовых клеток абортированных эмбрионов для лечения тяжелых возрастных болезней». От них теперь лечится чуть не вся богатая элита в медико-косметических салонах. Особенно к юбилеям. Глядишь на дряхлеющую знаменитость: опять помолодел(а).

ааа... кричит Жизнь на всей Земле. Заткнись, отвечает ей Разум в лице своей науки и техники. Земной человек – это мой эмбрион. Как хочу, так и использую. Я буду функционировать в Космосе.

Господи, а где же Бог? Господи Боже, образумь обезумевшее человечество. **С-наси** и по-**милуй**: всеми доступными Тебе средствами. Да, Апокалипсис... да, сейчас*.

* * *

ВИЧ-инфекция, синдром иммунодефицита – говорят и обсуждают все, кому не лень. Как-то лечат. Философия молчит. А сказать бы надо. Сказать, что в крови и лимфе людей, т. е. **внутри человека** как вида, у биологического вида «человек», включился механизм самоотрицания. В крови и лимфе людей начала функционировать смерть. Может

* Интерактив. Читатель: Это алармизм, типичный, автор пугает людей перспективой гибели природы и жизни в результате прогресса.

Автор: Так все живые люди, тем более экологи, «зеленые», должны быть алармистами: «бить тревогу». А кем еще можно быть, в «год экологии», глядя на современное отношение к природе.

быть, вирус это только механизм, способ переноса болезни, а суть в общем ослаблении организма человека как родового существа. Что не обязательно связано с прямым проникновением физиологических сред индивидов друг в друга, их внутрителесным контактом. Это еще сдерживает темп распространения губительной для нашего биологического вида тенденции. Хотя в условиях тесного транспортного и аморального быта, а также агрессивной медицины – все меньше. Однако дальше – больше. В результате успехов в лечении иммунодефицита появляются его новые, резистентные модификации. Которые также совершенствуются, что признают сами лечащие врачи. Значит, увеличивается вероятность, что вот-вот возникнут формы, способные передаваться внешним образом (через слюну, дыхание, кашель). Тогда жизнь на земле будет поставлена под вопрос буквально. Смерть выйдет из подполья. Что делать? *Не то, что сейчас*. Имея в виду, конечно, весь образ жизни современного человека, а не только практику медицины. Об этом и должна кричать философия, наивно веря, что кто-нибудь услышит: общая причина дефицита иммунитета в том, что человек живет во все более чужд(о)й ему среде. Безжизненная чистота, стерильность – вот ее главное загрязнение.

* * *

Взрывной рост числа болезней у детей. Ничего удивительного, так как болезни им делают. Чтобы не понимать этого, искажают язык: «вакцинация», или «прививки *от* болезни». А фактически, с точки зрения организма, ему делают прививку самой болезни. Как таковой. Искусственно заражают, чтобы в ответ иммунная система выделила антитела, будто он ее пережил на самом деле. Тогда человек не заболеет во второй раз. Но первый-то (для организма) он уже проболел. Сейчас, кажется, 12 раз. В передовых странах уже пятнадцать. Каждое поколение детей в каждой стране. Может ли человек расти здоровым, если так много болел(ет). «На всякий случай», во избежание риска одной или двух болезней, которые можно получить по жизни, прививают всех, вся и от всего. Дилемма, драма, диалектика света и тени. Думают, однако, только о свете, о том, что это надо, важно, хорошо. Потом лечат диабет, почечную недостаточность, с энтузиазмом строят детские всех видов болезней клиники. Может быть, все-таки поголовно вакцинировать только от смертельно опасных заболеваний, таких как бешенство, полиомиелит, а от остальных лечить, если, кто и только когда заболеют? Индивидуально. Но это было бы слишком дальновидно и ответственно, на что люди не способны. Ведь надо противостоять соблазну легкого пути, который открывает медицина. Чтобы потом идти более тяжелым и в тупик, поводом в котором будет тоже медицина. Так вот и ходят, в белых колпаках, слепые вожди слепых.

* * *

«Болезни века» – это болезни преобразования человеческого организма под воздействием быстро меняющихся условий. Вид приспособляется к ним через ускорение смены индивидов, через их повышенную смертность, особенно мужчин, так как через этот пол все живое осваивает изменяющиеся обстоятельства. Природа делает разные попытки ускорить обновление: аппендицит, например, намечался

как важнейший путь. Но мы научились в основном с ним справляться. Тогда сердце. Тайно и внезапно останавливается: «лег на диван и умер». Подлинных причин этого никто не знает. Пытаются заменять искусственным. Тогда бунт природы происходит на клеточном уровне – раковая болезнь, СПИД, потом пойдут опухоли мозга и т. д. Делая пересадки, подавляют иммунитет, а потом ищут причины дефицита этого иммунитета. Стимулируют иммунитет, а потом ищут причины аллергических реакций организма. И все с ужасающе умным видом, хотя для понимания тупиковости такого решения проблем здоровья не надо никакого медицинского образования. Ежу понятно. Дальнорукие или близзоркие? Тсс... наука.

Бесконечное соревнование медицины с противоестественным образом жизни, приводящее к постепенному демонтажу человека как телесного существа.

Кентавриада

Слово кентавр уже не пугает. Напротив, становится романтическим. Есть журнал, издательство «Кентавр» и кентавристика как научное направление. Но кентавр – это химера, монстр, по-русски – чудовище. Чудо. Нарушение законов природы, когда к телу одного животного приставляются органы другого. Или к естественному искусственное. И(или) когда они превышают меру человека, его норму. Страшное чудо. Ненормальные (сумасшедшие) идеи, которых наука жаждала в начале XX века, на его конец пришли. И осуществляются в виде манипуляции наследственностью, сначала растений (ГМО) – это норма производства, на стадии экспериментов – у животных, и эксперименты с эмбрионами человека, вплоть до сращивания их с эмбрионами животных, на передовых рубежах науки. Началось создание уродов-кентавров-химер-монстров-киборгов-чудовищ. XXI век будет веком чудовищ.

Преступное творчество.

Здравствуй, племя, младое, незнакомое! ***Чудовищный век.***

* * *

«Заживет как на собаке», говорили когда-то, желая утешить получившего повреждение человека. То есть само собой, незаметно. Я бы уже не обрадовался такому пожеланию. Собаки стали изнеженные, слабые, часто болеют, погибают. Требуют ухода как дети. Может говорить, «заживет как на человеке»? Тоже нет оснований. И люди и собаки включены в один поток деградации живого в искусственной среде.

«Отремантируем», – вот как утешают сейчас.

В XIX веке люди «лишались чувств». До середины XX века «теряли сознание». А теперь – отключаются («вырубился»). Конечно, надо ремонтировать, пересаживать органы сначала другого человека, а потом другой субстанции.

Парализованные люди в специально оборудованных «колясках для жилья» – вот передовой отряд эволюционирующего человечества, над пополнением которого неустанно трудятся наука, техника и медицина. Благодаря их успехам число инвалидов растет в несколько раз быстрее, чем общее население, которое не растет, а уменьшается. Берегите и заботьтесь об инвалидах. Ин-валидность (в переводе на русский

не-действительность) – наше будущее. Общее и не такое уж далекое. Инвалиды – новый социальный класс, в который переходит все больше людей. И тогда «целые» здоровые люди будут казаться варварами, пережитком дикой «естественной» эпохи. Их будут третировать, как недоразвитых. Из милосердия, правда, в вузах для «недороботизированных» оставят какие-то квоты. Уже сейчас иметь вставные фарфоровые челюсти, ультрасовременные очки и линзы престижнее чем «простые» зубы и глаза. То же самое происходит в сфере духа. Про здоровых людей, если они без извращений, читать и смотреть не хочется. Да ну их, нормальных...

...Плюс инвалидизация.

* * *

Европейские ценности. В Дании завели моду на публичную казнь диких животных. Которых поймали и держат в зоопарках. Сначала растерзали, показывая всему миру, Жирафа, а недавно царя зверей (подчеркивали это специально) – Льва. Сначала был какой-то предлог (рождение от близкородственной связи), потом без предлога. На глазах собравшейся, неизвестно, по билетам или бесплатно, публики, включая детей. Особенно детей. Препарировали тела, демонстрируя разные органы. Уверяли, что с «познавательными целями», воспитывают «научный подход» и «естественное отношение к смерти». Чтобы патология всего происходящего была наиболее вызывающей, со львом мясничали, поднимая над головами вырезанные органы, две девицы, то ли стервы (стервятни-цы-ки), то ли блондинки, обычно главные героини во всех постановках в шоу-бизнесе.

Как все это символично, не говоря о том, что отвратительно и антиэстетично. Впрочем, какая теперь эстетика, кто о ней говорит. Слов нет, хотя тут можно писать диссертации, осмысливая знаковый характер этого глумливого торжества цивилизации над природой. Символизм ее духовного вырождения. Ведь звери нас очеловечивают. Это наши родственники по жизни. За это их и убивают. *Без надобности.* В любом случае, хоть кто-то ещё понимает или хотя бы, не умея объяснить, чувствует, что с толерантной и политкорректной «Европой» происходит что-то не то. Неладное. Что она оглупевшая, лицемерная. Не все/я конечно, но тренд! При этом цивилизаторы смеют возмущаться, что где-то убивают не пулей, в борьбе и в одиночку, а «по-средневековому», публично отрезая голову ножом. «Негуманное убийство». Но это единая линия (п)р(о)гресса, начинается она с отношения к плененным животным, заканчивается отношением к пойманным людям, только первых даже не считая врагами. А «просто так»: свихнувшись, с жиру, для развлечения.

Все, что дальше с Европой будет плохого, от того, что ее запол(о)няют «беженцы», а правильное говорить, идут, пришли завоеватели, она заслужила. Ее управляющая бюрократия формируется по квотам: от наций, партий, религий, полов. А не по делу и возможностям. Какие у нее могут быть стратеги(и) и вожди? Только клерки. Как и у исполнителей шоу – харизмы не бывает. То, что Великобританию и Германию, наиболее экономически развитые страны, сейчас возглавляют женщины – это выражение размягчения волевого начала Запада, упадка его политического духа. Запад теряет адреналин и мужество быть, которые теперь будут опасно имитироваться. Настало время симулякров. А Европе, может быть, при-

шельцы будут полезны, продлят существование, по крайней мере, как территории и некой, в новых, симбиотических формах, традиции.

Держаться от «европейских ценностей» надо подальше, пока отстанем, не достигли подобного раз-ложе(цвета)ния.

* * *

Как земная природа больше не может существовать без помощи общества, так человеческое тело нуждается в постоянном воздействии лекарств, стимуляторов, транквилизаторов, витаминов. Лечиться мы начинаем с рождения или даже в утробе матери, а не по поводу болезни. Или, сказать по-другому, мы больны изначально. Я всегда был против профилактического лечения и таблеток. Но обстоятельства складываются так, что пора начинать их оправдывать. ***Мы окружены ядами цивилизации и применение противоядий становится необходимостью.*** Заботиться надо не о чистоте внешней и внутренней природы как таковой, а о том, чтобы не спутать яд с противоядием. Потому что из-за фармакологической агрессии микробы и вирусы, вообще – болезни так усложнились, что «чистый» организм не имеет от них защиты. Уже сейчас сильные люди хуже переносят грипп. И внезапно погибают, в то время как инвалиды, больные и слабые всё скрипят. Здоровому теперь – не выжить.

* * *

Сумятица медицинских рекомендаций имеет под собой объективную основу. Для общего функционирования организма потреблять много сахара вредно. Но для мозга при напряженной умственной деятельности необходимо. Потребности одних органов вступают в конфликт с другими. Мозг вызывает такой тип работы организма, который ведет к дезорганизации поджелудочной железы (диабет). Сшибка. Болезнь. Какую болезнь выбирать? Быть здоровым – суметь пройти по лезвию бритвы. С возрастом лезвие становится все тоньше. И мы все больше обрезаемся.

У каждого человека есть свое биологическое время. Часы могут портиться, забегать или отставать. В истории известны случаи, когда у ребенка в 8 лет начинали расти усы, к 12 годам он лысел, а в 16 лет в облике старца умирал. Это считается патологией. Однако не таковы ли и причины долгожительства в некоторых случаях, особенно в самых выдающихся? Отставали часы? Тогда примеры жизни до 120 лет нельзя считать верхней границей нормы. Стремление к такой длительной жизни патологично и ведет к вырождению людей. «Интересно» оно в основном для ученых.

* * *

И все-таки в меня вселяют надежду время от времени оккупирующие наш дом тараканы. Они есть даже в пятизвездочных отелях, в общежитиях Московского и Калифорнийского университетов. Как ни боремся с ними, как ни травим и ни уничтожаем – они есть. Жизнь живуча, у нее большой диапазон адаптации. Какой воздух в большом городе, какая толчея в транспорте! Так тесниться могут только рыбы и насекомые, высокоразвитые млекопитающие при таких условиях гиб-

нут, люди же отделяются слабостью, болезнями и раздражительным настроением. **Злые тараканы.**

P.S. Это для красного словца. На самом деле, если притер(п)еться, они довольно безвредные.

P.P.S. Страшное дело: тараканы, эти вечные спутники человека, его «домашние друзья», исчезли. Начали исчезать и насекомые-работники – пчелы. Говорят, из-за мобильных. Исчезают все домашние насекомые. Крупнейшее историческое событие, которое, к сожалению, прошло незамеченным. Хотя оно, может, важнее, чем исчезновение мамонтов. Не выдержали нашей искусственной среды. Мы теперь с ней один на один. Никакой надежды. Но живем. Правда, в Америке по продажам после болеутоляющих и сердечных лекарств идут антидепрессанты. Проблема тараканов, что у них этих (анти)депрессантов не было. Несчастные...

P.P.P.S. Нет! Тараканы остались и даже множатся. В головах. Вчера поймал.

* * *

Природа умирает, но это не значит, что ее бессмысленно сохранять, человек смертен, но он всю жизнь пытается быть здоровым и лечится. А некоторые даже занимаются физкультурой.

Когда экологов, зеленых, других защитников природы спрашивают, что они реально сделали, какой результат дали, то они могут указать хотя бы на то, что **не дали сделать**: скрыть, построить, перегородить, повернуть. Это тоже надо брать за результат, теперь, видимо, главный. Ведь развитие идет само, а для его регулирования нужны все человеческие силы. В современных условиях сознательные усилия людей должны носить тормозящий характер. Да, развитие не остановишь. Но неизбежен и конец одного человека. Каждый знает, что его не миновать, однако принимает меры, чтобы «остановить мгновение». Почти никто не считает такие заботы бессмысленными. Так и для человечества. Исторически его мгновение может длиться сотни лет. Вот почему я не считаю борьбу «против прогресса к смерти» бесполезной. **Человечество попало в ситуацию одного человека и должно жить вопреки логике. Героически. Вступайте в ряды участников движения Сопротивления!**

* * *

Каждый год своей деятельностью человек уничтожает десятки видов живого. **Про(сти)щай, Природа. Про(щай)сти, Жизнь.** Но как несчастный представитель этого глуп-умного агрессивного вида и экологический оптимист, я считаю:

- 1) из всех живых существ он умрет (убьет себя) последним;
- 2) мы не будем знать, когда нас не будет;
- 3) в мире всегда есть место случаю;
- 4) то, что случилось однажды, всегда может случиться вновь.

Лев ШАПОШНИКОВ

Родился в 1949 году в Горьком. Окончил исторический факультет Горьковского госуниверситета (1971).

Специалист по истории русской философии, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и теологии Нижегородского педагогического университета. В трудах Шапошникова дана общая характеристика русской религиозной философии, показана ее связь с православной богословской традицией, соотношение традиций и новаторства в православной богословской мысли. Специальные исследования посвящены русской философии истории. Один из авторов словаря «Русская философия» (1995) и «Словаря философских терминов» (2004); руководитель Нижегородских Рождественских православно-философских чтений, в которых участвуют богословы, философы, культурологи ведущих научных центров России.

Живет в Нижнем Новгороде.

Василий РОЗАНОВ: У НАС ВСЯ ГЛУПОСТЬ С ИНОСТРАННЫМ АКЦЕНТОМ

Всемирность – зло. Все должно быть национально,
но национальное должно быть и всемирно удовлетворительно

В.В. Розанов (1856–1919) был поистине «всеядный писатель», но среди разнообразных его интересов можно выделить ряд доминантных тем: проблема пола, семьи и брака; вопросы религиозной и церковной жизни; Россия и Европа; внутривосточные и международные отношения в Российской империи; своеобразие отечественной литературы; анализ состояния образовательной системы и пути ее совершенствования.

Становление взглядов философа проходило достаточно сложно. Как он сам вспоминает, в гимназические годы он увлекался Г. Боклем, К. Фохтом, а из русских мыслителей – Д. Писаревым, Н. Добролюбовым. Затем был интерес к немецкой классической философии, о чем свидетельствует изданная им в 1886 г. монография «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Наконец, в 90-е годы XIX века под влиянием славянофилов, К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского складываются собственные оригинальные взгляды Розанова.

Мы характеризуем В.В. Розанова как философа консервативного направления, если можно говорить о какой-то определенности по от-

ношению к этому мыслителю. Несмотря на непоследовательность и противоречивость, русский мыслитель органически не переносил либералов и западников, для него у «чиновников с кокардой» все-таки более гражданственности, «нежели в профессорах, членах Г. Думы, протестующих врачах и доцентах. Они знают хоть азбуку «гражданского чувства»: солидарность, дисциплину и порядок». Несмотря на критику самодержавия, мыслитель оставался монархистом. Он в целом не принимает идею конституционной монархии, так как для него «ограничение Царя есть умаление всех нас».

У Розанова нет специальных больших работ, анализирующих проблемы воспитания и образования, но были опубликованы десятки статей, посвященных этой тематике, часть из них – относящаяся к 1893–1898 годам – вошла в сборник «Сумерки просвещения».

В.В. Розанов, анализируя педагогические вопросы, часто обращается к собственному опыту гимназиста и студента, а затем и преподавателя гимназии. Вспоминая гимназические годы, мыслитель в их оценке, как всегда, антиномичен. С одной стороны, он вспоминает формализм в преподавании, стремление педагогической системы нивелировать личность ученика. Официальная политика в образовании сводилась к тезису о том, что школа не имеет и не должна иметь в виду талант, так как предметом ее заботы выступает «средний ученик». Но В.В. Розанов был убежден, что если индивидуальность ученика не учитывается и – более того – если она подавляется, то тогда «образование совершенно не происходит».

В результате после восьми лет обучения в гимназии, предусматривающего изучение Закона Божьего, выпускники «оканчивали курс сознательными атеистами», а изучение учебников, «в патриотическом духе составленных», приводило к тому, что «мы не только презирали прошлое своего народа, но и ненавидели настоящее его». Но, с другой стороны, для философа юношеские годы были «самыми светлыми на протяжении всей остальной жизни». Этот период характеризуется «глубокой преданностью интересам знания», «правдивостью отношений» между товарищами. И хотя гимназическими предметами В.В. Розанов и его друзья занимались «настолько, чтобы идти удовлетворительно», зато много внимания уделяли самообразованию. Для его ускорения в старших классах гимназии была создана своеобразная «классификация наук», составные части которой распределялись среди членов кружка по самообразованию с тем, чтобы они готовили тщательно свой раздел, а затем усвоенное излагали «в общих собраниях, устраиваемых еженедельно». Подобная организация способствовала «ускорению темпов» приобщения к знаниям, а если еще вспомнить обсуждение прочитанного, постановку опытов, которые делали гимназисты, купив в аптеке некоторые препараты и вещества, то можно с уверенностью говорить о достаточно высоком уровне образованности выпускника Нижегородской гимназии В.В. Розанова.

Подобная же противоречивая оценка со стороны мыслителя характерна и для его университетского периода. Он отмечает, что, вступив в университет, «был поражен его странною запустелостью». Слишком большая дифференциация наук не давала возможности фундаментальной подготовки по специальности, и поэтому университетское образование не представляло «чего-либо целого и законченного». К тому же в университетские стены проник дух утилитаризма, в силу этого на «бедных факультетах» – таких, как историко-филологический и физи-

ко-математический, студентов было мало. Зато «юнцы валили к хлебным факультетам, т. е. юридическому и медицинскому». Девальвация чисто идеальных интересов подрывала бескорыстное служение науке и вызывала «тление университета по духу».

Однако тот же В.В. Розанов отмечает, что в годы его учебы было хорошее время «в смысле профессоров». Он вспоминает имена преподавателей, которые ему особенно нравились. Это В.И. Герье – по всеобщей истории, Н.И. Стороженко по всеобщей литературе, Ф.И. Буслаев по русской литературе. С большим пиететом он относился к корифеям отечественной истории – С.М. Соловьеву и пришедшему ему на смену В.О. Ключевскому. Именно благодаря профессорской корпорации в студентах и был возрожден культ своей Родины, ее прошлого, наконец, религии и церкви. Хотя при этом «ни одним словом не навязывался этот культ, но он возникал сам собою из общего отношения к делу». Этим университет принципиально отличался от средней школы, которая «зазывала к этому культу», а в действительности «непреодолимо отвращала» от него. Поэтому не случайно именно в университете произошло религиозное обращение В.В. Розанова, а вместе с тем пробудился интерес к отечественным традициям, к народному быту.

После окончания университета у мыслителя не было четких планов трудоустройства и хотя он «был далек от мыслей об учительстве», но сама жизнь толкнула его «как поезд по рельсам на обычную дорогу учительства».

Начинается его многолетняя служба в провинциальных гимназиях, вначале в Брянске, затем в Ельце, и заканчивает он свое учительство в Бельске. Особых успехов на педагогическом поприще В.В. Розанов не достиг, ученики даже награждали его обидными прозвищами, но именно в этот период он написал свой первый большой научный труд «О понимании», опубликованный в Москве на собственные средства в 1886 г. Личный опыт дал ему возможность сделать вывод о том, что «университет не готовит вовсе учителей». Он обращен прежде всего к науке и «ведет учеников своих в ее тонкие и хитрые ходы, в этот таинственный лабиринт знаний». В силу этого становится ясным, что «таланты учености не суть таланты учительства». Вообще, тема подготовки учителя была для В.В. Розанова очень важной, но об этом мы будем говорить ниже.

Анализируя российскую систему образования и воспитания, мыслитель отмечает ее определенные успехи, так как «мы имеем дидактику и ряд дидактик; мы имеем методику и ряд методик; мы имеем вообще педагогику как теорию, но в России нет того, что можно назвать философией воспитания и образования». Ее предметом является и содержательное раскрытие самих этих феноменов, и определение их значения «в ряду... остальных факторов, наконец, необходимо соотнесение задач воспитания и образования с сущностными свойствами человека и целями истории». Без решения этих методологических задач само по себе усовершенствование методик и дидактических приемов преподавания даст результат «скорее отрицательный, нежели положительный». Философия воспитания и образования, по мнению В.В. Розанова, особое внимание должна обратить на три «первенствующих принципа», а именно национальности, семейности и практицизма.

Проблема русской, национальной школы была для него одной из основных. Он не приемлет космополитическую систему, считая, что «создание человека вне духа своей культуры, синтетически собранного

из элементов всех цивилизаций, есть идея крайне искусственная». В то же время в российской гимназии смешиваются три разнородные сферы знания: во-первых, классические языки и античная культура; во-вторых, христианское вероучение и история; в-третьих, собрание «точных, внешних познаний человека о себе и о природе». Особенно много вопросов вызывает засилье в гимназическом образовании классических языков. Во всех сферах деятельности, где «теория смешивается с практикой», реформы происходят «на основании предварительного испытания», однако, «к глубокому несчастью судеб народного образования в России, этот здравый и осторожный путь никогда не был у нас школьным путем». Данное замечание в полной мере относится и к «приказному классицизму», который вопреки мнению общественности был принят «не культурно, а как «бумага к исполнению».

В связи с этим В.В. Розанов приводит интересные факты, относящиеся к «ярому поклоннику» классического образования Д.А. Толстому. Оказывается, сам реформатор гимназий «не был вовсе отличным классиком» и даже брал уроки по древним языкам, чтобы «хоть поверхностно ознакомиться с рекомендуемой им вещью». Более того, по мере реализации министерских установок становилось все более ясным, что вводится в гимназиях «не столько классицизм, сколько германизм». Но если для немцев и других западноевропейцев «латинский быт и строй и культура и, следовательно, образование» есть элементы национальной традиции, то мы, русские, «ничего отсюда не взяли непосредственно, а если что и взяли, то через немцев и французов». В результате гимназисты «остались скорее совсем без образования, чем с классическим образованием». Поэтому необходимо вернуть школу к национальным традициям и поставить «на первом месте отечествоведение». Вместо безжизненных грамматических схем и бездумной зубрежки ученики будут изучать отечественную историю, географию своей страны, фольклор, русскую культуру и особенно литературу. При этом обучение не должно «отгораживать» гимназию от мирового культурного и образовательного процесса, и для этих целей следует «более основательно» овладеть современными европейскими языками. Реализация программ, связанных с «отечествоведением», позволит преодолеть «культурное рабство» перед Западом и занять в отношении его положение «сотрудника, собрата, который прежде всего не теряет уважения к своему «я»».

Необходимость преодоления «мертвящего классицизма», как отмечает В.В. Розанов, стало осознать и правительство. Так, 1 августа 1900 г. появился циркуляр Министерства просвещения о том, что «экстемпоралии как средство учебного контроля должны быть устранены из школьной практики, как не достигавшие цели». Мудреное латинское слово *extemporalis* означает классное письменное упражнение, состоящее в переводе с родного языка на иностранный без предварительной подготовки. Притом эти работы, выполненные на греческом или латинском языках, проверялись не только гимназическими учителями, но и вышестоящим начальством. Более того, гимназии учебного округа располагались ежегодно по ранжиру исходя из «качества письменных работ». Отсюда постоянная муштра гимназистов, в том числе и во вред их здоровью, которое, как едко замечает мыслитель, относилось к «вещи не учитываемой». Теперь же письменные испытания по древним языкам отменялись, но остались «в прежней силе» экзамены по математике, русскому языку и словесности. Однако они были для

гимназистов и понятнее, и мотивированнее и не вызывали у них такого негативизма, как греческий и латинский языки.

Отвечая на упреки противников национальной школы, утверждающих «недостаточность собственно русских начал для образования», В.В. Розанов справедливо отмечал, что подобные рассуждения «пусты и ничтожны уже потому, что мы этих начал никогда не применяем в школе». Более того, совершенно необоснованным, с точки зрения мыслителя, является стремление представить «самобытные начала в образовании» как начала отсталые, консервирующие «отечественное невежество»: в среднем общем образовании «все должно быть национально, но национальное должно быть и всемирно удовлетворительно». Русская культура и наука, отечественная педагогика достигли такого развития, при котором не только возможно, но и нужно ориентировать просвещение на развитие национальной школы.

Этот вывод мыслителя актуален и сегодня, когда под лозунгами «отказа от отживших традиций» из школы изгоняются гуманитарные знания, формирующие национальное самосознание.

Следующим принципом философии воспитания и образования, по мнению В.В. Розанова, является «принцип семейности». Проблема семьи — одна из доминантных тем творчества мыслителя: по его мнению, «господь так устроил людей, что им невозможно жить поодиночке, они тогда погибнут». Отсюда понятен его призыв «будь верен человеку». Это означает необходимость для индивида любить жену, детей, родственников, то есть то, что зовется «моя семья», «мой дом». Поэтому «идея “Домостроя”... есть уже великая, священная». Она выражает потребность в естественной и необходимой природной основе человека, раскрытие которой происходит путем социализации индивида. В тесном взаимодействии между собой люди в доме, в общине «живут рядышком, в теплоте и тесноте, помогая друг другу, друг о друге заботясь, «как один человек», и поистине — одна святыня». Крошечные общинки объединяют вначале небольшое количество людей, они «маленькие и узенькие», и лишь затем по мере своего количественного и географического расширения они становятся обширнее. Но Розанов специально подчеркивает: «“Всемирность” решительно чепуха, всемирность — зло. Это помесь властолюбия одних и рабства других».

Итак, в основе развития соборных начал, по Розанову, лежит семья, именно она фундамент социальной связанности индивидов, все проистекает из семейной сферы. Даже свое собственное творчество философ оценивает с позиций семейной соборности. Оказывается, лучшим в его многолетней литературной деятельности было то, что «десять человек кормилось около нее. Это определенное и твердое. А мысли?... Что такое мысли... Мысли бывают разные». И пусть в этом тезисе есть определенная поза, все-таки нельзя не признать особую углубленность В. Розанова в семейный быт.

В этой связи понятно, что значению семьи в воспитании и образовании мыслитель отводит ведущую роль. В отличие от школьной формализации и регламентации, приводящей к господству в гимназии «принудительного начала», в семье «все отношения суть внутренние, эластично изменчивы и мягки». Столкновения двух этих различных установок вызывают «антагонизм между семьей и школой, несмотря на видимый их союз между собою». В то же время без взаимодействия семьи и школы, без их взаимопомощи просвещение не будет эффективным. Поэтому необходимо, с одной стороны, в семье формировать

«в высочайшей степени уважительное отношение к школе». Родителям следует воспитывать у детей понимание необходимости «правил школы» и требовать «непрекословного их исполнения». С другой стороны, школа должно быть «чутка к боли родителей, к интересам родителей». Ей следует «спрашивать родителей», советоваться с ними, и не случайно именно родители выступили «за отмену греческого языка» и за «облегчение преподавания латыни».

В западных странах, по мнению В.В. Розанова, уже наглядно наблюдается кризис семейных ценностей, ибо часто «семья тяготит человека; дети составляют не радость уже, но бремя». Подобная ситуация негативно сказывается на образовании, и в Европе уже давно чувствуют «странную безжизненность возрастающих поколений», так как в них нет ядра, из которого «растет всякий дар, всякий порыв, все энергичное в действии или твердое в сопротивлении». Все дело в том, что школа имеет дело с коллективом учащихся и мало учитывает их индивидуальные особенности. Но результативность воспитания не будет высокой, когда учитель «обращается к толпе», необходимо воздействовать «всегда только на лицо», и «если этот закон нарушен, то «воспитания нет»». Поэтому никто не может заменить семью в воспитании, так как она обращена к «лицу ребенка», родители знают индивидуальные особенности своих детей, стремятся привить им нравственные качества. В идеале ребенок, пришедший в школу, должен чувствовать себя в ней «тепло и светло, как бы он был в продолжающейся семье, в развитой семье, в раскрывшейся семье». Однако этого не происходит, более того, «в запутавшейся русской действительности» гимназия часто деформирует «правильную обстановку души и быта», полученную в семье.

Для подтверждения своих выводов В.В. Розанов обращается к характеристике гимназистов младшего и старшего возрастов. Мальчики 11–14 лет, находящиеся под решающим воздействием родителей, еще не имеют ярко выраженного «уклона ко злу», у них господствует «естественное натуральное добро», которое «было привнесено из семьи». У юношей 17–19 лет влияние семьи на их облик снижается и начинают формироваться «искусственные чувства», такие, как тщеславие, ранняя жадность, «боязнь одних и готовность злоупотребить превосходством у других».

Наконец, именно в семье формируется преемственность поколений. Конечно, каждый индивид «уважительного отношения к истории» не усвоит, но для органического развития общества необходимо, чтобы «в целом своем каждое поколение понимало свой долг перед прошлым».

Однако если семья в какой-то мере формирует у детей уважительное отношение к старшим, «начатки патриотизма», «укореняет в традиционный быт», то школа воспитывает нигилизм, он «весь есть продукт школы». Это происходит в силу того, что она имеет «изумительное мастерство» отравлять первые сознательные годы ученика, наполняя их «злобою, вызывая гнев и критику». Отсюда неуважение к старшим, презрительное отношение к традициям, к собственному отечеству. В.В. Розанов, обращаясь к личным воспоминаниям, отмечал, что «мы в 17 лет злобно выслушивали всякую сплетню о России. Как мы ей заранее верили». Естественно, при таком подходе новому поколению трудно сохранить историческую память и быть благодарным своим предкам.

Итак, нарушение «принципа семейности», размыwanie социального статуса семьи ведет к «снижению воспитанности» в подрастающем поколении, вызывает деформацию его ценностной ориентации.

Наконец, еще одно из оснований философии воспитания и образования – «принцип практицизма». В.В. Розанов неоднократно подчеркивал, что «Россия рвется» к «реальным, практическим знаниям, а главное к практическим умениям и навыкам». Однако существующая система образования эти потребности не удовлетворяет. Ученики подавляются «громადой теоретического материала», ибо в классических гимназиях большая часть времени посвящается древним языкам, а в реальных училищах «теоретизированию по математическому способу». Такая же ситуация сохранялась и в университетах, когда профессора «читали» науку, студенты «слушали науку», не зная, «как и где применить полученные знания». В результате даже выпускники высших учебных заведений не могут найти интересной работы, востребованной обществом, а «перебиваются уроками, мелкой газетной работой и обивают пороги канцелярий». Неспособность образованного молодого поколения к «решению производственных задач» приводит к тому, что «все вообще практические профессии захвачены не коренными русскими людьми».

Поэтому В.В. Розанов с таким вниманием следил за «организацией практических занятий» в университетах, призванных пробудить «в студентах ученую и учебную активность». При этом мыслитель считал, что эти «нововведения» должны учитывать и мнение обучающихся, от них должны «исходить подробности этих занятий». Поскольку «практическая ориентированность образования» дело достаточно новое, постольку даже на Западе нет готовых стандартов по его организации, и поэтому приходится рассчитывать на собственные интеллектуальные силы. С точки зрения В.В. Розанова, это очень хорошо, так как «едва мы перестали восхищаться чужеземным и пересаживать его на свою почву, как у нас оригинально и самостоятельно вырастают явления, параллельные лучшим чужеземным насаждениям».

Опыт внедрения в образование «практических умений и навыков» следует обобщать и распространять, и хотя в ближайшем будущем трудно ожидать, что министерство откажется от «перевеса теоретических программ», но игнорировать потребности общества все-таки нельзя, и «практическая ориентация просвещения» будет нарастать.

Анализируя российскую систему просвещения, В.В. Розанов уделяет особое внимание роли учителя в воспитании и образовании. По его мнению, «вопрос об учителе это почти весь вопрос о школе, потому что учитель, собственно, и составляет школу». Данная профессия одна из самых трудных, ибо она предполагает определенную «педагогическую умелость», получаемую в ходе обучения и в то же время у человека должны быть задатки, «предрасположение» к этому виду деятельности». При этом одних умственных способностей мало, так как есть люди интеллектуально одаренные, но они «трудятся про себя и для себя». Учитель же должен обладать «духовным бескорыстием» и быть способным к синтезу с «заинтересованностью личностью ученика и содержанием предмета». В то же время современное положение школьного преподавателя вызывает в общественном мнении «насмешки и вражду». Мыслитель убежден, что при «такой молве об учителе» подлинное, «настоящее образование не может сложиться успешно». Откуда же происходит подобный взгляд на преподавателя? Гимназисты часто обвиняют своих наставников «в черствости, безжалостности, в формальном отношении к делу». Однако учитель в этом не виноват, ведь сама гимназия – это «сумма педагогических формальностей, без животворящего в них педагогического духа». Поэтому преподаватель

не может в своей деятельности руководствоваться собственными внутренними установками, он «перепутан стальной паутиной тончайших регламентаций». Его профессиональная судьба во многом зависит от директора учебного заведения, который ведет себя как «администратор», а «отнюдь не педагог». В силу этого стремление к улучшению «учебного дела» сводится к различным административным решениям, к «ужесточению правил», но эффективность подобных действий чрезвычайно низкая. Конечно, в ходе организации учебного процесса определенные административные начала необходимы, но сами по себе они бессильны «создать какой-нибудь идеал, придать содержанию смысл, одухотворить форму». Следовательно, образовательная система должна эволюционировать в сторону расширения прав учителя – как в определении содержания урока, так и в повышении его социального статуса. Сейчас назначение преподавателя на должность, его перемещение с одного места работы на другое, «способ произведения ревизий» подчеркивают полную зависимость педагога от «вышестоящих властей». В этой сфере, по мнению В.В. Розанова, требуется «умягчение нравов», которое должно состоять «в соблюдении большей деликатности в отношении человеческой личности».

Наконец, еще одна проблема, определяющая статус учителя, – это его материальное положение, связанное с объемом государственного финансирования образования в целом. К сожалению, ассигнования на эти цели выделяются по остаточному принципу, государство прежде всего заботится об армии и флоте. Однако без высокоразвитого просвещения Россия не сможет «стать духовно вооруженною страной, умственно мощною страной», а именно данные факторы выступают «основой армий и флотов».

Радикальное увеличение финансирования системы образования, с одной стороны, позволит увеличить численность школ, их разнообразие, а главное, сделать их доступными для всех детей, с другой – «денежная перемена» изменит весь нравственный климат школы, ибо «перед учениками будет стоять и сидеть не злой учитель, а добрый учитель». Потому что он перестанет думать «о пропитании семьи», о дополнительном заработке, о том, где взять средства на нужную литературу, как обустроить свой быт и т. п.

Историческое развитие России привело к особому значению государства и его органов в различных сферах общественной жизни. В силу данного обстоятельства от Министерства народного просвещения многое зависит в «самочувствии российского образования». Однако высший орган управления просвещением можно назвать «министерством по поводу просвещения», так как «косвенные и скрытые его задачи господствовали и подавляли в нем прямые и открытые цели»: вместо решения главных проблем образования, связанных «с духом и культурой», со статусом учителя, с удовлетворением потребностей общества в «грамотных работниках» министерство «регулирует подробности», «вводит различные комбинации предметов», «регламентирует прием учеников в школу» и т. п. При этом оно в своей деятельности постоянно «сверяется с западными образцами», часто выбирая среди них для подражания отнюдь не лучшие. Поэтому, как замечает В.В. Розанов, «у нас вся глупость с иностранным акцентом». Мыслитель, анализируя деятельность министерств просвещения в России, констатирует тот факт, что они не разделяли славянофильской ориентации. По его мнению, это удивительное явление, что «никогда даже опыта не было

поставить во главе русского училищного дела человека традиций Киреевских, Хомякова, Аксаковых, Тютчева».

Образовательная система, как и общество в целом, подвержена изменениям, но надо понимать, что школа – это не просто «сумма порядков». Просвещение связано с духовными традициями, с уровнем развития культуры и науки, в силу этого «школа вырабатывается даже не веком, а веками». В этой связи понятно, что стремление постоянно реформировать образование приводит к разрушению «устойчивости учебной системы». Вместо декларируемого реформаторами «ускорения прогресса» происходит «огромная задержка в развитии страны». Только благодаря сохранению образовательных традиций «вся страна получает устойчивую цель своих умственных напряжений».

Славянофилы как раз и предлагали программу сохранения самобытных начал при проведении «образовательной политики», и данная установка близка В.В. Розанову. При этом еще раз отметим, что самобытность для него не означает отсталости, а напротив, выступает базисом позитивного развития.

Итак, проблемы философии воспитания и образования находились в центре внимания В.В. Розанова. Живя на рубеже XIX и XX веков, он сумел рельефно показать слабые стороны российского просвещения и предложить пути его позитивного развития. Данное обстоятельство делает творчество мыслителя чрезвычайно востребованным при анализе современной системы образования. Его яркая апология национально ориентированной школы, мысли о необходимости развития союза между семьей и школой, защита «принципа практицизма» не утратили и сегодня своего значения. Наконец, обоснование необходимости повышения социального статуса учителя, улучшения его материального положения, преодоления министерского бюрократизма, осуждение «бездумного реформаторства» может служить программой неотложных мер по совершенствованию сегодняшнего школьного дела.

Из будущих книг

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Родился в 1954 году в Красноармейске Донецкой области. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы (Ю.М. Лужкова).

Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Автор более 35 книг и многих публикаций в газетах и журналах России и зарубежья. Составитель поэтической антологии «Недаром помнит вся Россия: Война 1812 года в русской поэзии».

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова и В. Хлебникова, победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и международного конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России.

Секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПОСТМОДЕРНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Страницы из записных книжек

* * *

Самая невыигрышная тема для искусства – это счастье. Вокруг всего другого можно навертеть столько страстей! – вокруг трагедии, вокруг безответной любви, вокруг непонимания близкими людьми друг друга, вокруг разлада и ссоры, вокруг измены и так далее, – а что говорить о счастливой паре? Ну, любят и любят друг друга, ну, живут и живут себе... Никакого сюжетного развития. Сплошная статика...

* * *

Глядя на огромное количество лежащих на всех газетно-книжных лотках изданий эротического, а то откровенно порнографического характера да на идущие по всем каналам ТВ сексуально насыщенные фильмы и, опять же таки, эротические и порнографические программы, можно говорить, что на рубеже XXI века в России произошла СПЕРМАНентная революция...

* * *

Набирая как-то на компьютере текст одной из своих статей, я случайно затронул пальцем лишнюю букву на клавиатуре и вместо слова

«литература» набрал: «литературва». Я, конечно же, сразу исправил эту ошибку, а сам между тем подумал – а не точнее ли это «неправильное» слово выражает внутреннюю сущность нашей сегодняшней литературы, в которой стало слишком много от *стервы, курвы, и оторвы?*..

* * *

Стихи – это мощный нравственный допинг, не запрещённый никакими конвенциями.

* * *

...Стоял нынче на платформе метро и смотрел на замаскированную под чеканное панно дверь на противоположной стене станции. Такие двери я вижу на каждой станции московского метро и всё время думаю: что там за ними? Параллельная сеть линий метрополитена? Камера бомбоубежища на случай войны? Трансформаторная электроподстанция или же просто какая-нибудь техническая кладовая, в которой ремонтные рабочие хранят свои инструменты?.. И не такие ли «потайные двери» разбросаны по «стенам» окружающего нас мира – в виде Бермудского треугольника, Пермской аномальной зоны, появляющихся в небе НЛО и многих иных непознанных наукой явлений? Что там за ними? Параллельные миры, невиданные сказочные пространства или – только пыльное небытие?..

* * *

...Однажды мне вдруг подумалось: «А не постмодернистичен ли по своей природе и сам наш мир? Ведь мы же знаем, что *«в каждом человеке сокрыт образ Божий»* – разве это не является аналогом *скрытой в тексте цитаты*? Таким образом, можно сказать, что **ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЦИТАТА БОГА**, ибо каждый из нас, как постмодернистский текст скрывает в нём цитату, таит в себе образ Божий...

* * *

Глядя на то, что происходит сегодня в нашей стране, и сопоставляя всё это с многовековым историческим опытом России, невозможно не прийти к выводу, что русский народ способен быть организованным только при воздействии на него какого-либо мощного силового поля – в этом смысле он удивительно похож на металлические опилки, высыпаемые на листок бумаги, которые сами по себе будут хоть вечность лежать в виде бесформенной кучки, но зато мгновенно выстраиваются в хорошо видимые (прямо-таки будто вычерченные) линии под воздействием сильного магнитного поля. Без таких вот силовых линий мы тоже пребываем аморфными и бездейственными, а потому нам просто жизненно необходимы либо сильная национальная идея, либо великая цель, либо же, как это ни печально, какая-нибудь продолжительная всенародная беда типа войны, способная напомнить нам, что мы единый народ, сплотить нас и выстроить в чёткие силовые линии...

* * *

В мой почтовый ящик сегодня бросили бесплатную рекламную газетёнку под названием «МИР ИНКОМ» – аналогичные издания последние годы пихают в ящик чуть ли не десятками, прямо хоть судись с ними: забьют его рекламой, а почтальону потом некуда класть письма и выписанные нами газеты... Но в данном случае я заговорил об этом не поэтому. Просто, прочитав случайно название газеты в обратном порядке, я увидел, что оно представляет собой чёткий палиндромический перевёртыш: «МОКНИ, РИМ». Специально, что ли, так придумали?..

* * *

...Ехал сегодня в метро домой и увидел на стенке вагона яркий рекламный плакат, зазывающий всех в один из магазинов кожи, где каждого *«ожидают по доступной цене комфортная обувь и элегантные сумки»*. При этом какой-то неведомый миру остряк вырезал бритовкой в слове «сумки» букву «м», благодаря чему объявление приобрело довольно-таки оригинальный и даже пикантный смысл, сообщая всем, что в этом магазине их *«ожидают по доступной цене комфортная обувь и элегантные су...ки»*.

И кто-то после этого будет еще утверждать, что постмодернизм в России не прижился?..

* * *

Листая свои рабочие блокноты, наткнулся в одном из них на такое вот четверостишие: *«В шкафу хранились кукла, вино, вата... / Открой ли шкаф – в бутылке нет вина! / И все вскричали: “Кукла виновата! / Его, скучая, выпила она!..”»* Прочитав эти строчки, я подумал, что писательские дневники – это, наверное, и есть такие же самые «шкафы», в которых хранятся «кукла, вино, вата» и другие сваленные в кучу литературные безделицы, которые хотя и не тянут на самостоятельные произведения, но в то же время не заслуживают и забвения, так как представляют собой некие «точечные замеры» писательского мыслительного процесса, показывающие его реакцию на те или иные события литературной жизни, прочитанные книги или замыслы собственных произведений. Опубликовав как-то пару-тройку блоков таких вот полукритических-полупоэтических миниатюр в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Вертикаль» и, кажется, где-то ещё, я с удивлением обнаружил, что они вызывают гораздо больший читательский отклик, чем все мои статьи, романы и стихотворения. По-видимому, читатель устал от литературно оформленного изложения писательских мыслей и ему хочется видеть непосредственно контакт писателя с жизнью – то есть живую правду, а не художественный вымысел или изложение эстетической платформы...

* * *

Вечером в одной из телереклам мелькнула информация об очередном конкурсе – мол, надо выслать куда-то (я и адрес-то не успел расслышать) две крышечки от кофе «Пеле», написать, за что ты любишь Бразилию, и у тебя появится шанс выиграть поездку в эту страну. Я стопроцентно

знаю, что всё это полная туфта и никто никакой путёвки никогда не получит, но тем не менее тут же написал стихотворение:

«Покуда в разуме и в силе я, / в моей душе любовь живёт / к стране по имени Бразилия, / где кофе в баночках растёт. // Как дом родной, страну ту знаю я: / там много диких обезьян. / (Но эта свалка обезьяния – / её единственный изъян.) // И всё в судьбе своей осилю я, / пока сияет мне во мгле / моя мечта – моя Бразилия: / ламбада, кофе и Пеле!..»

Помимо таких вот куплетов, я мог бы предложить любой из кофейных компаний целую кучу всевозможных литературно-рекламных проектов, выводящих их на пик покупательского внимания, но бог его знает, чем руководствуются их PR-менеджеры – никто не ищет с писателями никаких контактов, никому не нужны толковые идеи, все, видимо, думают только о том, как бы не отдать из бюджета ни копейки на сторону и прибрать все предназначающиеся на рекламу деньги только самим себе...

* * *

Прочитал вчера в газете «Завтра» интервью с заведующим кафедрой ЮНЕСКО по культурному туризму Валерием Квартальновым и (совершенно безотносительно к тому, о чём шла речь в беседе) тут же сочинил четыре строчки о туризме: *«Не надо фыркать: “Фу, туристы!” – / о тех, кто ходит с рюкзаком. / Они – просторов футуристы: / читают Родину нешком...»* Последняя строка, конечно, не ахти, но думаю, что ненамного хуже кручёныховского *«Дыр бул щыл»*, ставшего сегодня классикой русской *зауми*. Хотя, надо признаться, я очень люблю всякое поэтическое трюкачество (трюк-качество) в духе футуристов-авангардистов-модернистов-метаметафористов и других реформаторов российской поэзии. Литература без игрового начала – скучна и уныла, а уныние – это, по православным канонам, один из тягчайших грехов. Из-за того, что писатели почвеннического направления почти не используют сегодня в своём творчестве право на эксперимент и формотворческий поиск, патриотическая литература, при всей своей внутренней правоте, производит на свет очень много нечитательной продукции, девальвируя тем самым и саму литературу, и высокие патриотические идеи...

* * *

Увидел в одном из номеров «Литературки» воспоминания поэта Славы Киктенко о том, как он разъяснял Кузнецову своё понимание сказки про курочку Рябу, в которых он приводит свои версии её трактовки, пытаясь увязать сказку с некими мудрёными солярными мифами. Якобы золотое яйцо, которое Ряба снесла Деду и Бабе – это символ солнца, а значит, за всем этим таится какое-то неизвестное нам древнее планетарное учение, отзвуки которого он и старается отыскать в русской поэзии... На мой же взгляд, всё в этой сказке можно объяснить гораздо проще, если посмотреть на неё сквозь призму одного древнерусского духовного стиха, рассказывающего, как в день Вознесения Господа Иисуса Христа по всей Руси расплакались и распричитались нищие, говоря: «Вот, Ты уходишь, Господи, а на кого же мы здесь остаёмся? У нас ведь нет ни крыши над головой, ни одежды, ни денег на еду...

Как же мы жить-то будем?» А Господь им на это и отвечает: «Не волнуйтесь, братья, Я дам вам золотую гору – вы отщипывайте от неё по кусочку, вот вам и будет и на еду, и на одежду, и на всё прочее». Но тут вдруг раздался голос Иоанна Златоуста: «Что же Ты делаешь, Господи? У них же эту гору завтра отнимут торгаши и чиновники, и опять они останутся ни с чем!.. Ты уж лучше дай им право жить Твоим именем, прося у людей милостыню *Христа ради*, – и чтобы все им на это понемножку подавали. Тогда они хоть не умрут от голода...» И Господь так и сделал, дав им право просить по всей земле подаяние *ради Своего имени*.

Примерно то же мы видим и в сказке про курочку Рябу. Что такое яйцо в христианской символике? Это – символ жизни (вспомним пасхальные красные яйца). А кто дарует жизнь, как не Бог? Выходит, что курочка Ряба символизирует собой Бога. И, снеся Деду с Бабой золотое яичко, она подарила им обеспеченную жизнь, дала в руки богатство, а они не знают, что с ним делать. Били-били, не разбили, отложили в сторону, а юркая мышка с ним тут же и управилась. Только хвостиком хитрым махнула – и всё...

Не углубляясь в образ мышки, можно сказать, что из этого эпизода хорошо видно, что русскому народу золото ни к чему. Не знает он, что ему с ним делать, одна морока от этого богатства. Всё равно он его потеряет. Вот Господь, увидев всё это, и говорит Деду с Бабой устами Рябы: «Не плачьте, я снесу вам яичко не золотое, а простое...» То есть – не беспокойтесь о хлебе насущном, думайте о спасении души, Я дам вам простую жизнь, которая хотя и не сделает вас богатыми, но не позволит и умереть от голода. (Точно так же, как и в притче о золотой горе).

...Кстати, я слышал эту сказку от своих бабушки и мамы уже по-другому. В их варианте курочка Ряба снесла Деду с Бабой сначала именно *простое* яйцо, которое она дала им в соответствии с установкой на обеспечение простой жизни и которое они не смогли разбить от слабости, а когда мышка его раскокала, то Ряба обещает им снести взамен разбитого яйца – *золотое*. Это говорит о том, что при советской власти люди мечтали уже не просто о подсобном хозяйстве, дающем им взамен ежедневного труда картошку и яйца, а как раз о некоторой финансовой обеспеченности – о пенсии, регулярной зарплате, денежных сбережениях и прочем. То есть – уже о некоей *гарантированности существования*, а не о милостыне или подножном корме. (Советским людям хотелось уже не просто жить, а жить, как говорится, *хорошо*, но власть этого не учла и получила столько недовольных собой, что её в 1990-е годы, в общем-то, некому уже было по-настоящему и защитить...)

* * *

Слыша, как повсюду звучат песни Верки Сердючки, я подумал о том, что есть основание говорить о некоем повторяющемся в истории феномене низкого жанра. Ведь практически то же самое звучало и в 1920-е годы в репертуарах Сокольского, Утёсова и других эстрадных куплетистов. «*Эх, лимончики, / мои лимончики, / растёте вы у Сони на балкончике...*», «*Шла по улице старушка, а за ней мотоциклет, / мотоцикл цикал, цикал – и старушки больше нет...*», «*Так смеялись каждый час, / но прошёл годочек, / и от смеха вдруг у нас / родился сыночек...*» – я слышал множество песен такого рода времён нэпа,

весьма перекликающихся с тем, что поют сейчас наши сегодняшние шансонье. По-видимому, во время слома общественно-экономических формаций происходит и смена политической, экономической и культурной элиты – люди из общественных низов резко переходят в верхи. Во власть, в бизнес, в чиновничество приходят люди из криминальных кругов, воры и урки, культурный уровень которых не превосходит песенки «Мурка» – и именно под этот-то уровень и стремится подстроиться эстрада, чувствуя в нём главного потребителя своего «искусства»...

* * *

...Стране – абзац. В унынье ходят люди. / Всё развалил ужасный катаклизм. / Ужель нам общим памятником будет / построенный в ларьках капитализм?..

* * *

Пока ездил на станцию «Загорянская» смотреть предложенную нам на лето дачу, прочитал в электричке роман Стивена Кинга «Библиотечная полиция». Надо, не кривя душой, признать, что читал я его с большим интересом – интрига и вправду так прочно привязывает к себе внимание читающего, что оторваться от сюжетной линии просто невозможно. Но в итоге испытываешь чувство откровенного разочарования. Не потому, что это сделано плохо, и не потому даже, что – жестоко, а потому, что проблема мистического характера решается исключительно на *материальном* уровне. То есть – с инфернальной *нечистью* и *дьявольщиной* герои борются практически теми же методами, что и с рядовыми бандитами – путем их *физического* устранения. А то, что против них существует такое мощное оружие как *молитва*, *пост* и *церковное покаяние*, им, похоже, даже и невдомёк. А поэтому и одержанная ими победа кажется неубедительной: вампиры, бесы, ведьмы и прочие *дьявольские отродья* – это не та категория, которая исчезает с умерщвлением её *плоти*...

* * *

Сегодня всю дорогу в метро, а потом и дома читал в одном из номеров журнала «Звёздная дорога» повесть Олега Сеницына «Двадцать пятый час». В ней, как и у Стивена Кинга, тоже действуют инфернальные сущности, но победа над ними одерживается не столько силой оружия, сколько силой духа. Уже самим фактом того, что герой не испугался адских чудищ, угрожающих из преисподней миру живых, и не пошел им в услужение – он снял печать заклęcia с ангелов, а уже они своими огненными мечами начали очищать мир от губительной нечисти.

Вот без этого Божественного «противовеса» всем лешим, троллям, бесам, ведьмам и прочей мистической заразе современная фантастика выглядит, как самолёт с одним крылом – в ней присутствуют только сам человек и *силы зла*, тогда как второго «крыла» – *сил добра* – как правило, нет, и человеку приходится во всем уповать только на свои силы. Отсюда и эта заплонившая страницы фантастики заведомо беспобедная борьба с бесами при помощи одних только *физических* методов – молиться-то ведь героям *некому*, в их мире не существует Бога!..

Повесть Олега Сеницына – одна из немногих, где эта традиция нарушается, и поэтому она воспринимается как обещание того, что в создаваемые писателями миры наконец-то возвращаются *полнота и равновесие*, благодаря чему перед их героями открывается перспектива не только вечно бороться со злом, но и делать выбор между ним и силами добра...

* * *

По свидетельству автора книги «Литературная Москва» Ивана Белоусова, писатель Николай Николаевич Златовратский, когда разговор заходил о новых писателях или новых направлениях в литературе, восклицал:

« – О чём пишут? Как пишут? Для кого? – быстро, нервно шагая по своему маленькому кабинету, задавал он вопросы. – В наше время, когда мы писали, перед нашими глазами стоял многомиллионный трудовой народ: мы говорили перед его лицом, перед ним и ответ держали!..»

Так же точно, на мой взгляд, жила русская литература и с 1917 по 1987 год, в период так называемого соцреализма, когда, несмотря ни на какую заидеологизированность тогдашнего искусства, литературный герой, проходя через рассыпанную по сюжету цепочку испытаний, предстал на последней странице книги обязательно хотя бы на ступеньку *нравственно выше*, чем мы его видели на первой странице.

Сегодня же, к сожалению, писатель не держит ответ ни перед кем, а потому и количество разбросанных по его романам трупов не прибавляет его героям абсолютно ничего. Каким входит герой в произведение, таким же точно из него и выходит. Зачем же тогда всё это писалось, спрашивается?..

* * *

Мучаясь как-то от бессонницы, включил среди ночи телевизор и сразу же наткнулся на концерт, посвященный памяти Юрия Визбора. И показалось, что сидящие в зале люди являются представителями какого-то другого мира – отрешенные, нездешние. Балдеют, подпевая все эти «Милая моя, солнышко лесное...» Такое впечатление, что они прожили последние десять лет, не заметив ничего, что произошло вокруг них, – ни потери СССР, ни расстрела здания Верховного Совета, ни реставрации капитализма в России. Да они, похоже, не замечают даже того, что произносят их собственные губы! Вот промелькнули строчки: *«Ты прости меня, прости меня, пожалуйста – / ВДРУГ И Я ТЕБЯ КОГДА-НИБУДЬ ПРОЩУ?..»*

Смотрю на плывущие, словно в нирване, лица и вижу, что никто даже не задумывается над тем, что автор ведёт себя здесь под стать мелочному торгашу, требующему от любимой предоплату за то, что он только возможно когда-нибудь случайно сделает в будущем. *«Вдруг и я тебя когда-нибудь прощу?!»* – строит он гипотетическое предположение и, ещё даже не простив её, уже пугается того, что это его виртуальное действие может остаться неоплаченным.

Но это – все-таки Юрий Визбор, самый романтический и чистый из наших отечественных бардов, творивший еще без злобы и лицемерия...

* * *

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина записано: *«Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Товсон и Клейст не описали мне всех ее красот...»* По-видимому, в том и заключается основной смысл постмодернизма, что сквозь его призму мир представляется в первую очередь как чужой текст, и только уже потом – как некая самостоятельная ценность. До тех пор, пока этот текст не *подменяет* собой реального мира, а всего лишь *дополняет* его, помогая увидеть все его подлинные красоты, постмодернизм выполняет ту же положительную этико-эстетическую функцию, что и остальное искусство, однако стоит ему только возомнить, что он – *первичен*, а весь окружающий мир – это не более как иллюстрация к его главам, как на память сразу же приходит образ библейского Каина... Основное зло от того или иного авангардного направления в искусстве заключается не столько в самом факте их существования, сколько именно в их агрессивной претензии на *первенство*, в попытке подмены этических, эстетических и нравственных критериев, уводящих искусство в сторону, противоположную Истине...

* * *

...Боже мой, ну кто это сказал, что литература должна быть серьёзной, как бука, и заниматься единственно нравоучительством? Без игрового элемента она может превратиться в нечто занудное и скучное, поэтому я страшно рад, когда у кого-то другого или у меня самого появляются строки, способные вызвать читательскую улыбку. Не хохма ради хохмы, но хотя бы немного раскрепощённости, позволяющей воспринимать трагедию жизни без традиционной душевной тяжести, а как очередную иронию судьбы. Ярче всех в этом плане работает сегодня, наверное, Юрий Поляков, хотя элементы подобного стиля можно найти и у некоторых других наших современников...

* * *

Печально, но факт: чем дальше отходят славянские народы от своих духовных святынь, чем менее остаются они в русле своей национальной традиции и культуры, тем лучше живут материально. И, соответственно, наоборот: чем цепче держатся за свою историческую память, чем сильнее хранят заветы отцов и верность своей тысячелетней вере, тем в большем одиночестве оказываются и большие трудности испытывают. Как будто мир таким образом специально подталкивает их к отказу от своего национального лица...

* * *

Не так давно прочитал где-то небольшую информацию о том, что впитанная петербургским гранитом влага сохраняется в глубине его пор и трещин (то есть внутри всевозможных питерских колонн, стен, парапетов и постаментов) в течение пяти с лишним сотен лет. Если вспомнить об открытии французского учёного Жака Бенвениста, который в результате своих опытов обнаружил, что вода хранит память обо всём, что в ней когда-либо побывало, то перед нами вырисовуется

просто фантастическая картина Санкт-Петербурга! Оказывается, этот город напоминает своими характеристиками *мокрый диэлектрик*, который теряет свои изоляционные свойства и не блокирует, а пропускает сквозь себя из-за этой своей влажности разряды электрического тока. Точно так же и пропитанный дождями и туманами пятисотлетней давности Питер пропускает сквозь себя из прошлого в наше сегодня энергию и память множества миновавших эпох. С учетом того, что практически весь Петербург состоит из такого вот пропитанного влагой гранита, этот город сегодня представляет собой сплошной *проводник памяти*, не случайно же в его поэзии столь сильно звучат исторические мотивы...

* * *

Длинная фраза у прозаика (или чрезмерно длинное стихотворение у поэта) – это неоспоримое свидетельство его нарциссизма. Он не может остановить себя, потому что постоянно внутренне любит себя говорящим, как будто бы видит себя на трибуне. От этого нарциссизма всего один шаг до графомании...

* * *

Вечером смотрел по телевизору кадры затопления нашей космической станции «Мир». Как это ни обидно, а приходится признать, что американцы выгнали нас из космоса, как блатные пацаны – шпанят из своего двора. Потопив 12 августа прошлого года наш «Курск», они избавились таким образом от нашего присутствия в Мировом Океане, а теперь, добившись уничтожения «Мира», – и от нашего присутствия в околоземном пространстве...

Но как же красиво погибал наш «Мир», как величественно и гордо проследовал он перед наблюдателями к месту своего последнего пристанища! Словно торжественный кортеж, появились из-за туч стремительно летящие по небу горящие обломки станции: впереди, точно головной автомобиль, неслась самая большая из её уцелевших частей, а немного по бокам и сзади – как сопровождающие её мотоциклисты – обломки поменьше. От фантастичности и величественности увиденного аж душа похолодела. Не случайно мир аплодировал этому красивейшему и печальному «шоу»...

* * *

Вечером по телевизору передавали интервью с Александром Солженицыным, в котором он, в частности, сказал, что *Запад не испытал в своей истории того, что испытали мы, а потому не может быть для нас судьёй и учителем, а также, что Ельцин и Чубайс произвели над Россией чудовищный эксперимент, создав из неё государство, основанное на ограблении большинства меньшинством...* Увы, всё абсолютно правильно, да только кто сегодня к его словам прислушивается? Это ведь почти то же самое, если бы Иуда Искарriot после казни Христа взялся обличать иерусалимских первосвященников в попрании принципов гуманизма!..

* * *

Сегодня – очередная годовщина со дня смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. При всей его маниакальной подозрительности и жестокости, приведших страну к ГУЛАГу и иным перегибам, сегодня уже видно, что без его державной твердости сохранить независимость государства и направленный на всенародное благо курс практически невозможно. Сегодня мы уже на себе видим, что происходит, когда власть оказывается слабой. Я думаю, что Сталин – это последний государственный деятель, которого хоронила ВСЯ СТРАНА. После него уже просто *оттаскивали и зарывали...*

* * *

Возвращаясь домой с работы, увидел на нашем рынке возле метро красивый ковер с ликом Иисуса Христа посередине и подумал: как же потом, прости, Господи, выбивать из него в случае необходимости пыль? Какую надо иметь душу, чтобы заставить себя бить выбивалкой по лицу Бога? Я вот еще только подумал да написал об этом – и то уже страшно сделалось, а как быть тем, кто его все-таки купит? *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй...*

* * *

Подумалось вдруг о том, что реформы русского языка – это не такое уж и безобидное дело, как может показаться. Вот, к примеру, раньше писалось не «католический», а «кафолический», не «кафедра», а «катедра», не «теософия», а «феософия» и так далее. Так что и наш сегодняшний Интернет при всей сопутствующей ему массе положительных моментов имел бы по старому написанию вид «инфернет», что гораздо ближе соответствовало бы его *ИНФЕРН*альной сущности...

* * *

Разговаривал с утра со своей дочкой Алинкой (11 лет) о метафорах, эпитетах и другой инструментовке поэтических текстов. Когда она прочитала в «Мурзилке», что *горбы верблюда похожи на два холма*, я предложил ей поискать какое-нибудь другое, более современное сравнение, ведь вряд ли у живущей в Москве одиннадцатилетней девочки первыми придут на ум холмы, которые она и видела, может быть, только раз в жизни, где-нибудь по дороге в летний лагерь из окна автобуса. Скорее всего, у современных ребят должна при виде верблюда возникать какая-нибудь более знакомая им ассоциация – то, на что натывается их взгляд в повседневной жизни здесь, в столице. Я схематично изобразил пальцем в воздухе горбы верблюда в виде двух спаренных узких дуг и Алинка тут же сказала, что это округленная буква «М», а немного подумав, воскликнула: «*“Макдоналдс”!* Это *“Макдоналдс”!* Верблюд похож собой на лошадь, которая несёт на своей спине рекламу “Макдоналдса”!..» Так что метафоры XXI века будут носить отнюдь не природный, а стопроцентно урбанистический характер...

* * *

Услышал от кого-то произнесенную вслух фразу: «*Стал Иван ВО ЧИСТОМ поле*», и подумал, что помимо привычного у неё есть еще и другое, не менее поэтичное и образное звучание: «*Стал Иван В ОЧИСТОМ поле*» (то есть в поле, имеющем *ОЧИ*, в *ГЛАЗАСТОМ* поле), – что лишний раз подтверждает моё давнее наблюдение над тем, что слова русского языка имеют способность к многослойному и многосмысловому прочтению, неся под лежащим на их поверхности видимым смыслом (точно матрёшки под внешним корпусом) ещё и некую потайную, обнаруживаемую только при «раскупоривании» этой внешней оболочки, суть...

* * *

...Перечитывая перед сном поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», поймал его неожиданно на одном несоответствии. В самом зачине повествования он говорит, что на столбовой дороге сошлись *СЕМЬ* мужиков и перечисляет *СЕМЬ* деревень, из которых они вышли, а потом, объясняя, кто с какой целью вышел в этот день из дому, пишет, что «а *ДВА* братана Губины так просто с недоуздорчком ловить коня упрямого в *СВОЁ ЖЕ СТАДО* шли», из чего видно, что они вышли из *ОДНОГО И ТОГО ЖЕ МЕСТА* (ну не созванивались же они из деревни в деревню по мобильнику, чтобы идти куда-то в их *ОБЩЕЕ* стадо?). Таким образом, получается, что *СЕМЕРО* его героев вышли из *ШЕСТИ* деревень, а пришлёпнутая к списку Неурожайка оказывается здесь совершенно лишней. Не случайно она и добавлена к перечню деревень как бы уже вдогонку: «*Неурожайка – тож*», напоминая этим печально известную формулировку политического обвинения из хрущёвских времён: «...и примкнувший к ним *Шепилов*».

(Впрочем, «чудит» Николай Алексеевич и дальше: к примеру, повторяя в главе «Крестьянка» перечисление деревень, из которых отправились в странствие его мужики, он вместо приведенного на первой странице поэмы списка, состоящего из «*Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобищина, Горелова, Неелова, Неурожайки – тож*», даёт уже несколько отличающийся от него перечень, по которому его герои вышли из «*Несытова, Неелова, Заплатова, Дырявина, Горелок, Голодухина – Неурожайки тож*»).

* * *

Оглядываясь на период своего раннего детства, вдруг вспомнил песенку, которую любил напевать мой отец, бывая в хорошем расположении духа. С тех пор прошло уже четыре с лишним десятилетия, а она вдруг выплыла так, будто я её слышал на прошлой неделе: «*Ит сто няба кла без сте, / шакры в неба кла проте. / И чийрабо слепо ниба / дитхо цает кла ми зуба*», что переводится как: «*Стоит баня без стекла, / в бане крыша протекла. / И рабочий после бани / ходит, клацает зубами*».

Не знаю, может быть, я потому эту белиберду и пронёс в своей памяти сквозь все десятилетия, что это была не обычная песня, а демонстрация неких «изнаночных» свойств русского слова – тех самых, что как раз и придают пикантности самым, казалось бы, привычным и будничным вещам и явлениям...

* * *

Просмотрел на работе кучу книг, которые мне привезли на днях для обозрения из провинции, и откровенно расстроился низкому художественному уровню некоторых из поэтических сборников. Даже не знаю, как мне поступить, – они ведь ждут от меня *положительных* откликов, а книги такие, что их надо *ругать*. Вот, к примеру, прекрасно изданный том стихов Ивана Прасолова «Всё начинается с любви» (Тула, 2001. – 384 с.), открыв который, натыкаешься на сплошные зарифмованные здравицы и посвящения. Писучесть у автора поразительная: вошёл в магазин, купил у продавщиц батон хлеба или кусок колбасы – пожалуйста, получите благодарственное стихотворение; съездил в профилакторий КСЗН (?), нагулял там дополнительный вес – получите в знак признательности мадригал: «...*От большого аппетита / Прибавляется пуздо. / Социальная защита / Населенья – налицо...*» И ведь всё это – не в шутку, не как образец иронической поэзии, что, как говорится, ещё куда бы ни шло, а – на самом полнейшем серьёзе! «...*В этом скромном магазине / Всё в наличии есть – для / Потребительской корзины, / В любой час любого дня...*» Тут бы, думаю, и самого Ляписа-Трубецкого с его «Гаврилиадой» скрутило от зависти!..

* * *

Для названия статьи или нового творческого метода: «Постмодернизм с человеческим лицом».

* * *

Во время моей недавней поездки в Тольятти на Совещание молодых писателей, где я руководил семинаром поэзии, по вагону носили на продажу хрустальные вазы и бокалы, и, услышав, как продавцы выкрикивают слово: «Хрусталь! Хрусталь!» – я подумал, что в его звучании как бы заложено сразу и само определение этого материала, ибо хрусталь действительно является одновременно и ХРУпким, как стекло, и звонким, как СТАЛЬ, отсюда и его имя: ХРУ-СТАЛЬ...

* * *

Прочитал в «Ночном поезде» М.Н. Загоскина эпизод, который можно поставить эпиграфом к статье или даже книге о сегодняшней критике:

«– ...*Вот то-то, племянник, если б ты поменьше знал французских, а побольше русских слов, так и не попадался бы впросак, как безграмотный, и не мешал бы мне рассказывать.*

– *Виноват, дядюшка, но я читал в одной критике...*

– *Эх, братец, охота тебе читать всякий вздор!...*»

* * *

...Помню, во время одного из дней русской литературы в Самаре, где я был руководителем делегации от СП России, священник о. Нико-

лай, которого мы только что приняли в члены Союза писателей, встал как-то за ужином из-за стола и говорит:

– Друзья, прошу минуту тишины! Я хочу для вас сейчас спеть народную песню!

– Только, батюшка, пожалуйста, без матов, – так это буднично попросил его ведущий православной телевизионной программы «Путь» Алексей Алексеевич Солоницын. (Как будто едва только стоит запеть священнику – и от матов хоть уши затыкай...)

...И ещё один памятный эпизодик из этих дней. Нас поселили в небольшой епархиальной гостинице «Радонеж» – эдаком трёхэтажном домике неподалёку от Волги, в котором оборудовано десять шикарных номеров для остановки заезжих архиереев, – и я всё время напоминал своим коллегам, чтобы они не курили в номерах, а выходили на улицу. Ведь тут же потом будет ночевать духовенство, увещевал их я. А в последний день удосужился заглянуть в лежащие на столе правила проживания в гостинице и сразу же наткнулся в них на такой пункт: *«Убедительная просьба: не лежать на постели с непогашенной сигаретой»*. Как будто любимое дело останавливающихся тут епископов и архиепископов – поваляться на широченной кровати с дымящейся сигареткой во рту!..

* * *

...Во время одной из моих поездок в Санкт-Петербург я побывал в гостях у своего всеволожского друга – поэта Владимира Шемшученко, и он за шашлыками поведал мне о довольно забавном эпизоде, произошедшем с одним из его друзей-рыболовов. Каждую весну, когда разливающиеся реки и озёра затапливают окрестные низины, они ездят в такие места в окрестностях Ладожского озера ставить сети. И вот в этом году, когда они нашли очередную затопленную низину и поставили там сеть, подъезжает инспектор рыбнадзора и начинает составлять протокол, чтобы изъять у них орудие лова, транспортное средство и наложить штраф за браконьерство. «Хорошо, – говорит Володин напарник, – пиши. Но только пиши всё, как есть: что мы – *ловили рыбу сетью в поле*, а иначе я не подпишу протокол!» Тот подумал-подумал, закрыл свою полевую сумку и уехал. Ну как можно кого-то оштрафовать за то, что он «ловил рыбу сетью в поле»? Ещё дураком посчитают. Хотя на деле всё так и было – то место, где они ставили сеть, до разлива было участком поля, и когда вода спадёт, оно опять им же и станет...

* * *

...Помнится, при первом прочтении романа Булгакова «Мастер и Маргарита» я искренне хохотал над сценкой, описывающей, как Бегемот и Коровьев пытались попасть в ресторан «дома Грибоедова», у входа в который сидела «гражданка в белых носочках и белом же беретике с хвостиком», потребовавшая у неразлучной парочки писательские удостоверения.

«– Прелесть моя... – начал нежно Коровьев.

– Я не прелесть, – перебила его гражданка.

– О, как это жалко, – разочарованно сказал Коровьев и продолжал: – Ну что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, можете не быть ею...»

Потом, много позже, читая уже не булгаковское «евангелие от Воланда», а настоящее – от Матфея и других Апостолов, – я понял, что гражданка в белых носках является практически *единственным* персонажем романа, не подпавшим под власть нечистой силы. Ведь по Священному Писанию «прелесть» – это, во-первых, «самопрельщение» (1 Сол., 2, 3), а во-вторых, «обманывание и обольщение других» (Мтф., 27, 64; 4, 14), поэтому, заявив представителю свиты Воланда (Дьявола) свое твердое «*Я не прелесть*», гражданка в белых носках и белом берете (цвет чистоты и святости) выказала именно православное отношение к слову «прелесть», вызвав тем нескрываемую досаду Коровьева («*О, как жалко...*»), бесовская роль которого как раз и опирается на склонность людей к самообольщениям и соблазнам.

* * *

...У меня такое впечатление, что песни существуют по тем же законам, что и человеческие сообщества и, отрываясь после своего создания от воли сочинившего их композитора, они живут своей собственной жизнью, подчиняясь законам неведомого нам песенного мира. И там, в этом их мире, хорошие песни враждуют с плохими почти так же, как Америка с Россией. И плохие песни делают всё возможное для того, чтобы постоянно увеличивать свои ряды. Только, к примеру, какой-нибудь композитор сядет к роялю сочинять что-нибудь серьёзное, как они тут же летят к нему и влезают в память, визжат в ушах, сбивают с наметившейся мелодии на какую-нибудь дребедень. Он хочет сосредоточиться, поймать некое промелькнувшее в душе «высокое звучание», а в ушах неустанно вертится какой-нибудь «Цыплёнок жареный».

* * *

...Несколько лет назад, читая в Самарском епархиальном училище лекции по истории русской словесности, я посвятил один из уроков творчеству Сергея Есенина, столетие со дня рождения которого как раз тогда отмечалось. И вот, внимая его стихам, один из будущих батюшек вдруг говорит:

– Послушайте, но ведь это же пишет не христианин, а язычник. Смотрите: «*Молюсь на КОПНЫ и СТОГА*», «*За прощальной стою обедней КАДЯЩИХ ЛИСТВОЙ БЕРЕЗ*», «*Я молюсь НА АЛЫ ЗОРИ, причащаюсь У РУЧЬЯ*», «*Молюсь дымящейся ЗЕМЛЕ*» и всё в таком же духе. Ведь это же миропонимание человека дохристианской эпохи...

Перечитав дома есенинский двухтомник, я склонен думать, что мой семинарист был весьма и весьма прав. Есенин – не *отступник от Бога*, как считают многие есениноведы, он к Нему просто ещё и *не приходил*. Его мировоззрение действительно еще глубоко *дохристианское* – православянское, основывающееся не на вере в *Бога-Творца*, а на поклонении самим *стихиям* – ветру, солнцу, дождю, грому или же *объектам природы* – земле, лесу, полю...

Посмотрим на строки такого, казалось бы, *покаянного* стихотворения как «Мне осталась одна забава», выражающего как бы последнюю волю автора: «...*Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать*».

На первый взгляд, примирение поэта с Богом состоялось – по крайней мере, мы присутствуем при факте осознания им своей вины перед

Ним. Но – даже *под иконами* – Есенин хочет лежать не в чем-нибудь, а именно в *русской* рубашке, то есть в рубашке с вышитым вокруг ворота *орнаментом*. А что такое русский орнамент? Исследования академика Б.А. Рыбакова и других историков показывают, что русская народная вышивка – это зашифрованная языческая символика, изображающая древние божества: *Хорса* (кружок-солнце), *Макошь* (крестики типа буквы Х, символизирующие человека с поднятыми к небу в молении руками), *Древо Жизни* («ёлочки» вдоль ворота) и так далее.

Так что, даже смиряя себя в свой последний час перед Богом, Есенин этой просьбой – похоронить себя в *русской* рубашке, – быть может, сам того не осознавая, говорит нам о том, что в душе он был, есть и остается не *христианином*, а именно – *язычником*.

* * *

...Как-то на лекции в Доме литераторов (ещё во время моей жизни в Самаре) один из заезжих профессоров пожаловался, что до сих пор нет нормального определения того, что же такое *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК*. Я сначала удивился, а потом подумал, что причина здесь, по-видимому, кроется в том, что все пытаются составить его определение, исходя из признаков, *уже в нём содержащихся*, тогда как следовало бы – исходить из самого его *назначения*. Ведь в чём главная принципиальная разница? В том, что язык *функциональный* служит для коммуникации на уровне *разума*, а язык *литературный* – для общения на уровне *духа*. Отсюда и их отличительные признаки. Первый является носителем бытовой и профессиональной *информации* и, следовательно, передается посредством *знаков и символов* (цифр, формул, терминов, служебных слов и тому подобное), ну а второй – носителем *чувств и идей*, которые передаются авторами при посредстве *образов* (метафор, гипербол, «потоков сознания», лирических монологов и прочих художественных средств).

* * *

К 12 часам дня пошёл в располагающуюся неподалёку от нас школу русско-словацкой дружбы на встречу с педагогами. Почитал им стихи, поговорили о состоянии сегодняшней литературы, и, анализируя их пожелания, я вывел эдакий совокупно-виртуальный образ современного российского писателя, каким бы они хотели его видеть. Для того чтобы быть кумиром у сегодняшних читателей, надо:

- а) чтобы писатель был красивым, как Владимир Сорокин;
- б) чтобы он писал глубоко, как Валентин Распутин;
- в) чтобы его книги читались легко, как детективы Дарьи Донцовой.

Обогатившись такими богатыми выводами, я попил с учителями чаю с вафельным тортом и поехал к себе в правление...

* * *

К сожалению, сегодняшнее российское телевидение – это такой же цинизм, как *дуэль с одним пистолетом*, когда один из дуэлянтов (тот, кто сидит «внутри телевизора») может себе позволить стрелять в другого (того, кто смотрит на экран снаружи) любой самой отборной ложью, любыми подлостями и пошлостями, заведомо зная, что этот другой не вооружён, а потому и не в состоянии ответить ему адекватно.

Единственное, что еще может сделать в этой ситуации зритель в качестве меры самозащиты – это прервать этот нечестный поединок, выключив (а ещё лучше – *разбив*) свой телевизор...

* * *

В очередной раз услышал от ведущего теленовостей выражение «на Украине», на которое так обижаются украинцы, требуя произносить «в Украине», и подумал, что это происходит из-за того, что большинство россиян воспринимают Украину не как государство, а исключительно как *географический объект*. Потому что, когда речь идет о государствах, то мы говорим: побывал «в Греции», «во Франции», «в США», «в Аргентине», а когда о географических понятиях, то: побывал «на Сахалине», «на Чукотке», «на Памире», «на юге», «на Волге», «на Дальнем Востоке» и т. д.. Украина для нас – это *окраинная часть бывшего СССР*, которая проходит по «ведомству» категорий географических, а потому язык сам собой и произносит не «в Украине», а «на Украине», то есть – «на окраине нашего бывшего Союза». Не случайно же и сам Тарас Григорьевич Шевченко писал когда-то в одном из своих стихов, чтобы его похоронили «*на Вкраїні милій...*»

* * *

...И снова чуть ли не половину ночи размышлял о прозе Стивена Кинга, книгу рассказов которого «Сезон дождя» я купил на казанском вокзале перед самой поездкой в Сызрань. Это очень талантливый писатель, и хотя он пишет про всякие ужасы, его проза лучше любой публицистики раскрывает бездуховную сущность Америки, я бы сказал, её мистическую трагедию. Потому что из рассказываемых им историй отчётливо видно, что современный мир США включает в себя только такие факторы как *человек* и *дьявольщина*, но при этом в нём фактически напрочь отсутствует даже какое-либо упоминание о *Боге*. «Ты бы ещё сказала: “*ПОКАЙСЯ!*”», – с негодующим сарказмом восклицает, заблудившись среди непронумерованных автострад, один из персонажей книги в ответ на предложение его подруги вернуться и выехать на правильную дорогу. И дальнейшее развитие сюжета показывает, что мир, в котором раздражителем является даже сама только мысль о *покаянии*, просто не может быть обречен ни на что другое, кроме как на погибель...

* * *

В «Литгазете» опубликовано большое интервью с профессором Литературного института В.П. Смирновым, в котором он очень правильно говорит о том, что «*русская песня, русская поэзия – одно из воплощений нашей национальной судьбы и национальной метафизики*» и что если «*исчезнет поэзия – исчезнет Россия*». Отвечая на вопрос о том, как он оценивает нынешнее состояние культуры, Владимир Павлович говорит: «*...Буржуа кажется, что это они отказались от поэзии. Нет, это поэзия отказалась от них! Им кажется, что это им не по пути с такой романтической роскошью и чепухой, как поэзия. А это поэзии не по пути с ними в лавку, кабаки и на курорт на Багамы. Все великие писатели антибуржуазны...*»

Я помню В.П. ещё по учёбе в Литинституте, где он читал нам курс русской литературы Серебряного века, да и потом мы неоднократно встречались – и в Москве, и в различных поездках. Он, конечно же, высочайший специалист по Серебряному веку в русской литературе, блестяще владеет материалом и готов заразить своей любовью к русской поэзии любого собеседника...

* * *

Шёл днём к метро «Парк культуры». По времени была ещё середина дня, но из-за переведенных на час назад часов пейзаж вокруг выглядел уже явно *по-вечернему*, к тому же на крестах церкви Николы в Хамовниках сидели такие крупные чёрные вороны, что у меня само собой сложилось этакое философическое двустиишие: *«И чёрный ворон – тоже Божья птица, / коль на кресты церковные садится...»*

* * *

...К небу можно приблизиться только *ДУХОМ*, а мы всё тянем к нему башни своих торговых центров, а потом, когда наступает очередное 11 сентября, не хотим понять, что это не террористы бен Ладена, а Сам Господь Бог заставляет нас таким образом пригнуть голову в смирении и возвратиться на землю...

* * *

Прочитал в присланном мне из Ростова номере журнала «Дон» окончание монографии Александра Шелудякова «Тайна Половецкой летописи», в которой автор рассказывает, как его отец читал ему в детстве некую ныне утраченную, но дословно им заученную летопись, содержащую первородный текст знаменитого «Слова о полку Игореве». Собственно, эта детская память автора в общем-то и является тем единственным «научным аргументом», на который он постоянно ссылается в своей публикации. Она буквально пестрит фразами типа: «...в Половецкой летописи была ёмкая запись о цели похода Игоря в Половецкую страну дальнюю...», «...в Половецкой летописи текст автора “Слова” сохранён очень бережно...», «...сравните, как этот отрывок звучит в Половецкой летописи...», «...в Половецкой летописи было записано...» – и так далее. А в конце работы приведён перевод «Слова о полку Игореве» и его расшифровка по этой самой Половецкой летописи, которые оказываются раз в двести труднее для понимания, чем тот текст «Слова», который был прежде «испорчен» переводами Д.С. Лихачева и целого ряда других, смотревших ему в рот толкователей. Так, например, вместо довольно внятной строки *«Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше, но своя вещица персты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху»* под пером Шелудякова появляется какая-то нелепая фраза: *«Бо яз же, братья, не десять соколов на САДО ЛЕПО ПЕТЬЮ напускаю, но свои вещици персты на живые струны воскладаю – они же сами князьям славу РОК-ГАТАТИ»*. Однако мало того, что в трактовке знатока Половецкой летописи вещей Боян превращается в эдакого древнерусского Андрея Макаревича, *ГАТАЮЩЕГО* на гусях *РОК*-балладу о походе князя Игоря против половцев, так ещё и его брат – *Яр-Тур* Всеволод –

переряжается вдруг в какого-то неведомого «*яртаула*», киевские бояре – оборачиваются «*боявами*» (что якобы означает по-половецки монахов, толкующих сновидения), седло *кощиево* – становится седлом «*кастчеевым*» и так далее. И даже несколько логически понятных и близких к истине трактовок древнерусского текста, которые делает Шелудяков по ходу своей монографии, оказываются буквально погребёнными под курганами сочинённых им псевдополовецких слов и выражений, благо бы проясняющих смысл поэмы, а то ведь только ещё более его затемняющих...

* * *

...Последнее время заметил, что москвичи абсолютно перестали разговаривать друг с другом *О ЖИЗНИ*, общение стало носить в основном лишь функциональный характер типа вопросов-ответов о том, где находится то-то и то-то, как туда проехать, и тому подобное. Вследствие этого не стало побочных сцен и в литературе – у Достоевского, к примеру, его идущего по улице героя могла зацепить проезжающая мимо телега, зацепить кнутом извозчик, он мог увидеть, как пьяный муж бьёт жену, услышать разговор двух совершенно посторонних для сюжетного действия прохожих, могла попасться на глаза случайная девочка-попрошайка и многое другое. В нынешних же романах нет ни одного фонового персонажа, в поле зрения автора и его героев не попадает ни одно из незадействованных в сюжете лиц (как будто писатели боятся, что каждому лишнему персонажу надо будет выплачивать гонорар!), в произведение не залетит ни один обрывок случайного разговора, не забежит бродячая собака, в них практически абсолютно *НЕТ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА*...

* * *

Сколько живу на свете, никак не могу понять, что же за такое странное существо – человек. Проблем сейчас вокруг (причем, как личного характера, так и общенародных) буквально выше крыши: страна погибает, мир катится к своей последней войне, литературу почти окончательно вычеркнули из российской жизни, ну а я второй день хожу и смеюсь над где-то случайно прочитанным анекдотом (к тому же – с довольно садистским характером), состоящим практически из одной, как бы оторванной от своего начала, строки: «...*А по вечерам Мальвина поднимала свой единственный глаз к небу, смотрела на звёзды и вспоминала тот незабываемый поцелуй, который ей подарил Буратино...*» Даже не знаю, как это всё можно назвать...

* * *

Провёл у нас на Комсомольском проспекте творческий вечер минского прозаика Сергея Трахимёнка, выпустившего две документальные книги о войне и повесть в жанре иронического детектива на экологическую тему «*Миллениум в Авсюках*». Авсюки – это образ реального белорусского села Автюки, напоминающего знаменитое болгарское село Габрово, славящееся своим юмором. Вот и детективная история Трахимёнка о пропавшем накануне Нового года районном журналисте, расследовавшем феномен добычи авсюковцами керосина прямо из

земли, пересыпана анекдотами об этом селении. Но мне больше всего понравился один крошечный момент в тексте книги, в котором чисто мимоходом сообщается о том, что помимо известного слова «лес», обозначающего заросли деревьев, в белорусском языке имеется ещё слово «лёс», переводящееся как «судьба». Таким образом, стоит только потерять две малюсеньких точки над буквой «ё», и в своей собственной судьбе можно сразу же заблудиться, как в густом дремучем лесу. Я очень люблю такие вот «потайные шкатулочки языка», хранящие в себе возможности для многовариантного прочтения слов, открывающие простор для занимательной филологической игры и обогащающие словарный арсенал неожиданными смысловыми переключками...

* * *

...После работы съездил в кардиологическое отделение Института хирургии, где сейчас лежит в ожидании уже второй операции мой друг из города Старица (Тверская область) Виктор Хотулёв. Он сам хирург и всю жизнь спасал жизнь другим людям, а вот теперь довелось лечь на операционный стол и самому. Сердце. Из-за стрессов у него так забились аорты, что сквозь них уже почти не проходит кровь. А стрессы – это результат его работы в местной газете, которую он ведёт параллельно своей хирургической практике. Он там пишет обо всём и обо всех одну только правду и нажил из-за этого множество врагов, которые украли у него в отместку машину, пишут на него начальству анонимки и делают кучу других гадостей, которые и привели его на больничную койку...

Кстати, вот удивительный пример воздействия литературы на людские судьбы! Можно утверждать, что Виктор в буквальном смысле слова обязан своей жизнью книге Юрия Полякова «Козлёнок в молоке». Дело в том, что незадолго до начала первой операции на сердце он увидел меня и Марину в одном из телевизионных репортажей с празднования Юриного 50-летия, где прозвучало упоминание об этом романе, и ему стало страшно досадно, что вот-де, мол, случись вдруг ему завтра умереть на операционном столе, и он так и не прочтает этого знаменитого произведения. И весь период подготовки к операции и во время неё он не переставал повторять про себя, как заклинание, своё желание: «Только бы мне выжить и прочитать “Козлёнка в молоке”, только бы мне прочитать “Козлёнка...”» Во время операции с ним случилась клиническая смерть, но мечта прочитать «Козлёнка» оказалась сильнее, и ему удалось выкарабкаться.

Узнав обо всём этом, я срочно купил в магазине этот роман, поехал в «Литературную газету» и попросил, чтобы Юра подписал Хотулёву автограф, а потом съездил в больницу и передал подписанную им книгу Виктору. Дай Бог, чтобы она помогла ему и при второй операции...

* * *

Прочитав в одной статье, что «бренд» – это значит «имя», «знак», «символ», и, вспомнив давнее русское слово «сбрэндил», равнозначное выражению «с ума сошёл», я подумал, что, ещё ничего не зная ни о каких «брендах», русский народ придумал слово, приравнивающее акт сошествия с ума к потере человеком своего личного имени. Вот у нас и говорили: «Ты что – сбрэндил?» – имея в виду: «Ты что – забыл,

как тебя зовут?..» (То есть: «...Забыл, кем ты значишься в Книге Жизни?..») Или ещё проще: «Ты что – ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ СОБОЙ?!» Ведь сумасшествие – это не что иное, как именно утрата человеком своей самоидентификации...

* * *

Ездил сегодня к хирургу по поводу боли в левой стопе и по дороге в больницу и обратно читал в метро книгу Аллы Большаковой «Феноменология литературного письма. О прозе Юрия Полякова». Вопреки моим опасениям, что книга окажется страшно заумной, она написана более-менее понятным языком и помогает всплыть целому ряду из моих собственных размышлений о Юриных романах и повестях. Хотя, наверное, я бы всё-таки посоветовал Алле избегать злоупотребления такими выражениями как: «*темпоральная деформация в соединении начал и концов разорванной истории*», «*свёрнутая доминанта объективированного времени автора-повествователя*», «*парадигма несбыточности, скрытая в семантическом разрыве слов*» или «*невозможность осуществления скрипторских интенций*». О произведениях Полякова надо писать так же интересно и доходчиво, как пишет он сам. Его роман «Козлёнок в молоке» переиздан уже 22 раза! Можно ли столько же раз переиздать текст о «*невозможности осуществления скрипторских интенций*»?.. Я как-то в этом сомневаюсь...

* * *

Войдя как-то в наш писательский туалет в правлении СП России, я привычно пристроился у вечно засоренного и оттого на треть заполненного писсуара и вдруг увидел плавающую в нём блестящую чёрную маслину. Скорее всего, её появление здесь объяснялось довольно просто. Видимо, вчера у одного из наших из секретарей обмывали чью-то новую книгу и во время последующего ополаскивания посуды выплеснули сюда с остатками рассола и маслину. Но мне, при виде её в столь необычном сосуде, невольно подумалось о том, насколько же русский человек в эстетическом плане тоньше американцев. Ну куда тут, спрашивается, Хемингуэю, так и не поднявшемуся выше описания маслин в заурядном стакане с коктейлем! Маслина в писсуаре – вот где подлинная поэзия, вот где тончайшее чувство ароматических и словесных нюансов!.. И не является ли этот образ символом всей *настоящей* литературы – как раз и демонстрирующей читателю такие вот идейные, сюжетные и психологические «маслины», обнаруживаемые писателями в бездонном писсуаре жизни?..

* * *

Заходил сегодня в литературную студию «Марьинская Муза», которую мы раньше вели вдвоем с Мариной, и одна из поэтесс подарила мне свою новую книгу стихов, которая у неё только что вышла в Архангельске (26 печатных листов формата 60х90, 416 страниц!). Книга имеет жанровый подзаголовок: «*женская, духовная, медитативная лирика, 350 сонетов и детские стихи*», – всего 900 стихотворений самой разнообразной тематики и разного поэтического уровня, написанных как от женского лица, так и от мужского. Есть, как я потом убедился,

немало любопытных стихотворений, но тогда, раскрыв книгу, я сразу же наткнулся на акrostих, начальные буквы которого соединяются в фразу: «С ЮБИЛЕЕМ ИИСУСА ХРИСТА». Почти как реклама в нашумевшем в своё время романе Виктора Пелевина «Generation П»: «СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД».

* * *

По дороге в метро прочитал очередной выпуск «Независимой газеты», в приложении к которой «Субботник-НГ» (№ 31/78) Виктор Ерофеев рассуждает о том, что, по его мнению, в XXI веке человечество наконец-то должно дозреть до замены «устаревшего» Бога – на нового, «универсального». Который в его трактовке получается как-то очень уж похож собой на антихриста...

* * *

...На днях редакция «Литературной газеты» заказала мне рецензию на книгу Евгения Гришковца «Планета», но я с трудом осилил первую из помещённых в ней пьес (скучнейшая вещь, написанная предлинными монологами), родившую во мне один только двухстрочный отклик: «Гришковец, Гришковец, / лучше нас бы ты овец», – и больше уже ничего читать не смог...

* * *

Вышел сегодня из метро и чуть не задохнулся от охватившего мою душу пьянящего восторга – красотища-то, Господи! Всё вокруг стоит зелёное – берёзки, тополя, трава изумрудная... Даже не верится, что зима закончилась, и пришло тепло. У меня прямо душа запела. Иду, такая меня охватила эйфория, только что не подпрыгиваю от радости. И вдруг смотрю – метрах в двадцати от тропинки мужик опускается под изумрудно зеленеющие кусты, поворачивается задом к идущим мимо него людям, снимает штаны и преспокойно начинает справлять там на молодую травку свою большую нужду... Практически на виду у всего народа, которому как-то абсолютно наплевать на то, что происходит в нескольких метрах от него...

И всё моё ликование тут же закончилось.

Наверное, нельзя ничем безудержно восторгаться – этим мы как бы поднимаем вокруг себя некую излишне высокую «эмоциональную волну», которая нарушает баланс энергетических сил планеты, и мир, стремясь сохранить необходимое равновесие и не допустить разрастания этой волны до размеров эмоционального цунами, старается как можно быстрее погасить наши восторги. Иногда вот таким экстравагантным способом...

* * *

Тема для будущей статьи: русское искусство от «Чёрного квадрата» Малевича до «Красного колеса» Солженицына. Это он, этот квадрат, обернувшись солженицынским красным колесом, покатился, лязгая своими смертельными углами, по Руси, давя по пути и калеча человеческие судьбы. (А внутри колеса вписана «Треугольная груша» Вознесенского.)

* * *

В последнее время в вагонах московского метро появились плакаты, рекламирующие то ли радиостанцию, то ли новый энергетический напиток с названием «ПозитиF». Нынешняя молодёжь «тащится» от всякого рода искажённых словечек, а потому даже не замечает, что вместе с этим, казалось бы, нацеливающим исключительно на *позитивное* восприятие жизни названием, она заглатывает в своё подсознание ещё и пугающее слово «*тиф*» – «ПозиТИФ», – которое не может не вести там подспудно-незаметную, но стопроцентно *негативную*, разрушительную работу. И подобный эффект можно обнаружить практически в любом образце современной российской рекламы...

* * *

В метро появились рекламные плакаты, на которых изображены радостные парень или девушка, страстно прижимающие к груди охапку платьев, компьютерную клавиатуру или кофеварку, под которыми выведена яркая надпись: «НЕТ НИКОГО БЛИЖЕ!» Они изображают на лицах счастливейшие улыбки, а я смотрю на них и думаю: «Господи! Какие же вы бедные и несчастные, если у вас в жизни нет *никого ближе*, чем кофеварка!.. И неужели же составлявшие рекламный текст пиарщики не понимают того, что сделали из своих персонажей не столько символ счастья, сколько символ вселенского одиночества?.. Какое уж там счастье, если самым близким для человека в жизни является не жена, не друг, не родители или дети, а – электроутюг».

И ещё реклама из того же ряда. На плакате нарисована коробочка мягкого сыра с выцарапанными зубочисткой на его поверхности очертаниями сердца, и рядом выписан слоган – «Виола. ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ». И опять невольно думаешь о создателях и адресатах этого текста: «Боже! Какие же вы жалкие, если *единственным*, к чему прикипело в этой жизни ваше сердце, является *сыр*...»

* * *

Поэтическое слово – это вакцина против духовной гибели народа. Сегодня, когда страна задумана пошлостью и цинизмом, поэзия, наряду с верой, может стать именно тем спасительным средством, которое способно помочь народу вернуть его утраченный нравственный иммунитет.

* * *

Если уметь настраивать себя на «волну любви», то любая самая тяжёлая ситуация будет изменяться к лучшему прямо на глазах.

* * *

Поэтические вибрации наполняют душу читателя дополнительной силой и мужеством, заставляют сердце биться в унисон с сердцами тысяч героев былых времён, помогают пересиливать робость и страх, зовут к великим делам и сражениям во имя добра и справедливости.

* * *

Зрелость поэта определяется не возрастом, а только глубиной его проникновения в душу человека.

* * *

По сути дела, творческий процесс – это как бы и есть некая прогулка по аллеям памяти, своего рода пересчитывание неких опорных в душе свай, несущих на себе каркас мировоззрения поэта.

* * *

Капитализм – это не тот общественный строй, который строят *сообща*, всем миром. Поэтому у нас сегодня так стремительно исчезает дух коллективизма и воцаряется индивидуализм...

* * *

...Когда ехал сегодня в метро на работу, на станции «Серпуховская» в вагон вошли две собаки – большая бело-рыжая сука и с ней псина непонятного цвета вдвое меньше, которые как-то привычно остановились напротив дверей, пережидая, когда вошедшие займут места, отзвучат слова машиниста, объявляющего следующую остановку, и вокруг делается тихо. И мне вдруг показалось, что сейчас они пойдут вдвоём по вагону, заглядывая всем в глаза и причитая: «Вы нас, конечно, извините, что мы к вам обращаемся, но мы приехали в Москву на лечение, и у нас на вокзале украли все деньги и обратные билеты... Помогите, ради Христа, кто сколько сможет...»

При этом сценка увиделась мне до того явственно, как будто всё это и вправду происходило в этот миг перед моими глазами.

Стихи по кругу

Вячеслав ДЕНИСОВ

Дзержинск

Крестовая прорубь

На царствие тебя венчали,
Иную думу затая...
Лишь о тебе мои печали
Навеки, родина моя!

...Безлюдно. Синие метели
Снежинок гасят огоньки.
И лунной ночью бродят тени
По белым берегам реки.

В снегах,
 в тот час, полночный, поздний
Ветра лесные улеглись.
Лишь Млечный Путь дорогой звёздной
Зовёт, зовёт куда-то ввысь.

...Молитвы тихие читая,
Стараясь беды превозмочь,
Камо грядеши, Русь святая,
В Крещенскую святую ночь?

* * *

Плачь, осень!
Вновь под пологом промокшим
Цветов, поникших в буром ковыле,
Смирною монахиной усопшей
В молитвах почивать моей земле.

Темна твоей написанная кистью
Вдоль тихих берегов реки межа.
В студёной влаге выцветшие листья
Ковром поблекшим на песке лежат.

С утра, где дождь слезой холодной крапал
На пустошь неоранную полей,
Затрепетал зари багряный прапор,
Последних провожая журавлей.

И там, вдали, над стаей журавлиной,
Роняющей протяжный трубный клик,
Высокой фреской чудился старинной
Спасителя пречистый светлый лик.

Над лесом, над равниною унылой,
В сиянье по небесному жнивью
Знамение торжественное плыло,
Благословляя родину мою!

И в череде кочующих туманов,
Как в песнях древних памятных былин,
Блажен мой край, где на заре багряной
Летит по небу журавлиный клин...

* * *

В Радунцу в жилах у берёз
Потаённо бродит терпкий сок.
В светлый полдень на песчаный плёс
Тёплый дождик льёт наискосок.
Дремлет клён, под небом одиноч.
Тает над землёй туманный сон.
И уплыл просмоленный челнок,
Мутным половодьем унесён.

Вечер спросит синюю звезду,
Но она не сможет разгадать
Вечное затишье долгих дум,
Горестную эту благодать.
Подберу ли песни той слова,
О простом, о близком, о земном,
Что, никем не отнята, жива
До сих пор в краю моем родном?

...Половинный месяц над водой
Ладит золотую колыбель,
И ему под грустною звездой
Жалуется в голос коростель.
Ночь качает чёный небосвод.
Спят луга, объята тихим сном,
За рекой гармоника поёт
О простом, о близком, о земном...

Олег СЕЛЕДЦОВ

Майкон

Россия

Где, свихнувшись от ярости дней полуночных,
Где в невинности страсти вскипают порой,
Там с упрямым бесстыдством, без скажин замочных
Я люблюсь, Россия, твоей наготой.

Ты из пены и пекла выходишь несмело,
Сквозь Болотную кашу, качаясь, плывёшь.
И я жажду своё никудышное тело
Бросить вслед за тобою в жестокость порош.

И хлестать, и хлестать себя веником банным
Из Чечни и Афгана, из крови и ран,
Чтобы стать пред тобою опять первозданным,
Как родившийся только смешной мальчуган.

Чтоб по полной, чтоб только не на половину.
Я согласен на муки на адские те,
Где меня задушила твоя пуповина,
Где однажды воскресну в твоей красоте.

Возвращение

Ночь устало огнями
Моргает в предутренней старости.
Я плыву по протокам,
Израненный снами плыву.
Я о чём-то забыл,
До чего-то уже мне не дорасти.
И не надо, не надо...
Я крылья роняю в траву.

Вот мальчишка-рассвет.
На меня, на бродягу, не сердится.
Он в распадке дремотном
Застенчиво вслух голосит.
И хмельной, невесомый
Ловлю я биения сердца
В промежутках дыханья
Ещё не рождённых росин.

В белом эхе кометы
Кристаллами вечности скрещены
Ни пространства, ни годы,
А ноты, стихи и весна.
И плыву я туда,
Где моя ненаглядная женщина
В кружевах поцелуев
Слегка улыбается снам.

Лазарева суббота

Изыди, Лазарь!
И рассыпалось эхом и росами,
Степным рассказом
Над плечами речными, плёсными.

Над лесом вечным,
Над вершинами, нам не видеть их.
Дугою млечной,
И гудит, и гудит: Изыдите!

В бриллиантах верба,
В тайнах девочки, в космосах мальчики.
Воскресла вера.
И спешат, и спешат одуванчики

Будничность серую
Обернуть в золотую империю.
Господи, верую!
Помоги моему неверию.

Людмила ЕДИГАРЬЕВА

Нижний Новгород

Вьюга

Стелет, сыпет, заметает –
Все белым-бело...
– Что скорбишь, душа простая?
– Снегом замело
Деревеньку, речку, поле,
Тропки не найдешь...
– Вьюга, ты мне песни, что ли,
Грустные поешь?
Померещилось, что ближе
Где-то за бугром
В окнах света не увижу –
Заколочен дом!
Перекрестишься невольно
И слезу смахнешь...
На семи верстах раздолье –
Счастье не вернешь...

Александра ПОЛЯНСКАЯ

Кисловодск

* * *

В. Шефнеру

А если уже ничего за спиной не осталось
И лишь
«На осеннем рассвете в туман ковыляет дорога»,
В слякоть и стынь бредёт,
Под ветром угрюмым сгибаясь,
Хромая устало –
Никого не осталось рядом,
Дорога пустынна,

* * *

* * *

А мне опять не спится.
Стучится
В сердце – пепел,
Чужая память
О том, чего знать
Не можно –
Осторожно
Вскрываю нарывы
Не моих воспоминаний.
Понимания груз непомерный...
Кто что там болтает
Про свет
В дальнем конце тоннеля –
Там тупик

И огромное зеркало.

Вячеслав ЛОБАНОВ*Тольятти, Самарская область***Коммуналки**

Притаишься – зашуршит
Мышь обёрткой маргарина
В доме выцветшем старинном,
Где на стенах тени спят
Яблонь, выросших до крыши,
По утрам приёмник слышен,
И детишек – как опять.

Я на кухню – взять пирог –
На полу бутылки в ящик
Ставит наш сосед пропащий,
Отсидевший третий срок.
Пахнет дымом папирос.
Кипятит бельё бабуля...
Друг Серёга весь зарос,
Как битлы из Ливерпуля.

– Мы гулять!
Огромный двор,
Ряд сараев, крытых толем.
Двух пьянчужек разговор
О весёлой тёте Оле...
Надоело всё... Бежим
Вдаль, к заросшим терриконам.
Что уроки и режим? –
Интересней вверх по склону.

Без тропинки, метров сто,
По сухой траве примятой –
Там свобода и простор,
Солнце, ветер, запах мяты...

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ*Ставрополь***Портрет на фоне Серебряного моста
и Золотых ворот**

– Тебя измордовала нота эта?
– Вечор очаровала рифма та?! –
Поклонницы преследуют поэта,
Штурмуют Золотые ворота.
Прапрадед, проржавели дирижабли?
Праправнук, амфибрахию хана?

Привычка обвинять чужие грабли
Бодрила Салтыкова-Щедрина.

Избранница сочувствует поэту:
– Ужели пережил разлуку ту?
Изменница смакует сигарету:
– Секрет апологета – *чёрт в цвету!*
Раздвоенность зеркального портрета.
Джульетта, дездемонит пустота?
Двусмысленность вопроса без ответа.
Крылатые скелеты, от винта!

Базарит царь. Вокзалят мизерабли.
Прикинулась рябиной купина.
Причины обходить родные грабли
Озвучены в рассказах Куприна.
Ты жил да был, жуя эпоху эту,
Вендетты избежал под визг «Тату»,
Оставив неразменную монету
Скрипачке на Серебряном мосту.

Тебя отпустит синяя планета –
Апостол подустал считать до ста,
И таинство стиха «Рассветы цвета»
Привидится распятием холста.
Волшебник, заклиная «Крибли-крабле...»,
Прислушайся – шаманит тишина.
Танцует Шива – ноги-руки-грабли!
Стоп-кадр. Прищур. Усмешка Шукшина.

Дробь бытия

...аритмия предчувствия: вольное Слово,
прорастая подснежником синим,
через век пригодится разиням...
сокровенные строфы поэмы терновой
обернутся мелодией страстной,
безрассудной, трагичной, прекрасной...
*Золотое сечение – это бесконечная дробь бытия,
И дрожит золотая монета на игле золотого копья!*

Илья МАНСКИЙ

Нижний Новгород

* * *

Играют дети – всей гурьбой
Так носятся по спортплощадке.
А эта девочка с собой,
Сама с собой играет в прятки.

О землю мячик всё стучит,
Скакалка до небес взлетает,
А эта девочка глядит,
Но как глядит, она не знает.
А я сижу и пью пиво,
Пиво под вечер классно пьётся.
И так легко, и так легко,
А эта девочка смеётся.
И без начала, без конца
Мысль в голове гудит, как в бочке –
А у неё ведь нет отца,
А у меня ведь нету дочки...

* * *

И можно сделать то, а можно это...
Но как потом стихам смотреть в глаза?
У твоего любимого поэта
Написано, что делать так нельзя.
Не в лоб так сказано, но всё стихотворенье –
Про ночь, про фонари и спящую жену,
Про шорох тополя и старческое зреньё,
Про память. И вину.

Пётр ДИКАРЕВ

Новосибирск

* * *

Не дал себе я в зеркальце заметить
Мертвящий лёд и леденящий прах,
Что нераскаянную душу метят,
Как порошок, осевший на губах.

Но разве мне лежать в багряных пятнах
И с зеленью гниющим животом
Во гробе лакированном приятней,
Чем тем, кто лёг в неструганном, простом?

Не претендую более на Царство,
Смирненно ожидаю свой черёд
В сорокадневных горестных мытарствах.
Я знаю, кто вот-вот за мной придёт...

Глубокий вдох! Неужто я проснулся?
Выходит, это всё ж не явь была?!
Живи! – ко мне мой ангел обернулся,
От снега отряхнув свои крыла.

* * *

Я из сухих листьев,
Что оторвал ветер,
Криков, резких, как выстрел,
Пауз, долгих, как вечер.

Я из шепотом сказок,
Из во весь голос песен,
Я из осенних красок,
Что разлетелись над лесом.

Я из гулкового эха
От журавлиного клина,
Я из детского смеха,
Которому нет причины.

Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ

Нижний Новгород

Шизофрения

Разговариваю сам с собою – это шизофрения, да?
Ну и плевать, потому что реально легчает.
Что делать с этой судьбою, в эти мои года,
Когда ничего ничего уже не предвещает.
Кроме того, что время берет свое, вот ушла весна
В никуда или в очередное лето,
А ты, если и видел ее, то будто бы из окна
Поезда, где катишься без билета,
Потому что билеты положены «для своих»,
Все СВ, сидячие и плацкарты,
И тебе предложено на своих двоих
В эту даль, но без компаса и без карты.
Впрыгнул, втиснулся внаглую на ходу,
Притаился в тамбуре – мол, курю тут
Да в окно смотрю, но со страхом жду
Появления контролеров лютых.
Вот придут и высадят, да пинком под зад
На глухом полустанке или кордоне,
И теперь уж точно куда глаза,
Хорошо если не с конвоем и не в колонне.
Жизнь чиста и прекрасна и мимо тебя летит
С громом, лязганьем – ей никого не жалко,
А тут вечером из куста по тебе соловей свистит,
Разливается как сигналка.

Вехи памяти

Владислав ОТРОШЕНКО

Родился в 1959 году в Новочеркасске. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Русского ПЕН-Центра и Союза российских писателей. Прозаик, эссеист.

Автор книг «Персона вне достоверности», «Тайная история творений», «Веди меня, слепец», «Приложение к фотоальбому», «Дело об инженерском городе», «Двор прадеда Гриши», «Гоголиана и другие истории». Лауреат премий «Ясная Поляна» им. Л.Н. Толстого, И.П. Белкина за лучшую повесть на русском языке, Горьковской литературной премии и других. Произведения писателя переведены на многие языки.

Живет в Москве.

ПОСЛЕДНЕЕ ОЗАРЕНИЕ ПУШКИНА

Добрый принц

Воля Рока начала осуществляться гораздо раньше, чем все ее сложные и разнообразные усилия сошлись в одной точке – в пуле, смертельно ранившей поэта.

Осенью 1833 г. в Берлине «молодой человек живого и независимого характера», как пишет о нем биограф, двадцатилетний француз родом из Кольмара по имени Жорж Шарль Дантес получил рекомендательное письмо в Россию на имя директора Канцелярии военного министерства графа Владимира Адлерберга. Письмо было подписано принцем Вильгельмом Прусским, к которому Дантес явился по протекции своих германских родственников искать «счастья и чинов». На родине он уже не мог найти ни того, ни другого. Июльская революция во Франции 1830 года заставила Дантеса, приверженца законной династии Бурбонов, покинуть элитарную военную школу Сен-Сир, сулившую ему офицерский чин. Однако и принц Вильгельм не мог ему дать желанного чина, пообещав только – унтера. Слишком мало Дантес проучился в военной школе – меньше года.

Но совет принц Вильгельм дал Дантесу охотно. Ехать в Россию! И этот совет вместе с рекомендательным письмом был одним из наиболее важных усилий той воли, которая тщательно выстраивала свой трагический и хитросплетенный сюжет.

Воскрешение в гостинице

Точное направление – Россия, Петербург – было выбрано. Но на что мог рассчитывать Дантес, а вместе с ним и воля рока, направлявшая его?

Едва ли граф Адлерберг предложил бы юному иностранцу нечто большее, чем принц Вильгельм. Положение Дантеса было плачевным. Отец – обедневший эльзасский барон с шестью детьми на руках – был в состоянии снабдить сына лишь суммой в 200 франков ежемесячно, тогда как на офицерскую жизнь в пышном Петербурге требовалась 1000. Русского языка Дантес совершенно не знал. Военными науками не владел в той мере, чтобы сдать экзамен в Военной академии и получить «офицерские патенты». При таких препятствиях не могло быть и речи, чтобы Дантес вошел туда, где он мог бы столкнуться на равных с семьей, с друзьями и врагами Пушкина – в столичный высший свет. Письма было мало. Нужно было что-то еще. И это «что-то» незамедлительно является. Рок одним махом устраняет неодолимые препятствия, пуская в ход свое непобедимое оружие – фантастический случай!

Осенью 1833 года, когда Дантес, как бы чего-то дожидаясь, все еще скитается по Германии, в дело вводится новый персонаж – барон Луи Борхард де Геккерен. Он – нидерландский посол при русском дворе в Петербурге. Он одинок. Он благоденствует богат. Он принадлежит к одной из самых знатных голландских фамилий. У него надежные и обширные связи в вельможных кругах русской столицы. И он вдруг попадает – этак нечаянно, проездом, возвращаясь из отпуска на службу в Петербург, – именно в тот «маленький захолустный» городок Германии, где находится Дантес. А очутившись в этом городке, посол останавливается именно в той «скромной гостинице», где в дешевом номере, уже не помышляя ни о чинах, ни о России, лежит на кровати одинокий француз «с грозным признаком смерти у изголовья». Француза сразила жестокая простуда. Соединившись с его безденежьем и беспомощностью, она уже развилась в тяжелое воспаление легких. Дантес тает на глазах. Он уже должен исчезнуть из жизни, а заодно и из истории, не достигнув заснеженной поляны под Петербургом, близ Черной речки.

Но вот хозяин гостиницы – тоже случайно, за ужином – рассказывает барону с сочувственными вздохами об умирающем постояльце. Барон скуки ради решает взглянуть на бедолагу. И эта нужная встреча, искусно и настойчиво сотворенная Роком, происходит.

Впрочем, какое дело королевскому посланнику до умирающего скитальца француза. Ну, взглянул; ну, подал из милости на лекарства. И ушел. Но нет! Воля Рока предусмотрела всё. Ей, конечно, известно, что юный Дантес до крайности, до некоторой даже женственности, красив. И ей известно также – как известно это и всему петербургскому свету, – что барон Геккерен страстный гомосексуалист. Никаких случайностей случай не допускает. Сорокадвухлетний барон с первого же взгляда, охваченный и светлой нежностью, и темной похотью, отчаянно влюбляется в очаровательного юношу. Отложив свой отъезд из захолустного городка, посол самолично ухаживает за Дантесом, ставит его на ноги и, зная о его намерениях попытаться счастья на чужбине, предлагает ему ехать в Петербург с ним и под его покровительством.

Вот теперь всё слажено. Теперь – в Россию!

Ропот гвардии

В октябре 1833 года Дантеса и Геккерена доставил в Кронштадт пароход «Николай I». А вскоре, когда Геккерен, исполняя мечту своего возлюбленного об офицерском чине, пускает в ход высокие связи, в судьбе Дантеса принимает участие и человек Николай I.

В январе 1834 года по повелению Николая Дантес был допущен к офицерским экзаменам. Три из них: по русской словесности, уставу и военному судопроизводству, – те, которые могли бы воспрепятствовать замыслам Рока, если бы Дантес явился в Россию без нежного и влиятельного покровителя, – Дантесу было разрешено не сдавать. Зимой 1834 года он стал офицером. Да еще каким офицером! Корнетом самого блистательного полка: Кавалергардского Ее Величества.

И вот теперь зловещая звезда уже восходила на петербургском горизонте, становясь различимой для Александра Сергеевича. Она, конечно, была еще тусклой, едва лишь приметной. Но Пушкин уже знал ее имя. «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет», – записал он 26 января 1834 года в своем дневнике.

Сивилла Флорентийская

Между тем в жизни самого Пушкина еще до приезда Дантеса развивалась, устремляясь к единой финальной точке, намеченной Роком, другая линия безжалостного сюжета.

18 февраля 1831 года после долгих и сложных перипетий сватовства состоялась свадьба Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой. Красота этой юной, девятнадцатилетней «богини» была такова, что даже признанные очаровательницы Петербурга не в состоянии были испытывать к Наталье Николаевне ни чувства зависти, ни чувства соперничества. Ее облик вызывал лишь полный и искренний восторг. О нем говорили, не жалея эпитетов – «небесный», «поэтический», «несравненный», – как о чем-то не принадлежащем земной суетной жизни и даже самой Наталье Николаевне. «Это – образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца», – записала в дневнике внучка Кутузова, графиня Дарья Фикельмон.

Такой, наверное, и должна была быть жена поэта. Но жена не здешняя, не земная. Здешнюю и земную в ней разглядел поэт Василий Туманский, приятель Пушкина, посетивший новобрачных в Москве: «Пушкина – беленькая, чистенькая девочка, с правильными чертами лица и лукавыми глазами, как у любой гризетки». Все остальные – и приятели, и друзья – только восхищались. Но восхищаясь, почему-то упорно отговаривали Пушкина от этого брака. Разумных причин тому выдвигали немало. Одни, самые близкие, такие, как князь Петр Вяземский, заботились о его холостяцкой свободе и преданности музам. Другие указывали на значительную разницу в летах и – неизмеримую – в жизненном опыте. Разница же в наружности («смесь обезьяны с тигром») было лицейское прозвище Пушкина) смущала всех, не исключая и самого Александра Сергеевича. «Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унизительно: так мал был он в сравнении с нею ростом», – вспоминал Вяземский.

И все же только проницательная Дарья Фикельмон, прозванная «Сивиллой Флорентийской» за свою способность предугадывать будущее, с нечаянной внятностью высказала то, что, быть может, мучительно и безотчетно ощущали близкие друзья Пушкина, улавливая краем глаза в кутерьме житейских событий почерк Провидения. «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике – эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания», – записала Сивилла в своем дневнике 12 ноября 1831 года.

Никаких страданий тогда еще не было. Напротив! Все складывалось блестяще.

После переезда Пушкиных из Москвы в Петербург Наталья Николаевна была с восторгом принята при дворе. Шаг за шагом, бал за балом она завоевывала Северную столицу, обвораживая всех – от юнкера до царя, от провинциальной графинички до императрицы. Ее обожали, в нее влюблялись, ее боготворили, и это с каждым бальным сезоном все больше и больше развивало ее склонность к кокетству; льстило ее женскому тщеславию. «Ты, кажется, не путем искокетничалась <...> Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Прасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что де я большая охотница», – писал ей Пушкин, любя ее, впрочем, с безграничным доверием.

К 1836 году в Петербурге уже не было дамы или девицы, которая могла бы сравниться с Натальей Николаевной по успехам в высшем свете и по количеству тайно страдающих поклонников.

Метаморфоза кавалергарда

Тем временем и звезда Дантеса, которого Рок, оберегая свой замысел, наделил невероятной, не знающей осечек везучестью, поднималась в зенит.

Мало того, что он был принят в гвардейский полк сразу же офицером, что было редчайшим случаем. Вскоре корнета Дантеса переводят из запасного эскадрона в действующий – это было почти невозможно без знания русского языка, которым Дантес так и не овладел. Но всё невозможное устраняется с его пути.

В январе 1836 года Жоржа Дантеса, не смотря на множество дисциплинарных взысканий, производят в поручики. Барон Геккерен обожает своего любовника все больше и больше, щедро снабжая его деньгами и знакомствами. Но посол Геккерен – лицо официальное. И поэтому страстному обожанию нужно придать законный характер.

Весной 1836 года происходит событие, которое зажигает звезду Дантеса еще ярче. И в этом событии, как и во многих других, сделавших Дантеса Дантесом, проглядывает нечто странное.

При живом отце, французском помещике, дворянине, который к тому же в одном из своих писем в Петербург говорит об «исключительной силе уз, связующих отца с сыном», голландский посланник решает усыновить поручика русской службы.

В ответ на запрос Геккерена об усыновлении Дантес-отец пишет: «В самом деле, наблюдая внимательно за ростом привязанности, которую мой ребенок внушил вам...» Вот тут бы Жозефу Конраду и отка-

заться деликатно от этого обидного, если уж не загадочного, предложения. Но нет, «связующие узы» послушно устраниваются из отцовского сердца. И Жозеф Конрад «спешит сообщить» Геккерену о другом отказе: «я отказываюсь от всех моих отцовских прав на Жоржа Шарля Дантеса и в то же время разрешаю вам усыновить его в качестве вашего сына...»

На усыновление дают согласие – тоже без малейших заминок – голландский король и русский император. И в мае 1836 года Жорж Дантес, превратившись в Жоржа Геккерена, принимает титул, герб и наследные права на состояние нидерландского посланника.

С этого времени в Петербурге уже нет «модного человека», равного Дантесу, который и до своей сиятельной метаморфозы был, по свидетельству полковых друзей, «избалован постоянным успехом в дамском обществе». Щегольское остроумие, обворожительное лицо, высокий рост... «Красивый, можно даже сказать блестяще красивый кавалергард», – говорит о нем князь Владимир Трубецкой. Как и юная Пушкина, Дантес шаг за шагом, раут за раутом покоряет гостиные и салоны вельможного Петербурга, где все от него в восторге. К 1836 году он дружески вхож во все те дома – Карамзиных, Вяземских, Хитрово, Виельгорских, Фикельмонов, Воронцовых, – где часто бывает чета Пушкиных.

Он вхож в круг жизни Пушкина. Линии рокового сюжета сплетаются.

Пляска смерти

Когда Пушкин на одном из светских раутов, куда он приехал вместе с женой и ее незамужними сестрами, Екатериной и Александрой, впервые увидел Дантеса, Дантес ему понравился.

Госпожу Пушкину Дантес, пользуясь выражением Геккерена, «отличил в свете» незамедлительно. «Отличила» его и она.

На упорные и открытые ухаживания Дантеса в зимний балльный сезон 1836 года Наталья Николаевна ответила таким приветливым поощрением, каким она еще не отвечала ни одному из своих поклонников. В свете недолго говорили об одной только «страстной любви» Дантеса и об одном только «легкомысленном кокетстве» Натальи Николаевны. Очень скоро произошло то, что высказал о своей жене и Дантесе сам Пушкин: «Il l'a troublé»*. Все гостиные и салоны Петербурга наполнились толками о взаимности чувств Дантеса и Пушкиной. Свет принялся следить за их романом с игривым наслаждением – во все лорнеты. Сплетни и слухи жестоко терзали Александра Сергеевича, защищавшегося от них только работой и верой в непогрешимость супруги. Но временами он с трудом мог совладать со своею пылкой, ревливой натурой. На званных вечерах при появлении Дантеса он то мрачнел, то нервно хохотал. А роковой сюжет тем временем неуклонно развивался.

В феврале 1836 года между Дантесом и Натальей Николаевной происходит объяснение в любви, о чем Дантес с восторгом сообщает Геккерену, отлучившемуся в Гаагу. В письме к барону он приводит слова Пушкиной: «я люблю вас как никогда не любила, но не просите у меня никогда ничего большего, чем мое сердце, потому что всё остальное мне не принадлежит...»

Геккерен, вернувшись в Петербург, вдруг с необычайным рвением вмешивается в роман своего возлюбленного для того, чтоб устроить ему как раз вот это – «все остальное».

* «Он ее взволновал» (фр.).

Взявшись за роль сводника, он преследует Пушкину повсюду. Перехватывает ее то в одном, то в другом бальном зале и, наклоняясь к ее уху, жарко шепчет ей под звуки мазурки о необыкновенных страданиях «сына»; о его «тяжелой болезни», будто бы вызванной любовными муками; о его готовности расстаться с жизнью за один только краткий миг близости с нею! Она должна подарить ему этот миг ради спасения его юной жизни – Геккерен просит, заклинает, умоляет... Зачем? Здесь сказывается вся хитрость отношений между гомосексуальным Геккереном и бисексуальным Дантесом. Геккерена уже давно раздражает это увлечение, отнимающее у него немалую долю любовного пыла партнера. Если же Геккерен поможет Дантесу добиться от Пушкиной «остального», то при умелой огласке дела, которую опытный дипломат, конечно же, обеспечит, Пушкина, покрытая позором, будет неизбежно отлучена от петербургского света, а значит и от Дантеса, не важно кем – обманутым мужем или самим светом.

Но изощренные старания Геккерена не достигают цели. Что-то не складывается в роковом сюжете. Лишь бледные фантомы ангела смерти кружатся над поэтом. В течение 1836 года Пушкин трижды по разным причинам (литературным, условно светским) вступает в дуэльные отношения: с генералом Репниным, с отставным гусаром Хлюстиным, с графом Соллогубом. Никто из них, свидетельствуют письма и мемуары, стрелять в Пушкина, если бы дело дошло до барьера, не собирался. Подлинный ангел смерти ждал нового поворота событий.

И поворот случился.

Его осуществление было возложено на побочную дочь графа Строганова Идалию Полетику, питавшую по каким то мотивам (до конца неясным ни одному исследователю) столь бешеную ненависть к поэту, что на старости лет, живя в Одессе, она помышляла плюнуть в установленный там ему памятник...

«Всё остановить»

2 ноября 1836 года Идалия Полетика приглашает Наталью Николаевну на свою квартиру в Кавалергардских казармах – пообедать, поболтать... Пушкина едет.

Очутившись в безмолвной квартире, она проходит в комнату Идалии. Но вместо приятельницы ее ждет там Дантес. Выхватив пистолет, он падает на колени, приставляет дуло к виску и грозит застрелиться на ее глазах, если она сию же минуту не согласится на то, о чем ее умолял его приемный «отец». Положение ее безвыходно. Дантес держит напряженный палец на курке. От отчаяния она громко вскрикивает. И на ее крик в комнату забегают горничная. Воспользовавшись ее появлением, Пушкина быстро покидает квартиру.

Так ли все было, как сообщают осведомленные мемуаристы, или иначе – не имеет значения. Это была западня! Свидание Дантеса и Пушкиной наедине в казарменной квартире (муж Идалии был кавалергардским ротмистром) состоялось. И сам этот факт давал барону Геккерену то, чего он желал.

Утром 4 ноября шесть адресатов – братья Россеты, граф Соллогуб, семьи Вяземских, Карамзиных, Виельгорских и Хитрово – получают по городской почте в двойном конверте (внутренний – на имя Пушкина) единообразный анонимный пасквиль – шутовской «диплом», в

котором Пушкин назван новым членом («коадьютором» и «историографом») «ордена рогоносцев». Точно такой же экземпляр получает в это утро и сам Александр Сергеевич.

Дело сделано. Барону Геккерену остается только ждать тех мер (удаление, деревня, что угодно!), которые будут приняты к Пушкиной.

Но от того, что произошло, Геккерена бросило в холодный пот.

4 ноября, после откровенного разговора с Натальей Николаевной, в котором она рассказала ему и о преследованиях Геккерена и о подстроенном свидании, Пушкин посылает по почте на Невский проспект в особняк нидерландского посольства вызов на имя Жоржа Дантеса. 5 ноября письмо пришло. Но Дантеса дома не было, он дежурил в дивизионе. И письмо распечатал барон Геккерен... Дуэль!! На это он никак не рассчитывал. Это скандал, это конец его карьеры... А его возлюбленный?!... Даже при удачном исходе поединка Геккерен теряет его: Дантесу грозит в лучшем случае разжалование и ссылка, в худшем (по букве закона) – повешение! Голова барона идет кругом. Но в кружении страшных мыслей вдруг мелькает одна – спасительная. В письме Пушкина нет ни малейшего оскорбления, которое делало бы дуэль неизбежной, не указана и причина – один только вызов!

В тот же день, дождавшись Дантеса и запретив ему вмешиваться в дело, барон сам едет к Пушкину. Он объявляет Александру Сергеевичу, что «сын» еще не знает о письме, но что барон принимает вызов от его имени: Дантес будет драться. Однако Геккерен просит пощадить его «отцовское» сердце – дать 24 часа отсрочки! И Александр Сергеевич дает отсрочку. Она-то и нужна была нидерландскому посланнику, который хорошо знал, как дорожат здесь друзья этим «потомком одного африканского негра», как выразился он в своем письме в Голландию. Кто-нибудь из них обязательно явится, чтоб затушить пожар. И барон не ошибся.

На следующий день, 6 ноября, когда Геккерен снова приехал к Пушкину просить о новой, двухнедельной, отсрочке, он уже застал в его квартире на Мойке поэта Жуковского, которого Наталья Николаевна срочно вызвала из Царского Села, где тот постоянно жил, воспитывая цесаревича.

«...всё остановить...» – записал Жуковский 7 ноября в своих конспективных заметках.

В этот день он уже вступил в переговоры с Геккереном. И барон, пользуясь тем, что Жуковский был далек от светских интриг и слухов, предпринимает такой ход, которого не ожидал никто, включая и Дантеса.

Он объявляет Жуковскому, что Дантес на самом деле горячо влюблен в старшую сестру Пушкиной – Екатерину Гончарову. Мало того, «сын» мечтает на ней жениться! И барон готов дать согласие на этот брак, если, конечно, Пушкин возьмет назад свой вызов. Но сделать он это должен не на том основании, что Дантес намерен жениться на его свояченице – женитьба в таком случае будет выглядеть трусливым спасением от поединка, – а просто так: возьмет назад, и всё!

Воодушевленный этим «открытием», Жуковский едет с Невского на Мойку, чтобы успокоить Александра Сергеевича и обрадовать Екатерину, засидевшуюся в девицах и, разумеется, безумно влюбленную, как и многие барышни, в «блестяще красивого кавалергарда».

Но на это сообщение Пушкин отвечает с таким бешенством, что Жуковскому становится ясно – «всё остановить» невозможно. Теперь

Александр Сергеевич еще более непреклонно желает драться. Мысль о женитьбе, ничем официально не подтвержденная, это только подлая уловка: как только он возьмет вызов назад, женитьба будет отменена, объясняет он Жуковскому.

В последующую неделю Жуковский убеждается, что именно так и замыслил Геккерен. Во время новых переговоров, к которым уже привлечена и тетка Натальи Николаевны, фрейлина Екатерина Загряжская, барон упорно увиливает от официальных подтверждений.

Только 14 ноября, напуганный решительностью Пушкина, Геккерен в присутствии свидетелей вынужден объявить Александру Сергеевичу о намерениях Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой. В ответ на это Пушкин вручает барону письменный отказ от вызова. Александр Сергеевич удовлетворен – низость Дантеса, вступающего в брак с нелюбимой женщиной под угрозой дуэли, доказана – и Наталье Николаевне, и светским друзьям. Дело улаживается – «всё останавливается».

Но вдруг в эту жестокую игру мести и пыла Рок вводит свою козырную карту – Дантеса. До того момента, пока он не получил письмо от Пушкина, он никак не заявлял о себе, во всем подчиняясь барону. Но в письме Пушкин подчеркнуто объяснял свой отказ от вызова сватовством Дантеса, и всю унижительность для него такой постановки вопроса («жениться или драться») Дантес хорошо понимал. Обиженный, он решил действовать сам.

Утром 16 ноября он послал к Пушкину своего секунданта, секретаря французского посольства виконта д'Аршиака, с указаниями добиться от Пушкина другой формулировки отказа – без упоминания женитьбы на т. П. Гончаровой. В противном случае Дантес – «к его услугам».

Приступ бешенства, вызванный у Александра Сергеевича этим визитом, не шел ни в какое сравнение с прежним. «Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только на счет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь», – сказал он 16 ноября за обедом у Карамзиных своему секунданту графу Владимиру Соллогубу (тому самому, с которым он несколько месяцев назад мог оказаться у барьера, и который собирался выстрелить вверх, потому что «смотрел на Пушкина, как на бога»). Свои указания Александр Сергеевич произнес таким тоном, что Соллогуб онемел.

В отчаянии был и Жуковский: «Снова дуэль. Секундант».

К д'Аршиаку после бессонной ночи Соллогуб явился разбитый и подавленный. Его удивило, что и д'Аршиак тоже не спал. Еще больше его удивили слова д'Аршиака, сказавшего, что он «хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских». Явственно мелькнула надежда. Секунданты взялись тщательно изучать дуэльные документы. Шаг за шагом завязались переговоры, переписка.

К концу ноября усилиями друзей, стараниями Соллогуба и самого д'Аршиака, принявшего без совета с Дантесом заново сформулированный отказ от вызова, где по прежнему упоминалось сватовство Дантеса, «всё остановить» удалось.

10 января 1837 года состоялась свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой.

Отсутствие прямых оскорблений, вмешательство друзей, затяжные переговоры – все эти «ошибки» впоследствии были учтены волей Рока. Это была репетиция. В смертельной премьере события разыгрались с фантастической слаженностью и быстротой.

Путь к разгадке

В январе Петербург закружило балами. Они вспыхивали, зажигая окна вельможных домов, один за другим – у Строганова, у Вяземских, в Дворянском собрании, в саксонском посольстве, у Фикельмонов, у Воронцовых, у Мещерских.

И на всех этих балах, куда Александр Сергеевич сопровождал супругу, он вынужден был встречаться с новобрачной четой, – дома он не принимал ни Дантеса, ни Геккерена, заявив о невозможности отношений с этими «родственниками». А между тем следы ноябрьской бури уже улетучивались из ветреной головы Натальи Николаевны. Она снова взялась одаривать на балах Дантеса смущенными улыбками и кокетливыми взглядами, не обращая внимания на другие взгляды, – ревнивые и угрюмые, – своей сестры.

В сердце же Александра Сергеевича вновь открывались едва зажившие раны. Женитьба Дантеса, поначалу всех ошеломившая и заставившая сомневаться в его благородстве и способности любить (госпожу Пушкину или кого бы то ни было), вдруг получает в свете иное толкование. Геккерен и Дантес всеми средствами – через полковых друзей Дантеса, светских дам, посольских чиновников – распространяют слух, будто Дантес только потому и женился на нелюбимой женщине, чтобы спасти любимую – от бесчестия и злой расправы ревнивого мужа. Для подтверждения этой версии Дантес на балах с еще более дерзкой открытостью, чем до женитьбы, ухаживает за Пушкиной – танцует только с ней; обволакивает «жаркими и долгими взглядами» только ее; беседует, каламбурит, шутит только на радость Натали. И общество охотно принимает романтическую версию. Александр Сергеевич видит, как рушатся на глазах плоды его победы, добытой нервами, гордостью и мужеством. Удушливые сплетни, ядовитые ухмылки, жалящие лорнеты – всё возвращается, как неотступный кошмар. Клевета уже не отравляет, а сотрясает всю его кровь, доставляя на раутах зрителям увлекательное зрелище: «снова начались кривляния ярости и поэтического гнева», – пишет Софья Карамзина.

Что свело эти «кривляния» в единый порыв навстречу роковой воле – приезд ли тригорских подруг Пушкина Евпраксии Вревской и Анны Вульф, которые рассказали ему, что и в провинции верят петербургским слухам, замечание ли царя, посовествовавшего Наталье Николаевне «быть как можно осторожней и беречь свою репутацию», или особенная развязность Дантеса на балу у княгини Мещерской 24 января, – исследователям точно не известно.

С 26 января 1837 года события понеслись вихрем.

Утром в этот день Александр Сергеевич отправляет барону Луи Геккерену письмо. Содержание его выходило «из пределов возможного», как выразился сам Геккерен. Это было полное уничтожение: «Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну <...> Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына». О самом же «сыне» в письме говорилось, что «он просто плут и подлец». Такие оскорбления надежно

исключали любые переговоры, кроме формальных – «о материальной стороне дуэли».

Вечером того же дня секундант Геккеренов виконт д'Аршиак уже был у Александра Сергеевича с письменным вызовом от барона, из которого следовало, что драться будет – и за себя, и за «отца» – Дантес. Вызов был принят. Д'Аршиак объявил, что он ждет секунданта, чтобы условиться о месте и времени поединка.

Секундант Пушкину нужен был особенный. Никого из близких друзей, кто пустился бы «принимать меры», он уже не желал посвящать в дело. Теперь он должен был остаться один на один с волей Рока, с некоей возвышающей силой – с «фаталитетом, который невозможно объяснить», как скажет потом князь Вяземский. Для Александра Сергеевича в этот день уже что-то объяснялось: слишком настойчиво врывается в его жизнь предначертанный сюжет. Все, кто видел Пушкина вечером 26 января на балу у графини Разумовской, где он втайне подыскивал себе секунданта, поражались его веселости, блистательности, легкости... Секунданта здесь он не нашел. Англичанин Артур Меджнис, к которому он обратился, вежливо отказал.

На следующий день, 27 января, Пушкин встал в 8 часов утра в еще более приподнятом и бодром расположении духа, чем накануне, «после чаю много писал – часу до 11-го. С 11 обед. – Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни», – записал потом в конспективных заметках со слов домашних Жуковский. Веселости Александру Сергеевичу придавало и то обстоятельство, что он вдруг вспомнил о своем старом лицейском товарище Константине Данзасе. Вот этот скромный и благородный служака, инженер-подполковник «самых честных правил», подходил в секунданты лучше всех! Пушкин послал за ним.

В 12 часов Данзас подъехал к дому на Мойке. Увидев его в окно, Александр Сергеевич сам выскочил к входным дверям, радостно встретил его, провел в кабинет и заперся с ним там, – вероятно, взял с него слово чести не разглашать дела. Через несколько минут Данзас вышел из кабинета и отправился по указанию Пушкина в оружейный магазин Куракина за пистолетами.

Ровно в час дня из дома вышел и сам Александр Сергеевич. Он взял извозчика; в условленном месте подобрал в сани Данзаса, уже выпившего оружие, и они поехали на Большую Миллионную во французское посольство к виконту д'Аршиаку. Здесь Пушкин представил виконту своего секунданта и, высказав твердое намерение стреляться сегодня же, уехал.

Он дожидался Данзаса в кондитерской Вольфа, пока Данзас составлял с виконтом условия поединка. К половине третьего все уже было оговорено и записано. Расстояние между барьерами – десять шагов. Права первого выстрела нет ни у кого. Противники по знаку сходятся – у каждого по пять шагов – и в любой момент, не переступая барьера, стреляют. Место – за Черной речкой возле Комендантской дачи, время – пятый час пополудни.

Около четырех часов Данзас приехал в кондитерскую Вольфа. Александр Сергеевич спокойно пил лимонад. Необыкновенно спокоен он был и в дороге. Когда переезжали в санях через Неву, спросил у Данзаса: «Не в крепость ли ты везешь меня?» Данзас ответил серьезно: «Нет, через крепость на Черную речку самая близкая дорога». Пушкин, конечно, шутил. Никто уже не мог «всё остановить». Воля Рока, открываясь ему, превращалась в его собственную волю, и теперь это

уже была не зловещая и жестокая сила, а светлая и ясная – проясняющаяся – воля его судьбы.

На место прибыли в половине пятого. Ровно в то же время приехали Дантес и д'Аршиак. Отыскивали безветренную поляну среди кустов. Снега было очень много. Три человека – Данзас, д'Аршиак и Дантес – упорно трудились, вытапывая барьерный коридор, тропинку. Пушкин в медвежьей шубе сидел на сугробе – «был столь же покоен, как и во все время пути», замечает Данзас. На вопрос секунданта, подходит ли выбранное место, отвечал: «Мне это совершенно безразлично, только постарайтесь сделать все возможно скорее».

Барьеры отметили шинелями Данзаса и д'Аршиака. Секунданты зарядили пистолеты. Поставили противников. Подали им оружие. Данзас снял шляпу, подержал ее высоко над головой. Махнул. Пушкин быстро подошел к барьеру. Остановился и начал наводить пистолет. Дантес на ходу – за шаг от барьера – выстрелил... Пуля, завершая свой длительный и запутанный полет сквозь времена и события, наконец остановилась. Вошла в живот, перебила вену, скользнула по окружности тазовой кости и ударила в крестец, раздробив его на осколки... Ранение было не только «безусловно смертельным», как потом определили врачи, но и в высшей степени мучительным... Александр Сергеевич упал на шинель Данзаса и лежал неподвижно. К нему бросились секунданты. Двинулся в его сторону и Дантес. Но Пушкин тут же остановил его, сказав по-французски: «Подождите! у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел». Вернувшись на место, Дантес стал правым боком к барьеру. Согнутой рукой прикрыл грудь. Данзас подал Пушкину другой пистолет: дуло первого при падении забилося снегом. Александр Сергеевич приподнялся на левой руке. Точно и неподвижно нацелил пистолет в Дантеса. Выстрелил. Дантес упал. Пушкин отбросил пистолет. Воскликнул «Браво!», полагая, что Дантес убит.

Что-то было в этом знаменитом восклицании – последние отголоски зрелищной и мучительной суеты бытия, уже отлетавшей от Пушкина. В следующее мгновение он начал прозревать нечто необыкновенное – непричастность Дантеса к свершившемуся. «Странно! Я думал, что его смерть доставит мне удовольствие, но теперь я чувствую, что это почти огорчает меня», – произнес Пушкин.

Дантес не был убит. Пуля ниже локтя насквозь прострелила руку... Мысль об убийстве не должна была примешиваться к страшным физическим страданиям Пушкина в те двое суток перед кончиной, последовавшей 29 января 1837 года в 2.30 пополудни.

Высокая и светлая воля защитила его от нравственных мук – подставила под пулю, летевшую сквозь руку в печень Дантеса, серебряную пуговицу от подтяжек.

Через несколько месяцев высланный из России Дантес в Баден-Бадене, как пишет встретивший его там Андрей Карамзин, «с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном».

Эта была не его дуэль.

Она целиком принадлежала только судьбе Пушкина. Всех, кто видел его смерть, поражало выражение «божественного спокойствия» на его лице. Жуковский об этом выражении сказал более определенно: «Великая, радостно угаданная мысль».

Анатолий АБРАМОВ (1917–2005)

Российский писатель, поэт; ученый-литературовед, заслуженный деятель науки России, специалист по русской литературе советского периода. Родился в 1917 в станице Качалинской, Область войска Донского. Как поэт дебютировал в печати во второй половине 1930-х годов. Окончил филологический факультет Саратовского университета, в 1939 году поступил в аспирантуру ИФЛИ.

Участник Великой Отечественной войны (Карельский фронт), военная тема стала определяющей в его творчестве. С 1949 года до последних дней жизни Абрамов преподавал в Воронежском университете, заведовал кафедрой советской литературы (1960–1982).

МЫ НЕ СКАЖЕМ «ПРОЩАЙ!» НИКОГДА

ОН БЫЛ НЕИСПРАВИМЫМ ОПТИМИСТОМ...

За год до окончания войны в Карелии, в боях за Равенгору близ Петрозаводска, пал смертью храбрых фронтовой поэт, парторг одного из батальонов 368-й стрелковой дивизии Анатолий Абрамов. Так писал в своих мемуарах «С боями взятые высоты» полковник запаса А.И. Куликов. В других воспоминаниях однополчане писали об ответственном секретаре красноармейской газеты «Вперёд» 368-й стрелковой дивизии Карельского фронта А.М. Абрамове, что его очерки, рассказы знакомили их с лучшими воинскими соединениями, с героями глубокого тыла, звали в бой. А его стихи знали в каждом взводе, роте, батальоне. Солдаты пели песни на его стихи.

Долгие годы однополчане Абрамова считали его погибшим. Однако в 1970 году дотошные пионеры из Карелии по публикациям А.М. Абрамова выяснили, что в том памятном бою лейтенант Абрамов не был убит. Сильно контуженный, он лежал в госпитале, а потом вернулся в строй и воевал до Победы. Позже он закончил аспирантуру в МГУ, стал кандидатом, а потом и доктором филологических наук.

...В 45 километрах к северо-востоку от Волгограда расположена казачья станица Качалинская. Столетие назад здесь, в семье конармейца-будёновца Михаила Абрамова, родился мой отец, ставший известным литературоведом и поэтом. Он прожил долгую жизнь, наполненную интенсивным творчеством. Его перу принадлежат несколько книг о творчестве Маяковского, о воронежских поэтах, о поэзии Великой Отечественной войны, главы о поэзии в университетских учебниках, сотни статей о советской поэзии.

Отец в своих последних письмах ко мне неоднократно говорил о своём желании написать книгу под названием «Мой XX век», в которой собирался подробно описать свою жизнь, своих родных, своё время. Жаль, конечно, что ему не уда-

лось этого сделать. Многое теперь ушло с ним невосвратно. Но кое-что сохранилось в его письмах, в моей памяти из его рассказов.

Приведу дословно характерный отрывок из одного папиного письма, в котором он просит меня достать одно лекарство, которое, как он надеялся, поставит его на ноги: «И тогда я наверняка выполню завет Твардовского: “Ваша книга – хорошо, статьи – хорошо. Но напишите о матери, об отце, о своём пути”. Его помощник А.И. Кондратович прибавлял: “Александр Трифонович, зная, что я с Вами встречаюсь, говорил: “И об атаманше пусть напишет”. Он, кстати, некоторые Ваши письма читал в редакции “Нового мира”. “Об атаманше” – это целая история. Я, видимо, рассказывал, как нас, трёх ребятшек, озоровавших на Большой улице, пригласила к себе хозяйка одного отличного дома. Если кратко: она нас накормила пареными кукурузными початками, дала по стакану тёплого молока, а потом ввела в одну комнату (библиотеку), а потом в другую (там были подшивки газет и журналов чуть ли не со времени войны с Наполеоном). Ещё короче: она дала нам по три книжки, просила по прочтении приходить ещё. Мы не знали, кто она (хотя и было видно, что она чище и грамотнее простых казачек). Дома мама, увидев книжки, стала выпрашивать, откуда они. “Сыночек, да это же атаманша, вдова атамана Болдырева, которого красные сожгли со штабом в Трёхостровской, за Доном”. Плач, стон, что я и мои друзья зашли, куда не надо. Отец, придя с работы, оценил ситуацию по-другому. “Он – сопляк, ничего не знал и не знает”. Так, я с 27 года по лето 31 года прочитал чуть не всю атаманскую библиотеку. Я не сразу понял, почему этот эпизод был так важен в глазах Твардовского. С годами усёк: его волновал раздрай в русском народе. Белые, красные, попы, партийцы и т. д. Да, всё было. Жизнь разрывала не только народ, страну, но и семьи (он сам из такой семьи) – и это страшно. Было – и пусть останется в прошлом, а нация должна не утратить единства. Да, атаманша, но она не зверь, она тоже русская и помогает в учёбе, в умении вести себя мальчикам из семей красных. Писать о таком, в глазах Твардовского, значит цементировать нацию, страну».

...Из воспоминаний отца: «Лето 1944 г. началось для нас широким наступлением. Выход к Свири, форсирование её под плотным огнём противника, непрестанный ливневый дождь на пути к Вознесенью, заминированные дороги – за этими словами и страшные испытания наших частей, и гибель многих из тех, кого я лично знал и с кем форсировал Свирь в подразделении лейтенанта Николая Квиленкова. Под городом Шелтозеро мы увидели на дороге и на обочине убитых и раненых детей-подростков. В чём дело? Оказывается, дети решили помочь родной армии: они сами стали разминировать дорогу. Медсестра Мария Вальшевская показала нам тех из них, которые попали к врачам. Картина потрясла даже самых суровых из бойцов». Так родилось стихотворение «Шелтозеро».

Ещё из воспоминаний отца: «Карельский фронт – это болота, пни. Техника там не срабатывала. Основная тягловая сила – лошади и люди. Важнейшим пунктом на нашем пути на Свирский участок фронта оказалась станция Няндомы. Здесь мы влились в состав 368-й стрелковой пехотной дивизии, в состав сибиряков (дивизию так и называли Тюменская – по месту формирования). Мы притёрлись друг к другу в тяжёлых походах, сплошь полуголодных, где без взаимной выручки, поддержки просто нельзя было выжить. На Свирском участке фронта, куда мы, наконец, попали, шла подготовка к боям. Это была зима 1942 года. Страшные морозы. Уберечься от обморожения было практически невозможно. Делали землянки, отрывали ходы сообщения, окопы. Самые упорные бои на этом участке развернулись в апреле. Смерти, ранения, кровь входила в быт, но бытом не стали. В апрельских боях где-то в районе Ошты я был контужен. Санбат, а потом госпиталь. Но и там фактически продолжались бои – с их кровью, ранениями, смертями. Не забуду одного раненого пулемётчика, его последние дни, дни начала скудной северной весны... Тогда у меня сложилось стихотворение» («В пустую позднюю природу...»).

После войны, когда отец демобилизовался, он восстановился в аспирантуре МГУ (дело в том, что ИФЛИ к этому времени был расформирован).

В эти годы папа поддерживал какие-то отношения с Симоновым и некоторыми другими поэтами. Так, в 1947 году папа участвовал в Совещании молодых писателей, где он познакомился со многими, позже ставшими очень известными писателями: Лукониным, Гудзенко, Друниной, Старшиновым, Недогоновым и другими. С некоторыми он поддерживал приятельские отношения и в дальнейшем. Я знаю точно, что участие в этом Совещании было для отца очень важной вехой в жизни.

В Москве у него были очень хорошие отношения с некоторыми известными людьми. Папа был знаком с Юрием Любимовым, а Алла Демидова однажды приглашала отца на какую-то приватную вечеринку, на которой должен был петь Владимир Высоцкий. Папа отказался. В это время Высоцкий и отцу, и мне был известен главным образом по его полублатным песенкам, к которым папа и я относились прохладно. И только после смерти Высоцкого мы узнали другого Высоцкого – автора таких шедевров как «Ты не вернулся из боя...», «Мы возвращаем Землю...» и другие.

Уже из Воронежа папу не раз приглашали переехать на работу в Москву: в редакцию газеты «Правда», в МГУ. Одной из причин отказов от этих предложений была неподъёмность огромной папиной библиотеки.

Очень много он сделал как критик и литературовед. Для ряда начинающих и не только начинающих поэтов его оценки в прессе и поддержка оказались весьма существенными, а иногда и определяющими в их поэтической судьбе. Помню, как, восхитившись лагерными стихами вернувшегося с Колымы Анатолия Жигулина, папа ходил и всё время повторял строки его стихотворений: «Я пронёс на плечах магистраль многотонную! Вот на этих плечах! Позавидуйте мне!», и ещё: «Электровоз – это там, в вершлагге...», а также из знаменитого «Бурундука»: «Надо номер ему на спину. Он ведь тоже у нас – зека». И сколько энергии и смелости понадобилось отцу, чтобы помочь первым публикациям Жигулина, первым написать положительные отзывы о его стихах. Папа же дал Жигулину рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР. Похожая ситуация была и с Алексеем Прасоловым, которого папа, преодолев сопротивление некоторых начальников, включил в свой семинар ещё в 1957 году, где Прасолов получил высокую оценку у Юлии Друниной и Владимира Солоухина. О стихах Жигулина и Прасолова отец имел переписку с Твардовским и Исаковским. В частности, Исаковский прислал в письме к папе многостраничный подробнейший анализ стихотворения Прасолова «Когда прицельный полыхнул фугас...».

Когда писалась докторская диссертация, а потом книги о поэзии Великой Отечественной войны, в доме, практически не прекращаясь, звучали замечательные строки Сергея Орлова, Михаила Дудина, Алексея Недогонова, Юлии Друниной, Семёна Гудзенко, не говоря уж о стихах и поэмах Александра Твардовского, которого отец боготворил. У отца на книжном стеллаже, за рабочим столом висела подаренная самим Твардовским его фотография – молодого и в военной форме. Папа дружил и активно переписывался с Фёдором Абрамовым. Его переписка заслуживает отдельной книги.

Большую часть своей жизни он был неисправимым оптимистом. Верил в каждого очередного генсека, верил, что теперь наконец наступит золотое время для страны. Сначала в Хрущёва, потом в Горбачёва. Только очень серьёзные болезни в конце жизни и действительно трагические события в стране (Чернобыль, «катастрофка») несколько подорвали его энтузиазм.

С другой стороны, интересно, что папа сразу понял значение творчества Андрея Платонова – писателя далеко не оптимистичного. В ВГУ, благодаря отцу, образовался целый центр по изучению творчества Платонова. Мне приходилось

по поручению папы несколько раз бывать у М.А. Платоновой – жены писателя. Приведу один из её рассказов: «Вот на этом продавленном диване, на котором ты, Саша, сейчас сидишь, сидит Фадеев и клянётся в любви к Андрею. А на следующий день в “Правде” выходит статья Фадеева, в которой он поносит Платонову последними словами. Потом смотрю из окна (это во дворе Литературного института на Тверском бульваре, где жили Платоновы. – А.А.) и вижу: под окнами ходит Фадеев и боится войти. Стыдно ему. Такое было время...»

Одной из любимейших присказок отца была такая: «Торопись делать главное». В течение, наверное, тридцати, а может быть, и больше лет он считал своим главным делом написать некий труд по искусству, эпиграфом к которому он хотел взять своё изречение: «От мифа о человеке – к человеку просто». У отца было много заготовок для этого труда. Большие куски текстов о единстве поэзии, живописи у различных поэтов и художников всех веков и народов вошли в его статьи и озвучивались на разных писательских форумах. Папа написал почти бессчётное количество статей, много книг, много стихов, но эту – главную книгу он так и не написал. По-моему, дело было не только в том, что ему не хватило времени или сил, чтобы выполнить эту работу. Дело в его характере, его взгляде на мир, на окружающих его людей. Папа восхищался многими великими людьми, он был, кстати, как и я – его сын, очень жаден к знаниям о великих человеческих свершениях. Вопрос о «планке», которую отец перед собой ставил, – это особый вопрос. Где-то в 1948 году отец совершенно прекратил писать стихи. Он говорил: «Если не писать на уровне Пушкина, Лермонтова, Маяковского, то вообще писать не стоит».

Второе поэтическое дыхание пришло к отцу после смерти мамы. Это 1980 год, когда папе было уже 63 года. Но и в этом возрасте папа равнялся на великих: «Я не живу. Я упираюсь, отодвигая вдалёку беду. Я с Микеланджело братаюсь, я с Тицианом речь веду».

Поэтическое творчество отца чётко делится на два периода: первый – это 1934–1947 гг., второй – 1980–2001 гг. Довоенная лирика молодого Анатолия Абрамова уже пестрит свежими красками и имеет черты яркой индивидуальности. К сожалению, стихов этого периода сохранилось очень мало. Общее, что характеризует оба периода папиного поэтического творчества, это то, что его стихи всегда были в ногу со временем, реагируя на те события, которые происходили со страной в тот или иной момент. Можно сказать, что здесь он был верным продолжателем дел своего главного кумира – Владимира Маяковского.

Второй период характеризуется большей исповедальностью, большей глубиной, и я не побоюсь сказать, что по гамбургскому счёту и большей честностью и смелостью, когда отец пишет о нашем нынешнем бессилии противостоять происходящему сейчас саморазрушению морали, нравственности, традиционному для России укладу жизни. Стихи отца этого периода, оставаясь современными, стали более личными и, как бы странно это ни звучало, одновременно более общечеловеческими.

Вот что написал Виктор Широков в рецензии на папину поэтическую книгу («Литературная газета», 22–28 января 2003 г.): «этот сборник – своеобразная летопись, дневник представителя поколения, вынесшего и Великую Отечественную, и затем восстанавливавшего порушенное, и попавшего в конце концов в тупик перестройки, пережившего распад сверхдержавы, в сооружении которой есть частица и его крови, его труда и борьбы...»

*Александр АБРАМОВ,
сын поэта, профессор Московского государственного
института электронной техники, доктор физико-
математических наук*

* * *

Вечером давнишним
На речном плацу Ядрышками вишни
Была по лицу.

Тело изгибала
Ловко, как лоза...
Была, припевала,
Метила в глаза.

Дома, у колодца,
Где не разойтись,
Была где придётся –
Только попадись.

Пролетели годы.
Молодость вдали.
Буревые воды
Детство унесли.

Лет уже я восемь
Не был на Дону.
Уж седьмую осень
Волжскую волну
Я ласкаю взором
И порою лишь
Меловые горы
Вспомню да камыш.

Эх, родные степи,
Заревая мгла.
Там в звенящем хлебе
Спят перепела.

Там я худ и пылен
Веял вороха.
Там меня любили.
Впрочем, чепуха.

Просто так уж вышло,
Что порой она
Ядрышками вишни
Метила в меня.

Просто в сне неясном
Горячило кровь.
А уж я, несчастный,
Выдумал любовь.

Весна

Ещё не май и не апрель,
Ещё зимы на месяц хватит,
Но вот уже звенит капель,
Как будто лодки конопатят.

И пусть ещё немудрено
Вдруг провалиться в снег по шею
В окоп, разрушенный давно
И в занесённую траншею.

И реки заперты на ключ.
И свет в пруды не проникает.
Но по утрам слепящий луч
Всё чаще воды отмыкает.

И это главное! Пускай
Капли звук и слаб, и тонок,
И пусть ещё не светит май,
И нет на речках плоскодонок.

А может быть, они и впрямь
Уже починены как надо.
Весну пойдя переупрямь,
Сегодня – с ней уже нет сладу.

А с человеческой весной
Зиме не сладить и подавно.
Всё расцветает новизной,
Что было пустошью недавно.

И глубже вспарывает плуг
Предполье, скованное дёрном.
Поля озимые вокруг
Зерном засеяны отборным.

Сияет чистый горизонт,
Зенит синеющий раздёрнут.
Весны отечественный фронт
Для наступления развёрнут.

И пусть не май и не апрель,
И снежных бурь ещё хватает.
Но слышат все: звенит капель,
И видят: лёд на речках тает.

1938

Вернись!

Только слово одно
Ты тогда мне сказала...
Это было давно,
Было там, у вокзала.

Возле братских могил
В незатейливом сквере.
Я тот миг не забыл,
Я по-прежнему верю.

И куда не ведут
С той поры меня дали,
Помню, где меня ждут,
Где «Вернись!» мне сказали.

Это слово одно
Мне навеки священно...
Это было давно,
Но и нынче – нетленно.

1941

В разведроту Анатолия Волощука

Больше спокойствия.
Больше спокойствия.
Или к утру
Под артоналётом разбитые кости я
В поле ничейном не соберу.

Мир существует. Планета не рушится.
Жизнь не утрачивает права.
Что же томятся от смутного ужаса
Сердце моё и моя голова?

Жизнь выдаёт незаметные крохи нам
Счастья,
а здесь его тратишь пуды...
Что-то не вижу руки Середохины?
Где Волощук? Где Велиев Дурды?

Где растеряю разбитые кости я,
Жизнь променяю на смертную дрожь?
Больше спокойствия.
Больше спокойствия.
Только б не путались правда и ложь.

* * *

В пустую позднюю природу,
Когда всё сплошь оголено,
Смотрел он, как иные в воду
Глядят и видят, что дано

Им впереди. Он за весенним,
Сквозистым, сереньким леском
Не зимний видел, не осенний
Край поля, взятого броском.

И не истерзанные ивы
Вставали перед ним вдали.
И не виднелся в жёлтых взрывах
Кусок израненной земли.

Своим он отрешённым взором
Всю жизнь прошедшую листал.
Как получилось, что так скоро
С ней день прощания настал?

Всё изменилось. Очень круто.
Ведь он дошёл до той поры,
Когда за каждой минутой
Удар! И следом – сброс с горы.

И, может, будет день хороший,
И всё как надо, всё на взлёт.
А он оторван будет, сброшен.
А жизнь? Она вперёд пойдёт.

Шелтозеро

Вот здесь в июне, на рассвете,
В дни наступленья в том году
Шли в бой шелтозёрские дети,
Чтоб отвести от нас беду.

Я видел вынутые ими
На вознесенском большаке
Противотанковые мины,
А рядом трупы на песке...

И тут же залитые кровью
Живые – в рывтинах по грудь...
нет, не свинцом – они любовью
бойцам прокладывали путь.

Потом я видел их в санбате –
Культияпки рук и ног в бинтах...
И пусть мне говорят: мол, хватит,
Мы это знаем, мол, и так.

Я должен всё переупрямить,
Всё помнить, бывшее окрест.
Тот, кто зачёркивает память,
На будущее ставит крест.

1945

* * *

Что ж удивительного, что я похоронен
За Петрозаводском, что книжка есть,
В которой показан, как на ладони,
И стих мой солдатский, и путь мой весь.

И как это было под Рованмяки
(А мы их звали Ровангорой),
И как в том болоте и в той атаке
Никто и не ведал, что он – герой.

Не мелочь, не сдачу – мы жизнь тратили,
Зная: нам бродя в огне не дано.
Что ж удивительного, если приятели
На мраморе высечены давно.

«Я выжил тогда», – говорит мне прошлое,
Другое – «убит». Вот так и живу.
Их два у меня. И будь по-хорошему,
Мне надо б два будущих – наяву.

Я упираюсь

Я не живу. Я упираюсь,
Отодвигаю вдаль беду.
Я с Микеланджело братаюсь,
Я с Тицианом речь веду.

Они – художники-поэты
И учат жить не как-нибудь.
Они нам подают советы.
Они во всём достойный путь.

Конечно, путь их грандиозен.
У них другие день и ночь.
И всё-таки – не быть в обозе
Сумеют каждому помочь.

И на краю почти что бездны
Пример надёжный подадут –
И там, где дух тоски железной,
И там, где воинский редут.

Вот почему душой братаюсь
С богами, что ушли в молву...
Я не живу. Я упираюсь.
И, может, потому живу.

* * *

А после смерти смерти нет,
И потому там нет тревоги
И нет того, что губит свет
И застилает тьмой дороги.

И никаких ни бурь, ни драк.
Покой от горьких треволнений.
И равенство всех бед и благ,
Будь гений ты или не гений.

Никто не злит и не хамит.
Не мучит руганью отпетой...
Вот только нет там жизни этой,
Которая нас здесь томит.

Душа друзей

Куда меня забросило?
Ночь светлая кругом.
И степь обезголосила,
И тих в сторонке дом.

Мне что-то тяжело дышится.
И я как бы не я.
Но чей-то голос слышится:
— Здесь Родина твоя.

Оглядываюсь, где они,
Кто говорит со мной?
Их нет. Одни видения.
И нет души родной.

Но почему-то чувствую:
Лишь спряталась от глаз
Душа друзей стоустая.
Хоть и молчит сейчас.

1987

* * *

Хлопотливое щёлканье птиц.
Малых сих в этом мире огромном.
До чего оно кажется скромным.
До чего с ним легко разойтись.

Не услышать его на дороге
Средь задумчивых ив и берёз.
И тем более в горькой тревоге,
В лихорадке сегодняшних гроз.

Как легко миновать их приветы
В осень, в зиму. И, как в полусне,
Не заметить их щёлканье летом,
Не услышать их гимны весне.

Но без них будет сердце пустое,
Будут распри и вечное зло...
Я услышал их. Счастье какое!
Видно, сердцу и впрямь повезло.

1995

Только «здравствуй», «прощай» – никогда

Нас хоронят уже. Прозвучало
И такое: «Россия, прощай!»
И пускай она гордо не встала,
Не сказала в ответ: «Не пугай!»

Жизнь горька. Нас корёжат несчастья –
И не месяц, не два, а года.
Но при самой горчайшей напасти
Мы не скажем «прощай!» никогда.

А уж как издевается некий
Над явившейся правдой на свет,
Как он топчет в живом человеке
Зёрна завтрашних вещей побед.

Не моги со словцом своим скромным
Встать и молвить бандиту: ты – вор.
Он – хозяин, он – в месте укромном,
Лишь покажется, в честь его – хор.

Да и шире взглянуть – не ухожен
Мир, который мы в руки берём.
Трудный век наш в страданиях прожит,
И сражений не кончится гром.

Здесь мы встретим и дальних и близких,
Тех, кто гадит и рушит наш дом.
Ну а если их горло не стиснем?
Если сами в пути упадём?

Что ж, дорогами битвы шагая,
Пусть мы в чёрном болоте по грудь,
Мы, Россия, страна молодая,
Мы ещё начинаем свой путь.

1995

Юрий НЕМЦОВ

Родился в 1950 году в Кинешме Ивановской области. Окончил Горьковский госуниверситет (филологический факультет), преподавал в средней школе литературу и русский язык, работал журналистом.

Шеф-редактор публицистического вещания ННТВ, редактор видеожурнала «Строй!». Лауреат премий им. М. Горького и Нижнего Новгорода, Гран-при телефестиваля «Вся Россия» (программа «Парад “Побед”», 1995 г.), гран-при фестиваля «Зодчество-98» («Архотека»). Автор трилогии документальных фильмов «О человеке, земле, воде и дереве»: «Сделай себе ботник», «Черная глина», «Сила Кориолиса».

Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Нижнем Новгороде.

РЯБОВКА

На обложке девочка – нежная, румяная, с толстой книжкой в пухлых ручках, а в книжке цветочек. Название игриво-жеманное: «Девочка в саду». Но это мистификация. На самом деле название другое.

«Водка была холодной и сладкой. Можно было даже не закусывать. Она маслянисто ложилась на нёбо, заполняла всю полость и текла тонкой горячей струйкой по пищеводу куда-то в центр».

А не летела в глотку, как в трубу, – в этом и жизненный опыт, и отношение к продукту, и готовность разделить с читателем радость бытия. Через пару страниц нам откроются сокровенные тайны семидесятих годов – лопнет наскоро залатанная сорочка развитого социализма, обнажая сладковато-терпкую сердцевину Застоя.

«Производили в те годы на нашем винзаводе такие страшные напитки, как “Волжское” и “Солнцедар”. Изготавливали их из алжирского красного сухого вина, которое привозилось на завод вагонами в алюминевых бочках. И вот однажды кто-то где-то что-то перепутал, и в таких же бочках на завод пришел прекрасный азербайджанский портвейн “Агдам”».

Типичный рябовский ход – не спеша, вразвалочку. Нам сообщают достоверные факты производственного характера. Знакомят с Татьяной, Жоркиной женой («ну, чтобы ничего не объяснять, при росте сто шестьдесят – вес сто двадцать»).

«И вот с некоторых пор стала Танька приревновывать своего ненаглядного к каким-то неопределенным мифическим дамам, которые у него где-то могут быть.

Получилось так, что, уезжая летом в свою деревню к родителям, она очень забеспокоилась за Жоркину судьбу. Жорка должен был к ней, в ее деревню, приехать через неделю, но как он проведет эту неделю без нее дома, ей было непонятно».

Ну правильно: возьмет да и приведет какую-нибудь шмару в гнездо семейное, в спальню, в ванну.

«Танькин острый женский ум решил проблему сразу, и в тот же день, как она узнала об ошибке снабженцев с винзавода, у нее в квартире ванна была заполнена прекрасным крепленным вином. Вино Таньке привезли не в бутылках, не в канистрах и даже не в бочках – вино привезли в автоцистерне, на боку которой была надпись “Молоко”. И сливали ей вино через кухонное окно прямо из цистерны.

Ванна “Агдама”! Вы понимаете, что это?!»

Понимаем: это – миф. Даже если автор начнет утверждать, что сам там был и тот «Агдам» пил, все равно: ванна «Агдама» – какой-то советский сюр, Сальвадор Дали из микрорайона Кузнечиха-2.

Олег Рябов хотел, чтобы его новая книга называлась так же, как программный рассказ «Агдам», но издательство провело опрос посетителей книжных магазинов, а это в основном дамы от 30-ти до 50-ти, и оказалось, что читательницы ни о каком Агдаме понятия не имеют, с этим словом у них почему-то ассоциируется эстрадный певец (Агдам – Богдан – Билан?..), поэтому на обложку вынесли название другого рассказа – «Девочка в саду».

В чем программность «Агдама»? Наверное, в точном соблюдении однажды найденного и проверенного рецепта: соединение правды и вымысла с легкой приправой иронии плюс – непременно присутствие автора, даже если в роли рассказчика выступает кто-то другой. Собственно, это классический рецепт байки.

«В середине семидесятых все почему-то начали очень крепко выпивать. И знакомые, и малознакомые, и даже те, о ком я знал только понаслышке», – так начинается другой рассказ, «Лалла Рук».

Тот же самый прием – максимум достоверности в начале:

«Стоим мы как-то с Карасем и Чарли, моими хорошими друзьями и поэтами, в туалете Дома учителя и разговариваем о поэзии, на подоконнике – две большие бутылки «Алб де десерт», по карнизу идет большой одноглазый серый кот, под окном – пустой двор Мытного рынка, который метут два старых дворника».

Сейчас с документальной точностью появится еще один поэт, Юра Уваров, сообщит печальную новость – умер Соснора! – на которую рассказчик купится, бросится в Питер, явится в тамошний Союз писателей:

«– Когда похороны будут?

– А что – Витя умер? – спрашивает тетка у мужика.

– Утром умирал, – отвечает тот, – но мы его поправили».

До этого момента всё – чистая правда. Дальше байка мгновенно перерастает в миф. Мужик по имени Серега везет рассказчика в Михайловское, где тот ночует в дупле, видит Пушкина с Анной Петровной Керн и разгадывает тайну «чудного мгновенья». Вы скажете: это не Рябов придумал – начинать с молдавского в туалете, а заканчивать гением чистой красоты. Гофман, Гоголь, Проспер Мериме, Алексей Толстой... Вымысел ярче сияет на фоне обыденного пейзажа, это давно известно.

Но рябовский рецепт составлен таким хитрым способом, что фоном оказывается не реальность, а миф. Почему-то именно проходные, бытовые, прозаические детали приобретают выпуклость рельефа:

«Мы с Белкиным пили водку маленькими глотками в ожидании ухи и нашего друга Николая, сидя на открытой веранде ресторана.

Это было давно.

Это было в Городец.

Это сейчас Городец похож на глазированный пряник, а тогда это был покрытый пылью веков и легенд настоящий русский провинциальный город, не претендующий ни на что, кроме своей истории».

Дальше начнется та самая байка про Агдам, но «пыль веков» – вот уж газетный штамп, не правда ли? – загадочным образом ляжет в памяти зримой дорожной пылью.

Первые строчки рассказа «Дилижанс»: «Эту легенду рассказала мне старая проститутка Мери, а так как города нуждаются в своих мифах, я решил ее вспомнить и записать». Здесь карты открыты сразу, как в «Старухе Изергиль», и ждешь только мифа. Вот, пожалуйста: визит Александра Дюма в публичный дом на Нижнем базаре:

«Ну, в заведение-то их не пустили, узнав, что приехали французы на “дилижансе”. Так и сказали люди выборные, которые гостей встретили, что городской голова господин Пятов запретил французам заведение посещать без его ведома. Ну а барышни, несмотря на холод, вышли на балкон, чтобы посмотреть на гостей несостоявшихся: в провинциальном городишке тайн не бывает. Уехали гости, а дилижансом с тех пор называют тех, кого ждали, да не дождались».

Ну, забавно, любопытно. Ну да, города нуждаются в своих мифах. Теперь, проходя по Рождественской мимо Скобы в сторону Столбов, я представляю в дилижансе дородную фигуру автора «Трех мушкетеров» – и сам себе улыбаюсь. Но самое-то интересное в «Дилижансе» – про Кавказ: о нем уже никто, кроме Рябова, не расскажет.

«С Мери я познакомился в поселке Кавказ, который располагался когда-то вдоль берега Оки, между Молитовкой и Кунавинской слободой, и куда по своей воле старались не забредать простые граждане: такая нехорошая репутация сложилась у этого района за последние сто лет. Ни названий улиц, ни номеров домов, в почтовом смысле этого слова, в поселке не было: хибары, лачуги, землянки, бараки лепились друг к другу без всякого порядка, и разобраться в них не было никакой возможности, а заблудиться, потеряться или просто пропасть – легко».

Одна ученая дама, приехавшая в Нижний, требовала, чтобы ей предъявили лавочку Даля:

– Вот же, у Рябова написано: «каждый раз поэт объяснял мне, что он сидит на лавочке Даля». И рассказ называется – «Лавочка Даля»!

Но в рассказе-то не про лавочку написано. И в «Дилижансе» – не про дилижанс. И в «Агдаме» – не про «Агдам».

В отличие от псевдоисториков-краеведов, публикующих небылицы о Русском море, сакральном Кремле, столпе Святогора и прочих бред, автор, сшивая быль и вымысел, не прячет белых ниток, оставляя читателю право сомнения и удовольствие разоблачения. Но и это – всего лишь игра. А не игра – когда «я шел из гостей один, пьяненький и восторженный, совсем не мечтая побыстрее добраться домой. Я любил свой город и любил по нему гулять. Я даже любил просто посидеть один на улице на пеньке или на чужом крыльце, или на незнакомой скамейке, чтобы помечтать».

Искреннее чувство, которое живет на страницах рябовских рассказов, иногда теряясь в переплетеньях правды и вымысла, иногда просвечивая между строк, та самая *лирика прозы*, которая дороже иных по-

этических изысков, – вот что придает мягкую терпкость напитку под названием «Рябовка». В самом чистом, неразбавленном виде этот состав представлен в рассказе «Лед».

«Отец штопал охан, развешенный на плетне, красивой деревянной рыбацкой иглой. Было раннее утро, и куры яростно разгребали хищными лапами навозную кучу, выискивая там что-то полезное для себя. Я вышел на зады, чтобы пописать, и, незамеченный, наблюдал за отцом – как тот босиком, в черных семейных трусах и короткой рубашке-распашонке, старательно работал. У отца худые длинные ноги бегуна-стайера, они у него не просто длинные и красивые; подошвы их твердые и жесткие, как кирзовые сапоги: он ходит по скошенной стерне и не чувствует. У него и на пальцах рук такая же кожа: чтобы узнать, есть ли напряжение в сети, он поплевывает сначала на пальцы, а потом уже берется за оголенные концы провода. Еще у отца необычные старинные круглые очки, трехдневная выразительная щетина и седые редкие волосы, прикрывающие раннюю плешину.

Вечером поплывем на рыбалку».

На рыбалку! С отцом! Вот счастье – лето, деревня, дача, река, лодка, отец. Уже не молодой, но крепкий, красивый. Строгий?

«Его очень любят ребята – и городские, и местные. Он с удовольствием занимается с ними, ему нравятся их проказы, он за них всегда заступает. А вот со мною он всегда строг и суров. Я его понимаю: отец должен быть суровым и требовательным к своему сыну, особенно если сын уже взрослый».

Да, строгий. Пусть даже слишком строгий – он же твой, родной, единственный. Счастье, когда это понимаешь не задним числом, а здесь и сейчас, на этом берегу. Читаешь – завидуешь этим двоим, – отцу и сыну, большому и маленькому: все у них правильно, всё по местам. Маленький уже считает себя взрослым: он знает, как надо грести на рыбалке с оханом.

«Ночь теплая, светлая. Этот свет струится откуда-то с неба – наверное, из-за редких высоких облаков. На моторе мы поднимаемся вверх почти до Работок, а вот спускаться надо на веслах. Я знаю, как надо грести, и мы работаем почти молча. Отец сидит на транце лодки, надменно контролируя конец веревки, к которой прикреплен охан, смотрит в сторону и только изредка командует: “Потабань левым”, “Разворачивайся, будем вынимать”».

Счастье, когда можно вот так описывать жизнь – просто смотреть в свое детство, вглядываться в темноту, угадывая очертания лодки, фигуру отца на корме и себя, двенадцатилетнего подростка, сидящего на веслах. Это возможно, когда в душе твоей покой и согласие с миром. Так течет река, дует ветер, плывут облака. «Этот свет струится откуда-то с неба – наверное, из-за редких высоких облаков». Свет нужен не только художнику, фотографу, кинооператору, свет и в рассказе необходим, и наше восприятие текста во многом зависит от того, насколько правильно поставлен свет. Только что он был летний, ночной – а сейчас загорится дневной, весенний, от которого вода в огромной полынье делается темно-синей.

«Мы с папой тоже плаваем с оханом в этой полынье. Грести трудно: все время под весла попадают мелкие льдины, но они мешают еще сильнее больших – те хоть видно, от них уйти можно. Солнце светит, стоит звон и – азарт в душе непонятный от такого фестиваля.

Потом небо затягивается тучками, начинает моросить дождь, и мы остаемся на своей лодке в полынье одни – остальные рыбаки отлови-

лись. Дождь показался мне сначала теплым, но очень быстро он превратился из морозящего в секущий, со льдистым снегом. И полынья быстро уменьшилась...»

Со сменой освещения меняется настроение, растёт напряжение, ощущение опасности, но только не чувство тревоги, только не страх: ведь рядом папа.

«Огромная многометровая льдина, выползшая на берег, преградила нам путь. Наверное, это называется торосом. Она была с метр толщиной и плоско лежала на берегу, и плоско спускалась в ледяную воду. Папа перекинул через нее лодочную сеть и обошел ее, а я забрался на плоскость льдины с веслом и пытался, отталкивая нос лодки, обвести ее вокруг. Ничего у меня не получалось. Да и сам я в какой-то момент понял, что скольжу по льдине вниз, лежа на животе, в реку, в эту черную холодную бездну. И весло выпало из рук и уже булькнуло туда... Было не страшно...»

Не страшно, потому что рядом отец. Мальчик так в нем уверен, что даже не пытается удержаться, только смотрит, как папа медленно снимает сапоги, медленно забирается на льдину.

«Я сполз уже к самой воде, когда папа добрался до меня и поднял мою ничего не чувствующую от холода руку на цепь лодки. Я судорожно и намертво ухватился. Потом мы выбрались на берег. И лодку вытащили. Папа велел мне снять сапоги и вылить воду. Сам он махнул рукой куда-то в сторону домика бакенщика и, буркнув: “Я пошел за мужиками”, скрылся за сеточкой морозящего дождя. Он скрывался как-то постепенно – просто растворился. А я остался. Я все вглядывался-вглядывался, но ничего не видел: ни деревни, ни отца. Он растворился в дожде, а я сидел на льдине, и мне не было холодно...»

Ну, если сидишь на льдине и не мерзнешь, значит, сам уже заледенел. Почему отец его оставил, не взял с собой – пацан бы и в дороге согрелся, и скорее попал в тепло; почему, решив тащить лодку за цепь, заставил и сына идти по берегу, отталкивая лодку веслом, а не сидеть в лодке, отталкиваясь от берега? Почему не нашел теплых слов, а только буркнул: я пошел за мужиками? Спартакское воспитание? А почему с другими мальчишками ему было интереснее возиться? Может быть, он просто не любит сына? Тогда понятно, почему рассказ называется не «Рыбалка с оханом», или «Отец», или даже «Обида»: «Лед» – куда уж яснее!

А вот и нет. Никаких обид, никаких подтекстов. Потому что свет поставлен так, что видно: они любят друг друга – отец и сын. Потому что иначе этот ставший взрослым мальчик не смотрел бы в свое детство, как в летнее небо, с которого даже ночью, даже сквозь облака струится на землю спокойный теплый свет.

Мы все виноваты перед родителями уже потому, что остаемся, когда они уходят. Но это неизбежность. А пока они еще здесь, с нами, на нашем берегу, пока ничего не стоит лишний раз написать, позвонить, проведать... Да что говорить! Разве бывает лишний раз, если твоего звонка, письма, приезда ждут каждый день? Может быть, поэтому так легко вспоминается детство – там не за кого было отвечать. Двадцать лет разницы – и всё на своих местах: мы маленькие – они большие, их дело учить, кормить и защищать, наше дело расти, слушаться и любить.

...Читаешь Рябова, и первое впечатление – простота. Всё на поверхности, даже лукавство. Но это обманчивое впечатление. Рябов не так прост, как кажется на первый взгляд. Когда это понимаешь, становится интересно – вглядываться.

Наталия БЕЛЯЕВА

Родилась в 1974 году. Окончила Уссурийский государственный пединститут по специальности «Русский язык и литература». Защитила кандидатскую диссертацию «Лирическое начало в прозе М.А. Тарковского».

Доцент кафедры русского языка, литературы и методики преподавания Школы педагогики Дальневосточного федерального университета. Сфера научных интересов – современная литература, нарратология, поэтика художественного текста. Живёт в Уссурийске.

БОЛЬ И РАДОСТЬ

Концепция жизни в романе Елены Крюковой «Рай»

Философский символически-метафорический роман Елены Крюковой «Рай» был опубликован в 2015 году в журнале «День и ночь», затем году вышел отдельной книгой в издательстве «Литео». В этом произведении писательница верна своей творческой манере изображать человека в экстремальных условиях, соединять условно-метафорическое и натуралистическое изображение, мир реальный и фантастически-символический. Автор ставит перед собой задачу показать явные и скрытые возможности человека, ценность его жизни и ее основные противоречия и парадоксы.

Символично и очень значимо заглавие романа, потенциально погружающее читателя в некое «идеальное пространство», где человек чувствует себя защищенным, свободным, окруженным прекрасным райским садом. Мотив рая, являющегося одновременно противоположностью и абмивалентной парой аду, повторяется почти в каждом произведении писателя. При этом намечено такое конкретное воплощение мотива: «райская песня» («райское пение»), «райская красота», «райское блаженство», «изгнание из рая». Последнее дало название роману, вышедшему в свет в 2002 году*. И хотя сюжет, и идея, и повествовательная манера принципиально отличны от романа «Рай», мы можем отметить, что обращение к образу рая, изображение жизни вне рая (где рай становится отправной точкой), являются концептуально значимыми для Е. Крюковой. Вместе с другими мотивами они возвращают к библейским образам, заставляя по-новому – с учетом страшного опыта XX века – посмотреть на природу человека, его силу и слабость, духовность и низменность, чистоту и грязь. В ее художественном мире одно из основных чувств – тоска по раю. Причем традиционный мотив изгнания из рая трактуется писателем оригинально. Например, так: *«Женщина всегда несет Адама на плечах. Вы знаете...*

* Крюкова (Благова) Е.Н. Изгнание из рая: Роман. М.: Центрполиграф, 2002.

ты знаешь, она сорвала яблоко и накормила его не потому, что змей ее совратил. Она хотела его просто накормить. Просто накормить, понимаешь?!»

В романах «Рай» и «Беллона» (Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2014) рай – это материнская утроба, защищающая только готовящегося появиться на свет человека от жестокости реальной жизни. Так, в «Беллоне» перед читателем воспроизводится воспоминание матери, желающей сохранить безопасность и спокойствие своего дитя: *«Ты сидела и ворочалась у меня под сердцем, и я несла, я носила тебя, едва дыша, боялась грубо потревожить тебя, разбудить; ты спала, обмотанная до горла красными травками, мохнатым алым мхом, райскими розовыми водорослями, и тебе тепло было»*. В «Рае» открытие мира, напоминающего райский сад, впервые дано с точки зрения даже не ребёнка, а зародыша: *«Раздвигаются красные водоросли. Клонятся вниз, стелются багровыми бархатными коврами под моим дрожащим животом тончайшие, нежные струны кровавых побегов»*.

Так, независимо от говорящего субъекта, в романах Е. Крюковой рай становится идеальным хронотопом, в котором человек обречен быть некоторое время (*«Девять месяцев? Девять веков? Девять эпох?»*) и из которого неизбежно будет изгнан. В романе предлагается авторская интерпретация библейского сюжета – появление жизни, основанной на любви и поддержке, из тьмы и хаоса. Здесь и развитие устойчивых языковых метафор и оборотов: «белый свет» (чаще всего палитра света – это различные оттенки белого и красного цветов), «свет в конце тоннеля» (сам процесс зачатия символически изображается как движение света: *«Свет подмял его под себя. Свет проник в каждый кусок его маленькой жизни. Свет выжег в нём всё мрачное, обидное, прежнее, одинокое. Свет залил его белым и золотым молоком, ярким кровавым шёлком, захлестнул ало-жёлтой ослепительной метелью. И он, становясь светом, понимал: он весь стал ртом и целует свет; он весь стал руками и ногами и обнимает свет; он весь стал вином и перелился в свет; он весь стал тёмным скорбным одиноким мужчиной и весь, до конца, перетёк в женский огромный, счастливый, торжественный свет»*), божий свет и др. В целом же свет и тьма составляют неразрывную амбивалентную целостность, которая и обеспечивает жизнь. Только осознавший собственную самостоятельность будущий ребёнок размышляет: *«Неужели в мире есть только крошечная тьма? А свет хранится внутри тьмы, в её жадном, жестоком, жутком ларце?»*

Свет становится спасительным для главной героини, когда ей нужно было защититься от готовых растерзать её карликов. Благодаря случайно обнаруженной в кармане отцовской зажигалке героиня не только получила возможность бежать и тем спасти свою жизнь, но и пришла к важному выводу: *«Всё на свете огонь. Человек выпустил силу огня наружу, и сила убила его. Но тот огонь, что внутри, не убить. Я умру – а этот огонь будет жить»*.

Амбивалентность света и тьмы становится основой не только зарождения жизни, но и её завершения. Так реализуется апокалиптический мотив взрыва, ставшего своего рода концом света, после которого герои потеряли и материальную, и нравственную основу: *«Во тьме, под жаркими кожаными шорами дрожащих век, вспыхивала далёкая зарница. Слишком светлый шар. <...> Свет опережал звук, бежал быстрее гула. Световой шар разрастался стремительно, странный прозрачный жар опалял лицо и руки. <...> А из окон не будет раздаваться*

ни музыка, ни клёкот телепередач, ни хныканье младенцев, ни звонкий, захлёб, девичий смех».

При обилии реминисценций и аллюзий на Библию и библейские образы и мотивы, в романе преобладает не только и не столько христианское, сколько экзистенциально-архетипическое понимание природы человеческого бытия.

К.Г. Юнг, основоположник теории архетипа в XX веке, указывает, что одним из аспектов архетипа матери является *«цель страстного избавления (рай, Царство Божие, Небесный Иерусалим)»*. Кроме того, представляется необходимым обратить внимание на такой вывод учёного: *«Позитивный аспект первого типа, а именно, преувеличенное развитие материнского инстинкта, это как раз тот образ матери, который воспевался и почитался во все времена и на всех языках. Это та материнская любовь, которая принадлежит к самому что ни на есть умирительному и незабвенному воспоминанию повзрослевших седин, это – тайный корень всех начинаний и превращений, который составляет молчаливую прaosнову возвращений к родному очагу и поискам пристанища на чужбине, т. е. основу всяческого начала и конца»*. Особенно активно это созидательное, преображающее начало проявляется в самом поведении главной героини, Руди, которая ради сохранения жизни ребёнка, как следует из сюжета романа, – жизни вообще – идёт на различные мучения и унижения. В ней словно просыпается первобытный животный инстинкт самки, вынужденной защитить своего ещё не рожденного детёныша. Этот инстинкт в гораздо большей степени, чем инстинкт самосохранения, заставляет героиню бить и убивать. По контрасту с этим изображена вселенская доброта и любовь женщины, способной успокоить и приручить и хищника (волка), и обезумевшую толпу молодых головорезов.

Жизнь – и в момент её зарождения, и в процессе сохранения, и даже *«после жизни»** – представляет собой гамму совершенно противоречивых, сложных чувств и эмоций, чаще всего экзистенциальных: страх, вина, боль, сомнения и т. п. Первое чувство, которое осознаёт зародыш, – это чувство страха, контрастное потерянной радости (сравним: потерянный рай), по которой он символически тоскует: *«Вот я уже стал каплей страха. Где моя радость? Говорят, жизнь – радость. Где моя жизнь?»* Здесь, уже на первой странице журнального варианта текста, впервые даётся толкование жизни, и связано оно с положительным чувством – чувством радости. Примечательно, что о радости изначально известно будущему человеку от чьего-то чужого общего мнения (*«говорят»*), но это то сакральное знание и отношение к жизни, которое заложено в самый момент зарождения, и с этим человек проходит через всё своё существование, всё время задаётся вопросами: *«Где моя радость? Где моя жизнь?»*. А в жизни, в самом начале, *«боль и радость»*. Эти два чувства связывают близких людей, выражая их понимание друг друга, заботу и поддержку: *«Мать старалась перелить в ребёнка все соки, всю радость, всё счастье. Снаружи боль – на тебе радость!»*. Неизбежность боли и страха, их главенствующее влияние на поступки человека не должны вытеснить в человеке любовь и радость. И если в

* Роман «Рай» написан в жанре антиутопии. Здесь главная героиня, Рудольфа Савенко, которую повествователь чаще называет Руди, проходит своё испытание раем – вынашивание ребёнка в опустевшем, озлобленном мире. В романе пересекаются, взаимно дополняя друг друга, две точки зрения – будущей матери и будущего ребёнка. С Руди читатель впервые знакомится в части текста, озаглавленной «После жизни».

человеке есть жизнь (не только другого человека, как в материнской утробе), значит, в нём представлена вся гамма противоречивых чувств и эмоций, у него остаётся право и необходимость выбора. При этом первичная агрессивная реакция сменяется более осознанным стремлением к взаимодействию, а не сопротивлению другим.

Изначальная заданность этих противоположных и взаимодополняющих чувств, качеств и реакций определяет циклическую концепцию мира, которая преодолевает линейную идею конца и возвращает человека к истокам. В архетипическом контексте – к рождению как «изгнанию из рая», а в условно-метафорическом – к душевной гармонии.

Цикличность изначально свойственна живому существу и проявляется с самого начала в сердечном ритме, подчинённом пульсации внешнего (для «червя» – материнского) мира: *«<...> он отзывался на удары тьмы извне; одно биение тьмы – десять биений булавочного сердечка»*. Это ритмическое биение потом, после рождения, станет основой дыхания: *«Вдыхать. Вбирать. Впускать. Не выпускать? Всё, что войдёт внутрь, выходит наружу. Есть только выход!»*

Законам цикла, который необходимо пройти всякому человеку, соответствует принцип эволюции, воссозданный автором: червь – рыба – змея – птица – зверь – обезьяна – человек.

С циклической концепцией времени как основы жизни связан и мотив воспоминаний, или, скорее – воспоминания: *«Она так любила осень. Не она, а та жёнищина, похожая на неё»*; *«До неё дошло. Все забыли всё. И песни тоже»*. Случайно обнаруженные предметы: игрушки, ноты, иголка, фотография, лопата и др. – и случайно услышанные слова рождали у Руди память о прошлой жизни, где эти предметы и слова имели значение. В той жизни, до того, как «она умерла», она радовалась Рождеству и музыке, у неё был папа – самый близкий человек, почти вытесненный из памяти, но в момент воспоминаний преображающий её жизнь.

Гораздо явственнее и важнее воспоминания плода: *«У зародыша рождалась память. Это было так непонятно, сумрачно, смутно. <...> Возможно, он повторялся, и это зачатие было не первым в его судьбе; его зачинали другие отцы и вынашивали иные матери, и счастливо было заново биться булавочному сердечку, осознающему новую дорогу»*.

В контексте романа жизнь понимается как бесконечный цикл жизни, сменяемой смертью, и таким образом проявляющей новую жизнь. Вечна война, так как является воплощением постоянной борьбы рая и ада. Извечны страх и радость, окружающие человека. Всё начинается и заканчивается Океаном, воплощая архетипическое представление о воде как основе жизни: *«Вода поможет тебе. Видишь, она ласковая. Она мать. Она всегда поймёт мать. Ты мать, и она мать»*.

Всё, что было и будет, по замыслу автора, постигается как вечная циклическая заданность, ценная в каждый момент бытия: *«У них <...> нет жизни. Нет смерти. У них есть только одна минута. Вот этот миг. Лишь этот миг»*.

Жизнь, по Е. Крюковой, – постоянная борьба за существование и движение к смерти того, кто сумел победить и выжить в различных обстоятельствах: от самых обыденных до фантастических. Например: *«Он уже совсем близко был к той, что, колыхаясь слёзным маятником, терпеливо ждала его – единственного из всех, кто опередил всех; все погибли, а он не погиб, все умерли, он один не умер»*. Человечество не-

изменно движется к разрушению, преодолевая заданный закон жизни, убивая всё и всех на своём пути. Автор в антиутопии «Рай» словно предупреждает: если не остановиться, не вернуться к истокам, возможен такой исход: *«Человек уничтожил себя сам, а ужасаться содеянному было уже некому»*. Главная героиня романа, спасая свою жизнь и жизнь своего ребёнка, встречается разных людей: карликов, калеку, немого, прокажённую, обезображенных войной молодых мужчин. Их физическое уродство лишь отражение уродства внутреннего, ведь они ведут себя по отношению к другим более жестоко, чем звери. На их фоне чёрный кот и дикий волк оказываются более гуманными и человечными. Но человек не может жить изолированно от других. Несмотря на то, что Руди стремится убежать, освободиться от этих встречных, для неё и – что важнее, для автора – эти встречи сулят одновременно и опасность, и надежду. Большинство встреч подтверждает: после взрыва, после жизни, после утраты человеческого каждый сосредоточен исключительно на своем физическом выживании. Но последняя встреча меняет общую тональность опустошённого мира. Этот мужчина оплакивал своего ребёнка, и мир снова является в своей амбивалентности: *«Вот я родила. А он – закопал. Чаши весов. Смерть, жизнь. Мы никогда не поймём, что оно всё значит»*.

Уделяя большое внимание низменной, животной, теневой стороне человеческой природы, Е. Крюкова заставляет читателя подняться над ней и через осознание победить её. Основа авторской концепции жизни в рассматриваемом романе – утверждение гуманности, любви и мудрости, отчасти данной от Бога, отчасти возвращённой самим человеком. Основная идея романа заключена в финале произведения:

«– Как ты думаешь, Земля оживёт после этой бойни?»

– Это от нас зависит».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Ольга Маркичева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кирилл Анкудинов (Майкоп)

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Глеб Горбовский (Санкт-Петербург)

Ирина Горюнова (Москва)

Нина Зверева

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Роман Сенчин (Москва)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Александр Котюсов

Ольга Лисятникова

Владимир Седов

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства

Нижегородской области

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий

и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-60285

от 19 декабря 2014 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции:

603057, Нижний Новгород,

ул. Бекетова, 24/2.

Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:

jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются
отдельным файлом Word с указанием
авторства, наименования произведения и
краткой библиографической справкой. Неот-
корректированные рукописи с большим
количеством ошибок не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку. Ру-
кописи не рецензируются и не возвраща-
ются. Ответственность за достоверность
фактов несут авторы материалов. Мнение
редакции может не совпадать с мнением
авторов.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Подписано к печати 25.01.2017.

Выпущено в свет 25.02.2017.

Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 21 .

Тираж 800 экз.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии «Растр»

603024, Нижний Новгород,

ул. Белинского, 61